

Пётр I

В конце XVII столетия на арене отечественной государственности появилась личность первой величины, мирового масштаба – царь Петр I. Он был внуком основателя новой правящей династии Романовых, Михаила Федоровича, призванного на царский престол Земским собором (1613 год). При Михаиле Федоровиче в России начались первые нововведения (например, полки нового строя и др.). При его сыне, царе Алексее Михайловиче, в этом плане Россия еще дальше продвинулась вперед. Потребности жизни выдвинули реформаторов: А.Л. Ордина-Нащокина, Ф.М. Ртищева, А.С. Матвеева; позднее – царя Федора Алексеевича, князя В.В. Голицына, царевну Софью и др.

Это было, как говорят, предреформенное время; по существу же – начало реформ, их попыток. При Петре перестройка коснулась всех сфер жизни государства, и носила она гораздо более всеобъемлющий, глубокий характер, чем при его предшественниках. Он внес огромный личный вклад в преобразование России.

Уже при жизни установился своего рода культ Петра, то же продолжалось и после его кончины.

В глазах Ломоносова, великого русского ученого, Петр – человек, «Богу подобный». А Державин вопрошал:

Не Бог ли в нем сходил с небес?

Личность Петра занимала большое место в творчестве поэтов и писателей, живописцев и скульпторов во все времена. Но уже в том же столетии, когда жил и умер Петр, в хвалебный хор начинают вплетаться диссонирующие голоса и ноты. Уже при его жизни не все согласны с тем, что и как он делал, вводя свои знаменитые новшества. Позднее, во второй половине века, одни, признавая успехи в преобразовательной деятельности Петра, скорбят об ушедших при нем прошлые старинных нравах и обычаях Московской Руси, упадке аристократических фамилий, повреждении нравов. Другие, например А.Н. Радищев, тоже признавая великого Петра-реформатора, упрекают его за то, что он истребил «последние признаки дикой вольности своего Отечества».

Эти споры перешли в XIX столетие и продолжают сейчас. Вольтер, описавший его царствование, считал, например, что шведский король Карл XII, воевавший с Петром и поначалу свысока к нему относившийся, достоин был быть лишь солдатом у Петра Великого.

По словам Пушкина, «Россия молодая... мужала гением Петра». Он же воспел царя-плотника, при котором «Россия вошла в Европу, как спущенный корабль, – при стуке топора и громе пушек». Поэт в то же время отмечает, что Петр «уздой железной Россию поднял на дыбы», многие его указы написаны кнутом.

В общих курсах по истории, в книгах, посвященных России эпохи Петра, ему самому, о нем высказывают резко противоположные мнения. Н.М.Карамзин сокрушался: «Мы стали гражданами мира, но перестали быть в некоторых случаях гражданами России – виною Петр!»

Слова эти написаны во времена того же Пушкина. Пройдет немногим более половины столетия, и С.М. Соловьев назовет Петра революционером на троне: ведь он ввел «посредством цивилизации» слабый, бедный, почти неизвестный народ на историческую арену, соединил тем самым восточную и западную половины Европы, до него разобщенные.

У царя Алексея Михайловича, отца Петра, от первой жены, Марии Милославской, к 60-м годам народилось более дюжины детей. Но одни новорожденные довольно рано покидали грешную землю, из других большинство составляли девочки; мальчики же или умирали младенцами, или росли хилыми и больших надежд не внушали.

После кончины царицы Марии Ильиничны Милославской, организм которой, очевидно, не выдержал такой большой нагрузки, Алексей Михайлович женился второй раз. Выбор пал на дочь Кирилла Полуектовича Нарышкина, человека незнатного, провинциального дворянина из-под Смоленска.

По отзыву князя Б.И. Куракина, человека умного, тонкого и наблюдательного, в будущем – одного из самых выдающихся русских дипломатов, эта красавица – «доброго темпераменту, доброжелательного, токмо не была ни прилежная и ни искусная в делах и ума легкого». Но молодая, пышущая здоровьем царица родила 30 мая 1672 года сына Петра; был ей в ту пору 21 год (царю Алексею – вдвое больше).

При дворе по случаю «всемирной радости», как тогда говорили, рождение четырнадцатого ребенка царя-батюшки отмечали торжественно и радостно – весь день 30 мая звонили сотни колоколов по всем московским церквам и монастырям, проводились молебствия: Придворные, представители сословий поздравляли родителя, одаривали новорожденного сына. По обычаю, который велся исстари, родственники царицы, близкие ей люди стали быстро выдвигаться при дворе, и новые любимцы царя «по кике» пополняли Боярскую думу – высший совет при его особе, входили в ряды столичной аристократии. Помимо отца и А.С.

Матвеева, воспитателя Натальи Кирилловны, пошли в гору и другие ее родственники – дядьки и братья.

К младенцу приставили целый штат – «маму» боярыню княгиню Ульяну Ивановну Голицыну, кормилицу Ненилу Ерофееву, казначею (ведала бельем и платьем), пять постельниц. Ему выделили особые хоромы. Одна комната была обита серебряными кожами, другая – «сукном червчатым амбургским» (красным гамбургским сукном). Особые мастера изготовляли детскую колыбельку, одежду, а позднее всякие игрушки – деревянные стульчики, коней, затем – игрушечные барабаны, музыкальные инструменты (клавикорд, цимбалы), каретку. Дошло и до «книг потешных» (с рисунками). Но, как заметили окружающие, ребенок больше всего любил игрушки военного свойства – лук со стрелой, сабельки, ружья, барабаны, «набат потешный». Живой и восприимчивый мальчик играл в «воинское дело» – при нем собрали целый полк из «потешных ребяток». То были дети, его сверстники, из разных знатных родов. Царь-отец выделил для их обучения одного из иноземцев, осевших при его дворе, – шотландца Павла Гавриловича Менезиуса. Этот бывалый и ловкий человек посетил в молодости многие страны Европы, говорил на разных языках; искатель приключений, он, служа в Польше, попал в плен к русским. Менезиус осел в России, женился на вдове другого иностранца П. Марселиса, известного владельца тульско-каширских железоделательных заводов. Его узнал и полюбил царь Алексей, посылал с важными дипломатическими поручениями, например послом к Папе Римскому. По возвращении из Рима Менезиус и получил новое назначение.

Первые детские годы Петра протекали беззаботно и весело. Но на четвертом году жизни Петр потерял отца – Алексей Михайлович скончался 29 января 1676 года. На престол вззошел Федор Алексеевич, к тому времени неполных четырнадцати лет болезненный юноша, еле передвигавши ноги. Он, как говорили в старину, «скорбел ножками», хотя доморощенные лекари из дворцовых бабушек и иностранные медики говорили о «цинготной болезни», которой – де он подвержен.

Хотя новый царь и хорошо относился к Петру, его родственники по матери – Милославские – и их сторонники оттеснили от власти «партию» Нарышкиных. Но заботы и тревожения матушки и других взрослых Петру тогда было, естественно, не понять.

Однако время шло, и однажды царь Федор сказал куме – мачехе царице Наталье:

– Пора, государыня, учить крестника.

Петру шел тогда шестой год. Царица согласилась, но просила найти учителя кроткого, смиренного, богобоязненного, знающего Божественное Писание. Боярин Федор

Прокофьевич Соковнин рекомендовал Никиту Зотова – подьячего из Приказа Большого прихода (что-то вроде министерства, ведавшего сбором доходов, пошлин), человека смиренного и добродетельного. Соковнин, привезший учителя для представления царю Федору, оставил его в передней, а сам отправился к царю для доклада. Вскоре появился дворянин:

– Кто здесь Никита Зотов?

Тот растерялся до крайности, оробел и не мог ноги оторвать от пола. Секретарь взял его за руку, но безуспешно – ученый человек не мог сдвинуться с места и умолял подождать, чтобы ему прийти в себя. Постоял немного, перекрестился и с именем Христовым вошел к царю. Тот пожаловал его к ручке, которую учитель поцеловал, и начался экзамен по чтению и письму, причем в присутствии самого Симеона Полоцкого, ученого монаха-белоруса, воспитателя Федора Алексеевича. Знания Никиты одобрили, и Соковнин повез его к царице Наталье. Ей он тоже понравился:

– Знаю я, что ты доброй жизни и в Божественном Писании искусен; вручаю тебе моего единственного сына.

Зотов, заливаясь слезами, упал в ноги:

– Недостоин я, матушка государыня, принять такое сокровище!

Наталья Кирилловна, довольная смирением и кротостью учителя, тоже пожаловала его к ручке и повелела со следующего утра начать занятия. Начало учебы отметили своим присутствием царь и патриарх. Отслужили молебен с водосвятием, окропили учителя святой водой, и Зотов, отдав земной поклон ученику, засел с ним за азбуку. Тут же патриарх Иоаким пожаловал ему сто рублей, большие по тем временам деньги, царь Федор произвел его в дворяне. Царица-мать прислала Зотову две пары верхнего и нижнего платья, очень богатого. И как только царь и патриарх удалились, учитель нарядился во все новое. Неизвестно, кто больше всей этим был доволен – взрослый «профессор», детски бесхитростный и простодушный, или мальчик Петр, с интересом, вероятно, наблюдавший за своим учителем, трепетавшим перед ним и боявшимся его пуще огня.

Григорий Котошихин, подьячий Посольского приказа, бежавший в свое время в Швецию, в своем сочинении «О России в царствование Алексея Михайловича» описал быт и нравы московского двора. По его наблюдениям, для обучения царевичей выбирали «учительных людей тихих и небражников». С Зотовым маленький Петр прошел полагавшийся тогда курс

наук – азбуку, то есть чтение и письмо, выучил назубок Часослов и Псалтырь, Евангелие и Апостол. Пристрастился любознательный царевич к книжкам с «кунштами» (рисунками, картинками), в том числе к историческим сочинениям – вероятно, текстам летописей и хронографов, украшенным миниатюрами. Придворные художники из кремлевской Оружейной палаты по указанию царицы-вдовы изготовили для Петра рисунки – на них красками, золотом изображены были города, здания, корабли, сражения, оружие, солдаты. Эти «потешные тетради» с разными историями и сказками мальчик рассматривал с видимым интересом и увлечением. С их помощью любознательный отрок знакомился с историей Отечества.

Впоследствии подросший Петр ценил своего первого учителя, который, правда, не совсем отвечал второму качеству, упомянутому Котошихиным: он любил выпить. Но этот грех они потом будут делить пополам – во времена знаменитого «всешутейшего и всепьянейшего собора», учрежденного уже взрослым Петром, царем-шутником и выдумщиком.

Весной 1682 года Петр и его матушка потеряли своего покровителя при дворе – 27 апреля умер царь Федор. Сразу же началась борьба за власть, опять между Милославскими и Нарышкиными. По настоянию патриарха Иоакима царем провозгласили Петра, младшего царевича, в обход старшего – Ивана, шестнадцати лет, от первого брака царя Алексея Михайловича. В события, связанные с придворной борьбой, вмешались стрельцы и солдаты московского гарнизона. Недовольные уменьшением и несвоевременной выплатой жалованья, взятками и насилиями начальников, приказных и воинских, они потребовали от правительства Натальи Нарышкиной, слабого и неопытного, – снять и наказать более полутора десятков командиров, вернуть с них удержанное жалованье, взятки по заранее составленным спискам. А в середине мая с оружием и знаменами их полки явились строем в Кремль, и последовали расправы над важнейшими членами Боярской думы, правительства, полковыми начальниками.

Все это происходило на глазах Петра и его ближних, и он на всю жизнь запомнил эти ужасные кровавые сцены.

Волей восставших вскоре первым царем провозгласили Ивана, вторым – Петра, а Софью – регентшей при них. Конец весны – начало осени – время своеобразного двоевластия. Закончилось оно волей дворянского войска, собранного правительством Софьи – Голицына у Троице-Сергиева монастыря и в других местах Подмосковья. Восставшие в конце концов капитулировали.

Регентство Софьи продолжалось семь лет. Петр, как и Иван, принимал участие в придворных церемониях – приемах послов и прочих. Но в политические дела не вмешивался. Жили они с матерью в селе Преображенском. Это была, по существу, ссылка.

Наталья Кирилловна, по сообщению Куракина, «жила тем, что давано было от рук царевны Софьи»; оказывали помощь, тайно конечно, тот же патриарх Иоаким, ростовский митрополит, Троице-Сергиева обитель.

Но непоседливый и жизнерадостный Петр, в отличие от матушки и ее окружения, не горевал, основное свое внимание он в эти годы отдавал другому – воинским играм, «потехам». К ним он привлек целую толпу сверстников и «робяток» постарше – от покойного отца остались целые службы по конюшенному ведомству, по соколиной охоте, к которой его родитель имел большую любовь. Сотни сокольников, кречетников, конюхов, оставшихся без дела, поступили к нему в распоряжение. Петр же соколиную охоту терпеть не мог, предпочитал бегать пешком, торжественные выезды не любил, а всех этих сокольников, стольников и прочих собирал в батальоны своих «потешных»; помимо знатных, верстал в их ряды и бывших холопов, прочих «простецов», лишь бы были они людьми шустрými, веселыми, исполнительными. Так собралась довольно пестрая толпа – два батальона примерно по 300 человек. Среди прочих «потешных» были князь М.М. Голицын, будущий фельдмаршал, а тогда, в 1687 году, записанный по младости в «барабанную науку»; потомок знатного московского рода И.И. Бутурлин и другие, им подобные; также было и немало лиц происхождения «подлого», в том числе самый удачливый из них – Александр Данилович Меншиков, «Алексашка», продававший горячие пирожки вразнос, сын придворного конюха, «породы, – по словам Куракина, – самой низкой, ниже шляхетства», но замеченный и приближенный царем; он прошел путь от царского денщика до генералиссимуса русской армии, светлейшего князя; впрочем, этот «полудержавный властелин» стал потом и первейшим российским казнокрадом.

Потешные под бдительным оком неугомонного Петра одетые в настоящие мундиры, овладевали всей солдатской премудростью. Они имели свой потешный двор, управление казну. Сам Петр проходил все солдатские чины, начинал с барабанщика. На реке Яузе, в окрестностях Преображенского, построили Пресбург – «потешную фортецию», каковую осаждали по всем правилам воинского искусства.

К началу 90-х годов Петр сформировал из потешных два полка – Преображенский и Семеновский; назвали их по именам сел, где они располагались.

Молодой царь жадно впитывает знания, пользуясь для этого любой возможностью. Князь Долгорукий привез ему астролябию из Франции, Тиммерман обучал маневрировать ботом, найденным в Измайловском сарае, – сначала на Яузе, потом в Просянном пруде в том же Измайлове и, наконец, в Переяславском озере, где он вскоре заложил верфь. Начали сами строить первые корабли – уже тогда Петр, человек сухопутный, мечтает о море, портах, так нужных России для торговых и иных связей с иноземными державами.

Не забывал он и «потешные игры» под Москвой. Под Преображенским происходили, по заранее намеченным диспозициям, настоящие сражения между армией «генералиссимуса Фридриха» (князя Ф.Ю. Ромодановского – «монстры») и стрелецкими полками И.И. Бутурлина – с десятками тысяч участников, артиллерийской стрельбой, убитыми и ранеными. Так выковывались кадры будущей гвардии, регулярной армии.

Правитель мало интересуется придворными делами, официальными церемониями, несмотря на пожелания и настояния матушки. Его тяготили официальные обязанности, связанные со старомосковским чинным ритуалом, парадными одеждами и речами. По словам В.О. Ключевского, «Петр ни в чем не терпел стеснений и формальностей. Этот властительный человек, привыкший чувствовать себя хозяином всегда и всюду, конфузился и терялся среди торжественной обстановки, тяжело дышал, краснел и обливался потом, когда ему приходилось на аудиенции, стоя у престола в парадном царском облачении, в присутствии двора выслушивать высокопарный вздор от представлявшегося посланника».

Весь в движении, стремительный и любознательный, царь в спешке, словно боясь опоздать, упустить что-то очень важное, хотел успеть всюду – бежал, скакал, плыл туда, где говорили и делали что-либо для него новое, полезное.

Учась у других, Петр и сам учил всех, кого только можно, в первую очередь, конечно, русских людей, готовил их к будущим славным делам и подвигам. Ибо, привлекая, и довольно широко, знающих специалистов из иностранцев, он отнюдь не собирался слепо копировать чужеземные образцы, делать из России какой-то сколок, копию с Нидерландов или Англии, Франции или Германии. Нидерландский резидент ван Келлер, один из иностранных дипломатов, проживавший в Москве в бурные дни политической схватки Петра с сестрой (так называемый заговор Шакловитого, 1689 год), наблюдал его в те октябрьские дни, когда он возвращался с большой свитой из Троицы в столицу. Умный и наблюдательный дипломат записывает в своем донесении Генеральным Штатам: «Царь Петр обладает выдающимся умом и проницательностью, обнаруживая в то же время способность завоевывать преданность к себе. Он отличается большой склонностью к военным делам, и от него ожидают героических деяний и поэтому предполагают, что настал день, когда татары (так называет Келлер всех русских, московитов. – В.В.) обретут своего истинного вождя».

С.М. Соловьев, исходя из опыта двухсотлетнего осмысления личности и дел Петра Великого, более реально оценивал способности и возможности молодого монарха: «Семнадцатилетний Петр был еще не способен к управлению государством, он еще доучивался, довоспитывал себя теми средствами, какие сам нашел и какие были по его характеру; у молодого царя на уме были потехи, великий человек объявился позже, и тогда только в потехах юноши оказались семена великих дел».

Первые семена великих дел начали прорасти, давать всходы уже в первые годы нового десятилетия, после свержения власти сестры-регентши. Первые корабли строятся на Переяславском озере, потом, с 1693 года, в Архангельске. Закупает их царь и за рубежом. Совершает на них плавания по морю, подвергается серьезной опасности во время бури; к тому же и он сам, и его помощники не умеют толком управлять судами. Тем не менее Петр, теша себя, называет их флотом; придумывает морской флаг – с красной, синей и белой полосами. Появились его волей и первые адмиралы – Ромодановский и Лефорт.

А несколько лет спустя, в 1695–1696 годах, Петр организовал два похода на Азов – турецкую тогда крепость, запиравшую выход из Дона в Черное море. Первый из них, плохо подготовленный, окончился неудачей; сам царь назвал его «походом о невзятии Азова». Он был самокритичен и, что еще более важно, не падал духом от первой неудачи. Собирал волю в кулак, принимал меры, самые энергичные и, если необходимо, жестокие, беспощадные. Это обычно давало свои плоды. Так и сейчас – второй поход закончился взятием Азова. Оно стало результатом тщательной подготовки сорокатысячной армии и постройки в районе Воронежа целой флотилии судов (двадцать три галеры, два корабля, четыре брандера, сто тридцать стругов). Все это и решило участь турецкой твердыни, гарнизон которой был окружен со всех сторон и обстреливался с земляного вала, который русские насыпали, и тоже вокруг всего города, выше его крепостных стен. Турки капитулировали, сдали победителям сто тридцать шесть пушек.

Петр и его воины торжественно отметили первую серьезную победу русского оружия. Царь, тогда еще молодой, двадцати с небольшим лет, обладая к тому же характером веселым и непосредственным, отдавал увеселениям разного рода, не всегда, правда, благопристойным, немалую часть времени и внимания.

...Все дела царь Петр любил перемежать весельем, пирами, всякими выдумками, на которые великими мастерами были он сам и его наперсники, более всего – Лефорт.

...В октябре 1691 года монарх потребовал доставить ему церковный устав. Принесли текст, и Петр, потрудившись некоторое время, составил для своей «кумпании» устав «сумасброднейшего, всешутейшего и всепьянейшего собора». Копируя и высмеивая церковные каноны (а попов и иерархов, с их косностью, ханжеством и ретроградством, Петр, будучи, конечно, верующим человеком, сильно недолюбливал), царь изготовил пародию на церковную иерархию, на священников и монахов, их пьянство, обжорство, показное смирение и прочие пороки. Но, создавая знаменитый «всепьянейший собор», сплывая уставом свою «кумпанию», он в пародийной форме воспроизводил ту же

церковную иерархию, использовал монархическую форму организации «собора», причем действовал деспотически и грубо, как это нередко у него бывало.

Во главе «собора» поставил своего бывшего учителя Зотова. Тот возглавил конклав из двенадцати кардиналов и был поставлен 1 января 1692 года как князь-папа – «святейший кир Ианикита, архиепископ Пресбурхский и всея Яузы и всего Кукуя патриарх». Так это шутовское наименование объединило новосозданное заведение с петровскими потешными на Яузе и друзьями – иностранцами Немецкой слободы. Принимая в «собор» нового члена, его на церковный манер («Веруешь ли?») спрашивали:

– Пиешь ли?

– Пию.

Такого зачисляли в члены «собора», а непьющих, согласно уставу, предавали анафеме и отлучали от кабаков. Главной заповедью устав предусматривал повседневное пьянство – трезвым ложиться спать строго запрещалось. Все члены собора избирались по определенной, тоже весьма строгой, процедуре. Помимо князя-папы и кардиналов, существовали и другие – епископы, архимандриты и т. д.; их прозвища не пропустила бы ни одна цензура. Петр занял довольно скромное место в сложной «всепьянейшей» иерархии – протодьякона «собора». Цель «собора» – славить Бахуса непомерным и постоянным питием; соблюдался строгий порядок пьянодействия, «служения Бахусу и честнаго обхождения с крепкими напитками». Имелись свои молитвословия, песнопения, облачения, всешутейшие матери-архиерейши и игуменьи.

Жители Москвы, а позднее и Петербурга не раз наблюдали сцены дикого разгула, которые устраивались «собором». Скажем, на Святки человек двести членов «собора», на десятках саней, с песнями и свистом ездят всю ночь по городу, заезжают в дома, «славят» хозяев, а те угощают их и платят за «славление». Напивались при этом мертвецки. На Великий же пост, наоборот, его всешутейство князь-папа устраивает покаянную процессию – «соборяне» на ослах, волах, в санях, запряженных свиньями, козлами, медведями, в вывороченных полушубках шествуют по улицам и площадям. Изображают смирение, показное конечно.

Подобное надругательство над Церковью не могло не выглядеть святотатством в глазах верующих людей, церковных иерархов. Подобные выходки царя создавали ему вполне определенную репутацию у многих, и уже тогда среди простого люда поползли слухи и разговоры о «царе-антихристе». Многие бояре и священники осуждали пристрастие царя к иноземцам, его новшества, его пренебрежение к старым русским обычаям, обрядам. Так, после смерти матери 8 апреля он еще участвует в церемонии по случаю Пасхи, но

потом его уже не видят на других подобных кремлевских действиях. «Всешутейший собор» многие считали пагубой для души царя и его окружения, вероотступничеством, как и его являнье с еретиками-католиками и лютеранами.

Высмеивая церковников, их недостатки и пороки, Петр, по словам Ключевского, «сделал предметом шутки и собственную власть» – Ромодановского именовал «Вашим пресветлым царским величеством», государем, королем, себя же – «всегдашним рабом и холопом Peter'ом», Петрушкой Алексеевым – совсем уж по-русски, со смирением и унижением, конечно, показным, молодецким. Так шутил царь, уверенный в себе и окружающих, в своей власти, неоспоримой, неколебимой.

В ту пору царю шел двадцать третий год. Петр многое уже узнал и испытал, и хорошее и плохое. Жизненные передряги, будь то в 1682 году, во время восстания в Москве, или семь лет спустя, когда схватка с сестрой и ее присными закончилась его триумфом, закалили его. Возможности, связанные с положением полновластного монарха (царь Иван, исполнявший в Кремле роль народного правителя, доживал, тихо и смиренно, свои последние годы, ни во что не вмешиваясь), он использует в полную силу, на пользу себе и тому делу, которому он отдает себя полностью и без оглядки, – обновлению России, укреплению ее мощи и величия, а тем самым – и самовозвеличению. Несомненно, этому сильному и властному человеку, самому трудившемуся в поте лица своего на пользу Отечеству, не чуждо было честолюбие, желание прославить себя среди современников и потомков.

Отдавал он должное и другим людям, вплоть до «подлых», если они показывали трудолюбие, способности в мастерствах. Характерен эпизод, связанный с кузнецом Демидовым. На пути в Воронеж, прихватив с собой прекрасной работы заморский пистолет, у которого сломался курок, Петр отыскал на тульском заводе Никиту Демидова, которого ему кто-то порекомендовал как хорошего мастера, и попросил его починить. Возвращаясь после взятия Азова в Москву, Петр снова приехал на завод, и мастер вручил ему пистолет. Царь осмотрел, остался очень доволен. Добавил при этом:

– А пистолет-то каков! Доживу ли я до того времени, когда у меня на Руси будут так работать!

– Авось и мы, – возразил Демидов, – против немца постоим!

Петр, не вытерпев такое, как ему показалось, хвастовство, отвесил мастеру изрядную затрепину:

– Сперва сделай, мошенник, потом хвались!

– А ты, царь, сперва узнай, потом дерись! Который пистолет у твоей милости, тот моей работы, а вот твой, заморский. – И Демидов протянул Петру его пистолет иностранной работы.

– Виноват я перед тобой! Ты, я вижу, малый дельный.

С этой колоритной сцены, весьма характерной для отношений русского правителя-самовластца и его верноподданных, и началось, как говорит предание, возвышение Демидовых, будущих уральских заводчиков, богатейших русских промышленников, баронов. Петр после разговора и оплеухи велел выдать мастеру из казны пять тысяч рублей для постройки оружейного завода, и Демидов потом с лихвой оправдал надежды, возложенные на него царем и временем, потребностями страны.

После взятия Азова по решению Боярской думы, точнее – самого царя, приступают к постройке более пятидесяти военных кораблей. Поскольку денег в казне нет, создаются «кумпанства» из богатых и знатных людей (помещиков и вотчинников, иерархов и купцов), которые должны дать средства для сего важного дела. В Западную Европу Петр посылает более шестидесяти юношей для обучения навигации. А оттуда в Россию едут мастера корабельного дела – их соблазняли огромным жалованьем; где уж тут устоять!

Сотни, тысячи людей встряхнула воля Петра, и они включаются в дела по укреплению мощи, становлению Отечества. Но не все были довольны нарушением обычного течения жизни, разрушением некоторых «древних» устоев. Появились заговорщики, против которых Петр и его «монстра» Ромодановский с присными принимали меры быстрые и беспощадные. Недаром Пушкин скажет позднее: «Начало славных дел Петра мрачили мятежи и казни».

В начале 1697 года старец монах Авраамий из подмосковного Андреевского монастыря составил послание с обличением злонравных поступков царя и подал его... царю. В нем речь шла и о «потехах непотребных» царя-батюшки и о том, что он не слушал и не слушает советов матери и жены, родственников и бояр. Старец просил о личной встрече с царем, чтобы, очевидно, открыть ему глаза на его нечестивые поступки, обличить, наставить на путь истины. Но вместо этого оказался в лапах у князя-кесаря. Под пытками признался, что у него в келье собирался своего рода кружок недовольных, судивших и рядивших о событиях при дворе, о поведении монарха: он – де знает с иноземцами, а русскому народу, как новому Израилю, не подобает это делать, как и израильскому народу, которому Бог, согласно Ветхому завету, запрещал общение с иноплеменниками. Царь будто бы присутствует на пытках в Преображенском, сам принимает в них участие. Осуждали его частые визиты в

Немецкую слободу, увлечение кораблестроением, участие в прохождении войск – Петру не подобает все это делать, ведь он царь. Участников кружка наказали довольно легко – били кнутом и сослали.

Так просто не отделались члены другого кружка недовольных, на этот раз людей светских и занимавших довольно высокое положение. Во главе их стоял стрелецкий полковник И.Е. Цыклер – обрусевший иноземец, во время событий 1682 года оказавшийся на стороне Софьи и Милославских, а семь лет спустя перешедший на сторону Петра в надежде на быстрое повышение по службе. Он получил чин думного дворянина (третий по значению после чинов боярина и окольного), возглавлял стрелецкий полк. Служил одно время в далеком сибирском Верхотурье, а потом – в Азове и на постройке таганрогской гавани. Но Цыклер мечтал о быстрой карьере в столице и был недоволен своим положением. Не устраивало его и то, что двух его сыновей, в числе других волонтеров, послали за границу для учебы. Но царь, очевидно не забывая о его старых связях с Милославскими, предпочитал посылать его подальше от Москвы, и Цыклер затаил обиду, переросшую в ненависть к монарху. Он замышляет убийство Петра и подговаривает к этому стрельцов:

– Как государь поедет с Посольского двора, и в то время можно вам подстеречь и убить.

Помимо некоторых стрелецких начальников и представителей донских казаков, мечтавших о восстании против боярской Москвы, в заговор вступили окольный А.Ф. Соковнин, родственник Цыклера по жене, боярин Пушкин, их родственники.

О заговоре узнали в Преображенском, и, не откладывая дело, Петр, уже готовившийся к отъезду за границу, принимает участие в розыске, ведет допросы виновных, которых на его глазах беспощадно пытали. Воспоминания о стрельцах, Милославских, о своих переживаниях детской поры, очевидно, всколыхнулись в его душе. Главных участников заговора – Цыклера, Соковнина, Пушкина, двух стрелецких начальников и одного казака – казнили в Преображенском. Приговор о том Боярской думы состоялся 2 марта, сама казнь – день спустя. Как саму казнь, так и ее процедуру назначил сам царь – сначала вынули из могилы гроб боярина И.М. Милославского, которого он считал, как и Софью, главой стрелецкого выступления в 1682 году, а теперь – идейным вдохновителем заговора Цыклера, погрузили в запряженные свиньями сани и, доставив в Преображенское, поставили под эшафотом. Кровь казненных заговорщиков лилась на останки Милославского. День спустя их головы, воткнутые на колья, выставили в столице – смотри, народ, и содрогайся!

Преодолевая, отбрасывая все, что мешало ему в замыслах, начинаниях, нацеленных к тому, чтобы поднять величие России, Петр упрямо и целеустремленно рвется вперед, к заветным целям. Понимая, что государство, вверенное ему Промыслом Божиим, сильно отстало от

передовых, богатых и сильных стран Европы, чувствуя их пренебрежение к отсталой, «варварской» Московии, он решает ехать туда за опытом, на учебу. Его «великое посольство» в страны Западной Европы (1697–1698) поразило, восхитило, удивило, но по-разному, современников. Его девиз «Аз есмь в чину учимых и учащих мя требую» стал исходной точкой, содержанием посольства.

Петр и его спутники посетили Германию, Нидерланды, Англию, Францию, Австрию, Польшу. Всюду они знакомились с промышленными, учебными, научными заведениями, учились строить и водить корабли. Нанимали мастеров, ученых разных специальностей для работы в России. Иностранцев, в том числе представителей правящих домов Европы, восхищала любознательность молодого русского царя – «варвара» и подчас удивляли его своеобразные манеры.

Однажды царь, опасаясь появившихся в море пиратов, высадился в Германии, чтобы продолжить поездку сухим путем. Ехали быстро. Но в окрестностях Ганновера, в деревне Коппенбрюгге, он сделал остановку – дело в том, что московского царя-варвара и его спутников, этих «диких зверей», жаждала увидеть курфюрстина Бранденбург-Прусская София-Шарлотта, женщина весьма образованная, ученица знаменитого Лейбница. Специально для этой встречи она приехала в замок своей матери, курфюрстины ганноверской Софии, находившийся недалеко от Коппенбрюгге. Сиятельные дамы пригласили Петра на ужин, причем Петра пришлось очень долго уговаривать, чтобы он согласился прийти. Застолье продолжалось более четырех часов.

Обеих собеседниц поразили непринужденность, откровенность русского царя, его рассказы о себе, своих привычках и пристрастиях. Они непрерывно его спрашивали. «Он сел, – по словам дочери, – за стол между матушкой и мной, и каждая из нас беседовала с ним наперерыв. Он отвечал то сам, то через двух переводчиков и, уверяю вас, говорил очень впопад, и это по всем предметам, о которых с ним заговаривали. Моя матушка с живостью задавала ему много вопросов, на которые он отвечал с такой же быстротой, – и я изумляюсь, что он не устал от разговора, потому что, как говорят, такие разговоры не в обычае в его стране. Что касается до его гримас, то я представляла себе их хуже, чем их нашла, и не в его власти справиться с некоторыми из них. Заметно также, что его не научили есть опрятно (царь не умел пользоваться салфеткой. – В.Б.), но мне понравилась его естественность и непринужденность, он стал действовать как дома».

Дочери вторит и дополняет ее мать: «Царь очень высокого роста, лицо его очень красиво, он очень строен. Он обладает большой живостью ума, его суждения быстры и справедливы. Но наряду со всеми выдающимися качествами, которыми одарила его природа, следовало бы пожелать, чтобы его вкусы были менее грубы... Его общество доставило нам много удовольствия. Это человек совсем необыкновенный. Невозможно его описать и даже составить о нем понятие, не выдав его... Он нам сказал, что сам работает над постройкой кораблей, показал свои руки и заставил потрогать мозоли, образовавшиеся на них от

работы». Она же в другом письме, отмечает, что «этот государь одновременно и очень добрый, и очень злой, у него характер – совершенно характер его страны. Если бы он получил лучшее воспитание, это был бы превосходный человек, потому что у него много достоинства и бесконечно много природного ума».

По пути через Германию Петр вел переписку с Москвой. В частности, в письмах А. Винусу, который среди прочих приказов возглавлял и Сибирский, речь шла о найме в Европе мастеров-металлургов. На Урале, еще до отъезда царя, нашли хорошую по качеству железную руду, и царя донимали заботы – как строить домны, плавить руду, лить пушки и многое другое. По приезде в Голландию, пишет Петр своему дьяку, будем «о мастерах старатца».

Поездка в западные страны была весьма полезна для Петра и для России. Не чурались они, и царь в том числе, и удовольствий, развлечений, вплоть до самых веселых и интимных.

Один из современников писал в связи с этим, что «большая привязанность монарха к серьезным делам всегда удаляла его от известных удовольствий и развлечений; он их избегал очень ловко, несмотря на все усилия прекрасных придворных дам, делавших попытки понравиться ему и готовых подарить свою любовь великому монарху, прибывшему из далекой страны. Впрочем, уверяют, что одной из дам все же удалось достигнуть своей цели». Сердечное увлечение царя – связь с актрисой Летицией Кросс – было довольно коротким, и он, расставаясь, подарил ей пятьсот гиней. Передал их по его просьбе Меншиков, сообщивший царю, что возлюбленная осталась наградой недовольна. Петр не согласился:

– Ты, Меншиков, думаешь, что я такой же мот, как ты. За пятьсот гиней у меня служат старики с усердием и умом, а эта худо служила.

– Какова работа, такова и плата, – согласился Меншиков.

Маколей, знаменитый английский историк XIX века, оценивая пребывание Петра в Англии, отмечал: «Его путешествие – эпоха в истории не только его страны, но и нашей и всего человечества».

В одном Петр не достиг успеха во время «великого посольства»: он надеялся на укрепление Священной лиги против Турции и Крыма, сложившейся еще в 80-х годах. В нее вошли Австрия, Польша, Венеция и Россия. Царь рассчитывал победоносно завершить с их помощью войну с Турцией, так успешно начатую взятием Азова. Но неожиданно узнал, что

Австрия, при поддержке английского и других дворов, ведет тайные переговоры с Османской Портой о мире. Коварство, двуличие европейской дипломатии объяснялось просто – близилась кончина бездетного испанского короля Карла II и война за испанское наследство. А это были самые обширные тогда владения по всему миру. Участникам будущей схватки из-за них было уже не до войны с Турцией, и Петр, еще неопытный в тонкостях дипломатической игры (это умение придет потом), должен был думать о том, чтобы не остаться наедине с Турцией и ее вассалом – Крымским ханством.

Возвратившись из дальних странствий, Петр начал с новшеств весьма экзотических – с обрезания бород у московских бояр; за ним последовали и другие – все они лишались сего старозаветного украшения. Появились указы – брить бороды всем подданным царя-батюшки. Знать примирилась с этим легко и быстро. С упрямец же из других сословий за ношение бород брали налог, довольно высокий; от этого ропот уменьшился, да и казна выиграла.

За борьбой с бородами последовали указы о введении, взамен неудобного, длиннополого и длиннорукавного платья, коротких камзолов, на венгерский и польский манер.

Главное, чем занимался правитель в год возвращения из-за границы и позднее, – розыск (следствие) по делу о четырех восставших стрелецких полках. Они участвовали в азовских походах, отличились там. Но вместо возвращения в Москву, к своим семьям, на что они надеялись, их отправили на западную границу, к Великим Лукам. По пути они терпели невероятные лишения – холод, плохие дороги, по которым везли пушки, настоящий голод. Дошли до нищенства, до «неурядной ярости». Обвиняя во всех бедах московских бояр-правителей (царь находился за границей) и иноземцев, они пошли (до двух тысяч семисот человек) к Москве. Их целью было расправиться с обидчиками, посадить «в правительство» царевну Софью, свергнутую Петром около девяти летназад.

Правительственные войска разбили их к западу от Москвы, у стен Новоиерусалимского монастыря под Истрой в июне 1698 года. Тогда же власти казнили сто тридцать человек. Остальных разослали по городам и монастырям. Петру это показалось недостаточным. Начался страшный, жесточайший розыск. Более тысячи восставших стрельцов окончили свои дни на плахах и виселицах, причем в казнях лично участвовали сам царь Петр и, по его указу, приближенные вельможи.

В те же годы конца столетия Петр ввел немало новшеств важных и нужных для государства. Появились математические школы. Завели в Москве новую типографию, и в ней печатали

книги по истории и литературе, астрономии и арифметике. Новый год теперь, согласно петровскому указу, начинался не с 1 сентября, как раньше, а с 1 января; а летосчисление – не от «сотворения мира», а от Рождества Христова.

Появился в России первый орден – Святого апостола Андрея Первозванного (указ 10 марта 1699 года). Петр собственноручно стал подписывать международные акты – грамоты, ратификации, вести переговоры с представителями иностранных дворов.

Для управления городским посадским сословием была создана Ратуша в Москве (центральный орган) и земские избы в других городах (январь 1699 года). Здесь Петр продолжил то, что пытался, но неудачно, сделать А.А. Ордин-Нащокин во Пскове при царе Алексее, отце Петра.

Взялся царь, хотя еще и не очень решительно, за приказную систему, хаотичную и громоздкую (более сорока приказов-«министерств» на 1 сентября 1699 года). Одни приказы он объединял под управлением одного начальника, другие ликвидировал. Создавал, если появлялась потребность, новые (например, Рудокопный – 24 августа 1700 года).

Роль Боярской думы к этому времени заметно падает. Вместо патриарха делами Церкви, а Петра интересовали прежде всего ее богатства, лежавшие, по его мнению, втуне, стал управлять (после кончины Адриана, 1700 год) так называемый местоблюститель патриаршего престола, но – только по духовным делам. Имуществом же церкви стал распорядиться Монастырский приказ по главе с лицом светским – И.А. Мусиным-Пушкиным. Тем самым казна пополнилась, и весьма существенно (более миллиона рублей в 1701–1710 годах), за счет церковных доходов.

Эти и другие новшества – прямой результат инициативы, усилий Петра. Делалось все это в спешке, лихорадочно – надвигались важные события во внешнеполитической, военной сфере: поскольку на южном, черноморском, направлении не удалось довести задуманное до конца, Петр переносит свои помыслы, энергию на север, к Балтике. Для подготовки нового кодекса законов – Уложения (взамен Соборного уложения 1649 года) он создал особую комиссию (Палату об уложении), и она составила проект нового кодекса. Но на это дело не хватило ни времени, ни внимания – по причинам, оставшимся неизвестными, он не был никогда утвержден.

Давно и не раз отмечалось, что первые преобразования следовали одно за другим без всякой видимой системы, последовательности, логики. Основа всему – воля царя, его прихоть и произвол. Резон в подобных рассуждениях есть. В действиях Петра – импульсивность и порывистость, энергия, бьющая через край, и нетерпеливость

неограниченного самодержца. Все это так. Но взятые в совокупности, первые указы и действия объединяет стремление, настойчивое и фанатичное, идущее через всю жизнь этого гениального человека, – польза для России, интересы государства, обеспечение этих интересов в настоящем и будущем, предотвращение дальнейшего отставания от передовых стран, потери национального суверенитета. Отсюда – заботы, первоочередные, не терпящие отлагательств, о создании регулярной армии, строительстве флота.

По указу 19 ноября 1699 года начинается создание тридцати пехотных солдатских полков из «даточных» рекрутов, которых брали с определенного количества дворов, крестьян, холопов и из «охочих» (вольных) людей. С точки зрения Царя, это было «прямое регулярное войско», и его формирование, весьма ускоренное и энергичное, удивляло одних, настораживало других. Шведский резидент Книппер, например, о «регулярных полков наборе в сильных терминах предлагал: для чего регулярные полки заводят, каких не бывало? И что тогда мир со всеми соседями был? На что ему ответствовано, что по распусчении стрельцов (после их восстания. – В.Б.) никакой пехоты тогда сие государство не имело, без чего быть нельзя».

Книппер довольно верно уловил опасность, исходившую от замены стрельцов новыми регулярными солдатскими полками. Хотя русские представители и говорили ему, что набор вызван «опасением турецкой войны» (война с Турцией формально продолжалась), но никого подобные слова не вводили в заблуждение. Швеция, которую он представлял в России, обладала первоклассной по тому времени регулярной армией, и в предстоявшем столкновении (а о назревавшей войне России со Швецией в Европе поговаривали со времен того же «великого посольства» Петра) легче было, по верному заключению шведских политиков и генералов, иметь дело со стрелецким войском, а не с регулярными соединениями которых военное дело – их единственная профессия. До сих пор в России регулярными войсками являлись, по существу, лишь гвардейские Преображенский и Семеновский, а также Лефортов и Бутырский (Гордонов) солдатский с их военным обучением, регулярным строем, постоянной службой. Остальные полки – солдатские, рейтарские, драгунские – хотя и организованы были по иноземному образцу, но несли службу только в походах; между походами их отпускали по домам и они превращались в земледельцев. Солдаты же регулярных полков должны были служить и обучаться постоянно. Временные ратники превращались в постоянных военнослужащих.

Обучение было довольно сложным. Чтобы, например, зарядить кремневый мушкет и выстрелить из него, солдат должен был исполнить шестнадцать команд. Царь взял на вооружение новшество из шведской армии – багинет, штык в виде тесака, то есть холодное оружие, которое привинчивается к огнестрельному – ружью. Но, в отличие от многих европейских армий, в которых солдаты имели яркие, разукрашенные мундиры, он вводит у себя обмундирование простое и удобное.

Имелись трудности в деле, которое проводилось спешно и, как показал последующий опыт, не очень результативно. Создаваемые полки в подавляющем большинстве были пехотные (двадцать семь) и только два – драгунские. Кавалерия по-прежнему состояла из старой дворянской милиции, от которой в Западной Европе давно отказались. Многие офицеры из иностранцев, набранные из всякого сброда, оказались негодными; их срочно заменяли русскими; Головин писал Петру, что «лучше их учить, нежели иноземцев».

Из полков сформировали три дивизии – под командой А.М. Головина, А.А. Вейде и А.И. Репнина. Петр торопит, подгоняет и помощников, и самого себя, и всю страну, замечает и исправляет там, где успевает, ошибки, наказывает виновных.

В Воронеже, на строительстве кораблей, он понукает мастеров, негодует по поводу непорядков, расхлябанности и воровства (в чем замечен даже «адмиралтеец» Протасьев, которому поручено следить за постройкой флота). В письме Виниусу, самому образованному своему советнику, высоко им ценимому, Петр делится горькими размышлениями: «Только еще облако сомнений затемняет мысль нашу. Что-то будет? Ну, да Бог с блаженным Павлом помогут...»

Главная забота во внешних делах – необходимость мира на юге, с Турцией и Крымом, чтобы перенести центр тяжести борьбы на север. Воевать на два фронта России не под силу. На исходе XVII столетия намечались новые варианты союзов государств. Назревавшая война за испанское наследство (1701–1714 годы) заставила Австрию пойти на мир с Турцией. Англия и Голландия этому способствовали. Россия вынуждена смириться с таким поворотом событий, более того – принять участие в мирных переговорах с Портой.

Одновременно царь принимает решительные меры по созданию промышленности. Еще в 1697 году по его указанию начали строить доменные печи и пушечные литейные цехи на Урале. В следующем году в Невьянске заложили первый металлургический завод. Уже через три года он дает первый чугун. Затем появляются другие заводы и фабрики – металлургические, суконные, парусные, пороховые, канатные, кожевенные и прочие, всего до сорока предприятий, и это – всего за несколько лет. Ремесленные мастерские и мануфактуры существовали и до Петра. В течение XVII века существовало (возникало, прекращало производство, снова его начинало) несколько десятков мануфактур в различных отраслях. Десятки тысяч вольнонаемных работников трудились на мануфактурах и промыслах (соляной, поташный, рыбный и другие), речном и гужевом транспорте. Но Петр придал развитию промышленности невиданный размах, продвинул его далеко вперед. И дело здесь не только и не столько в личной воле, энергии и желании царя и его русских и иностранных советников, сколько в объективном ходе вещей, потребностях страны. Такой мощный рывок назрел, был итогом внутреннего развития России и необходим для дальнейшего ее движения вперед, решения насущных национальных задач – в хозяйстве, военном деле, внешней политике.

Все усилия Петра, России давали свои плоды – первые и подчас не очень зрелые. Много потом пришлось поправлять, доделывать, переиначивать – самому, его помощникам, из русских и иностранцев.

Нужно сказать, что в эти и особенно последующие годы Петр отнюдь не слепо, не бездумно использовал иностранцев, опирался на них в проведении своей политики преобразований. Хотя подчас в современной зарубежной литературе можно встретить утверждения, будто Россия и Петр всеми своими достижениями обязаны иностранным специалистам – военным, мастерам, администраторам. Это – одна крайность. Другая – мысль (например, у русских славянофилов XIX столетия и некоторых современных неославянофилов – «почвенников») о том, что Петр нанес вред России своим бездумным, рабским подражанием всему иноземному. Не правы и те и другие. Петр, при всех его крайних увлечениях, перехлестах и ошибках, поступал не только правильно, но и мудро, когда приглашал иностранцев, использовал их опыт и знания, высоко ценил тех, кто верой и правдой служил ему и России. В марте 1699 года, когда ушел из жизни его любимец весельчак Франц Лефорт, умно и тактично ободривший его во всех хороших начинаниях, Петр искренне и безутешно плакал у его гроба. Так же горевал он и в ноябре того же года, после кончины своего мужественного и сурового генерала – Патрика Гордона. Оба они заслужили любовь и уважение Петра и оставили о себе хорошую и благодарную память. Петр ценил и многих других иностранных специалистов, но таким доверием и близостью к Петру, его душевным расположением, как Лефорт и Гордон, не пользовался уже никто. Однако царь отнюдь не закрывал глаза на явные недостатки многих иноземцев – пройдох и авантюристов, плутов и неумех. Не стеснялся давать им откровенные оценки, отстранять от порученного дела, наказывать, как он это делал и по отношению к своим соотечественникам.

Французский профессор Роже Порталь, известный русист, справедливо отмечал: «Россия самостоятельно медленно эволюционировала к прогрессу. Роль иностранцев, неотделимая от политики Петра Великого, составляла дополнительный вклад, иногда очень ценный, который ускорял эту эволюцию, но не был определяющим».

Петр вникал во все стороны жизни страны, внутренней и внешней политики, направлял государственный корабль в нужное русло. И это благотворно сказывалось во всем, в том числе и в международных делах, в русской дипломатии, которая в последние годы XVII века должна была сыграть большую роль в судьбе страны.

Усилиями петровских дипломатов П.Б. Возницына и Е.И. Украинцева удалось заключить двухлетнее перемирие с Турцией в Карловицах (14 января 1699 года) и тридцатилетнее в Стамбуле (начало 1700 года). Одновременно Петр подписывает договоры с королями Дании и Польши – так оформляется союз трех стран против Швеции (ноябрь 1699 года).

Союзники Петра вскоре начали военные действия против шведов. Но успех им не сопутствовал. Август II, король польский и курфюрст саксонский, послал войско во главе с Флемингом к Риге. Но, получив с его жителей полтора миллиона талеров, снял осаду и отвел свои полки от города. С Данией дело обстояло еще хуже: молодой шведский король, забияка и рубака, высадился на ее территории с пятнадцатитысячным корпусом, и Копенгаген оказался под ударом. Датский король капитулировал, и по миру в Травендале (8 августа 1700 года) его страна вышла из Северного союза. Петр остался с Августом II, союзником слабым, коварным, склонным к предательству.

Но Петр и здесь не опускает в бессилии руки. Продолжает вести дело к схватке с Карлом XII за выход к Балтике.

Подготовить все необходимое для борьбы с первоклассной шведской армией было не так-то просто. По плану, разработанному Петром и его советниками, русская армия должна была направиться на Нарву и Нотебург (древний русский Орешек) – шведские крепости на реках Нарове и Неве. С разведывательными целями к обеим крепостям был послан офицер-преображенец Василий Корчмин, который, получив за границей инженерное образование, владел наукой фортификации. Второго марта 1700 года Петр пишет Ф.А. Головину, что надо послать Корчмина сначала под Нарву, якобы для покупки шведских орудий для русских надобностей, а потом – в Нотебург:

«Также, если возможно ему там дело сыскать, чтоб побывал и в Орешке. А если в него нельзя, хотя возле него. А место зело нужное: проток из Ладожского озера (посмотри на картах). А детина кажется неглуп и секрет может сохранить. Важно, чтобы Книппер того не ведал, потому что он знает, что Корчмин учен».

Быстрым ходом шло обучение новобранцев. Рождалась на глазах новая армия. Специалисты давали ей высшую оценку. Гейне, датский посол, даже восхищался выучкой солдат:

– Новые полки чудесны. Они одинаково хороши и на ученье, и на параде.

Русскую артиллерию он же называл «образцовой», пехоту – «отборной», «высокодисциплинированной». Петр, очевидно, не раз слышал подобные отзывы и был доволен. С нетерпением он ждал известия из Константинополя о результатах переговоров с Турцией, чтобы скорее двинуть войска на шведов, присоединиться к союзникам:

– Я человек, на слово которого можно положиться. Я не буду прибегать к многословию; но мои союзники увидят на деле, как я исполню обязательства и сделаю больше того, что я обязан.

Весь в радужных ожиданиях и надеждах, Петр 8 августа 1700 года наконец получает долгожданную весть – договор с Турцией заключен. Развязав себе руки на юге, на следующий день Россия объявляет войну Швеции «за многие свейские (шведские. – В Б.) неправды», в том числе – за тяжкое оскорбление, нанесенное в 1697 году шведами во время пребывания «великого посольства» в Риге «самой особе царского величества», хотя официально, формально русский царь в посольстве отсутствовал; имелся, правда, некий урядник Петр Михайлов, но – кто же тогда в Риге знал об этом? Да если бы и догадались, то ведь Петр бдительно следил за соблюдением своего инкогнито, не терпел его нарушений, особенно в начале миссии.

Подобная мотивировка – дань старомосковской дипломатии с ее обидами по поводу действительных и мнимых оскорблений в адрес московского самодержца, «порухи» чести его и тем самым России. Дипломаты других стран в те времена тоже придирчиво относились к подобным вещам.

Двадцать второго августа русская армия выступила в поход. Северная война началась. Язвительный Ключевский иронизирует над Петром в связи с итогами южного предприятия: царь «очутился в неловком положении» – флот, построенный с такими мучениями и издержками, «остался гнить в азовских гаванях»; укрепиться в Крыму не удалось; канал между Волгой и Доном, который начали рыть по приказу Петра, забросили; все другое, касающееся «восточного вопроса» (безопасность от крымских набегов, ожидания балканских христиан), тоже отложили в сторону; Петр круто повернул с юга на север; «новая европейская конъюнктура перебросила его, как игрушечный мяч, с устья Дона на Нарову и Неву, где у него не было ничего заготовлено; сам он, столько готовившийся в черноморские моряки, со всеми своими переяславскими, беломорскими, голландскими и английскими навигацкими познаниями принужден был много лет вести сухопутную войну, чтобы пробиться к новому, чужому морю».

Историк сильно сгустил краски. Не обнаруживает он и сочувствия лихорадочным мерам и метаниям царя, не оценивает в полной мере их значение. Но все же в его рассуждениях немало и верного. Сам Петр довольно скоро отрезвеет от своих надежд той весенне-летней поры 1700 года, когда он почти по-юношески рвался в бой, грезил о быстрых и ярких победах. Как оказалось, Нарва – это не Азов и не Казыкермень. Но в ту пору ничего этого он не знал и, полный замыслов, спешил, чтобы полной грудью вдохнуть соленый воздух Балтики...

Начало войны со Швецией оказалось неудачным не только для союзников России, но и для нее самой. Девятнадцатого ноября 1700 года армия Петра, слепленная из старых стрелецких полков и дворянского ополчения, а также из плохо еще обученных новобранцев, потерпела поражение от армии Карла XII, считавшейся тогда одной из лучших в Европе. Только гвардейцы и лефортовцы показали себя с наилучшей стороны, отбив многие атаки противника. Но они одни не смогли, естественно, спасти положение. К тому же печальную роль сыграло доверие Петра к командирам из иностранцев. Кончилось тем, что капитулировавшее русское воинство, потеряв до шести тысяч солдат, покинуло западный берег реки Нарвы и перешло на восточную ее сторону, оставив шведам сто тридцать пять пушек.

Победу под Нарвой над царем «варваром» торжествовали не только в Швеции, но едва ли не во всей Европе.

От русских представителей при европейских дворах вскоре поступили депеши с сообщениями о презрении и насмешках тамошних правителей и вельмож по адресу русской армии, самого царя. А.А.Матвеев, например, писал из Гааги:

«Шведский посол с великими ругательствами, сам ездя по министрам, не только хулит ваши войска, но и самую Вашу особу злословил, будто Вы, испугавшись приходу короля его, за два дня (до прихода шведов под Нарву и сражения. – В.Б.) пошли в Москву из полков».

Шведский король, разгромив Данию и Россию, взялся за Польшу и Саксонию, имевших одного правителя. Свои чувства к нему он не скрывал:

– Поведение его так позорно и гнусно, что заслуживает мщениа от Бога и презрения всех благомыслящих людей.

Шведский король принялся, по словам Ключевского, помогать Петру, как только мог, гоняясь за Августом II. И царь использовал передышку, предоставленную Карлом XII, в полной мере. Не в его привычках горевать по поводу неудач. Он сразу понял корень, суть того, что произошло под Нарвой. Позднее, в «Истории Свейской войны», об этом написано очень верно:

«Шведы над нашим войском викторию получили, что есть бесспорно. Но надлежит разуметь – над каким войском оную учинили, ибо только один старый полк Лефортовский был (который пред тем назывался Шепелева); два полка гвардии только были на двух атаках у Азова; полевых боев, а наипаче с регулярными войсками, никогда не видали. Прочие ж полки, кроме некоторых полковников, как офицеры, так и рядовые, самые были рекруты... К тому ж за поздним временем великий голод был, понеже за великими грязьми провианта привозить было невозможно. И, единым словом сказать, все то дело яко младенческое игранье было, а искусство ниже вида. То какое удивление такому старому, обученному и практикованному войску (шведскому. – В.Б.) над такими неискусными сыскать викторию?... Но когда сие нещастие (или, лучше сказать, великое щастие) получили, тогда неволя леность отогнала и ко трудолюбию и искусству день и ночь принудила».

Таково откровенное и самокритичное, как говорят сейчас суждение царя о нарвской катастрофе. Ее размер, кстати говоря, сильно преувеличивали и сам Петр, и его современники, русские и иностранные, а также и нынешние историки.

Петр, еще больше напрягая силы, делает все возможное чтобы продолжать войну, взять реванш за поражение. В.О. Ключевский, не упускавший случая уязвить царя, отдает ему должное: «Предоставляя действовать во фронте своим генералам и адмиралам, Петр взял на себя менее видную техническую часть войны: он оставался обычно позади своей армии, устраивал ее тыл, набирал рекрутов, составлял планы военных движений, строил корабли и военные заводы, заготавливал амунизию, провиант и боевые снаряды, все запасал, всех ободрял, понукал, бранился, дрался, вешал, скакал из одного конца государства в другой, был чем-то вроде генерал-фельдцейхмейстера, генерал-провиантмейстера и корабельного обер-мастера».

Приходилось полагаться прежде всего на свои силы. Союзники, по существу, вели дело к срыву военных планов Петра, в дружбе к которому распинался при всяком случае Август II. Отсюда – и измена де Кроа и десятков других офицеров-иностранцев под Нарвой, и прекращение осады Риги, и сепаратные переговоры саксонцев со шведами, и прочие интриги. А царь, о чем-то догадывавшийся, но знавший далеко не все (например, о тайных письмах де Кроа Августу II, который и заслал его в русскую армию, о соображениях самого короля и его советника пройдохи Паткуля), продолжал верить так называемому союзнику. Когда же вместо гарнизона одной крепости неожиданно пришлось иметь дело с хорошо обученной регулярной армией, – последствия оказались весьма плачевными для него и радостными для шведов. Недаром их король торжествовал, недаром он же награждал русского главнокомандующего, так позорно перебежавшего в его лагерь, полутора тысячами червонцев и сажал его кушать за королевский стол.

А Петр и его помощники приводят в порядок полки, потрепанные под Нарвой, формируют новые. Отливают более трехсот орудий – новые уральские заводы работают на полную мощность; с церковей снимают колокола для изготовления пушек. Все это дает плоды. В конце января 1701 года, год с небольшим спустя после неудачи под Нарвой, Плейер, посол империи в Москве, сообщает своему потентату, что русская армия стала втрое сильнее, чем прежняя. Но ослепленный Карл окончательно теряет трезвое понимание обстановки. Петровскую армию он считает недостойной внимания великого полководца:

– Нет никакого удовольствия биться с русскими, потому что они не сопротивляются, как другие, а бегут.

Но так считали не все. Даже один из его ближайших помощников, генерал Стенбок, с тревогой следит за своим патроном:

– Король ни о чем больше не думает, как только о войне; он уже больше не слушает чужих советов; он принимает такой вид, что будто бы Бог непосредственно внушает ему, что он должен делать.

Многие в Европе смотрят на события, связанные с войной России и Швеции, глазами Карла XII. Правители Англии, Голландии, Франции наперебой стараются сделать короля своим союзником, восторгаются победами, превозносят его военный гений. В хор дифирамбов вплетают свои голоса герцог Мальборо и Евгении Савойский, великие полководцы, английский и австрийский. Вспоминают Густава Адольфа, прадеда шведского короля, победоносного полководца и ненавистника России.

Руководители шведской и вообще европейской дипломатии считали, что Россия, разбитая и поверженная, должна чуть ли не упасть на колени перед победоносным королем. По словам того же Матвеева, сидевшего в Нидерландах, «здешние господа ждут мира, потому что лучшие Ваши (Петра, – В.Б.) войска побиты... и солдат таких вскоре обучить невозможно». Петр уже кое-что узнал о нравах этой дипломатии. «Великое посольство» открыло на многое глаза царю, тогда еще дипломату неискушенному и доверчивому. Опыт приобретался в дипломатической борьбе с ее неприкрытыми расчетами, коварством, интригами и всем прочим. Будучи прагматиком, он усваивает кое-что из этих методов, но нередко по-прежнему допускает наивную доверчивость и соблюдает элементарные правила приличия, правовые принципы, нарушаемые другими. Так, когда началась война со Швецией, Петр позволил ее дипломатическим представителям выехать на родину. А Карл XII решил по-другому – по его приказу посадили в тюрьму русского посла Хилкова, сотрудников и слуг, а также всех русских купцов. Этот факт отмечает Анри Труайя в своей книге, опубликованной во Франции в 1979 году.

Петр продолжает наращивать силы для предстоящих сражений со «шведом». А король, его противник, колесит с армией к западу от русских границ, в Польше. Громит саксонцев под Ригой. Подумывает уже, после побед над более сильными врагами, о походе против русских, которых считает намного более слабыми, чем датчане, поляки и саксонцы. «Август, – по меткому замечанию С.М. Соловьева, – был драгоценный союзник для Петра не силою оружия, но тем что возбудил к себе такую ненависть и такое недоверие шведского короля; он отвлек этого страшного в то время врага от русских границ и дал время царю ободрить свои войска и выучить побеждать шведов».

Карл завяз в Польше – на два фронта воевать он не мог. Петр продолжает укреплять армию, мобилизовывать все ресурсы страны. Ему и России нужна победа, хотя бы для начала и небольшая, чтобы русские люди, армия в особенности, воспрянули духом, а Европа изменила свое мнение о восточных «варварах». О том писали его дипломаты, в частности Голицын из Вены осенью 1701 года:

«Всякими способами надобно домогаться получить над неприятелем победу... Хотя и вечный мир заключим, а вечный стыд чем загладить? Непременно нужна нашему государю хотя малая виктория, которой бы имя его по-прежнему во всей Европе славилось; тогда можно и мир заключить. А то теперь войскам нашим и войсковому управлению только смеются. Никак не могу видеть министров, сколько ни ухаживаю за ними: все бегают от меня и не хотят говорить».

Шведы действуют в Польше вполне успешно. Но не только там – пытаются по морю прорваться к Архангельску, чтобы сжечь единственный порт, связывающий Россию с Европой. Там отбили атаку шведских кораблей с немалым для них уроном. Петр спешит туда, чтобы принять срочные меры, укрепить город, столь важный для государства.

Одновременно с заботами на севере приходилось думать и о юге – держать наготове флот, строить новые корабли у Воронежа на случай враждебных действий со стороны Турции. Но здесь пока было спокойно.

Непрерывно одолевали заботы о добывании денег, которых всегда не хватало. Однажды он поделился с Ромодановским (по другим источникам, это был Прозоровский):

– В казне нет денег, войскам давать нечего. Нет и артиллерии, а сие потребно скоро. Что делать? Может быть, убавить в монастырях сокровища в золоте и серебре и натиснуть из него деньги?

– Сие дело щекотно. Должно придумать иное.

– Какое?

Собеседник повел царя в тайную кладовую в Кремле. Там лежали вороха серебряной и позолоченной сбруи и посуды, мелкой серебряной монеты, голландских иоахимсталеров (на русский манер их звали ефимками). Потрясенный царь услышал от князя такой рассказ:

– Когда родитель твой, царь Алексей Михайлович, в разные времена отъезжал в походы, то по доверенности своей ко мне деньги и сокровища отдавал на сохранение мне. При конце жизни своей, призвав меня к себе, завещал, чтоб я никому сего из наследников не отдавал до тех пор, разве воспоследует в деньгах при войне крайняя нужда.

Так или иначе происходило в тот день в потайной кремлевской камерке – сказать трудно, как и заключить – состоялся ли такой разговор вообще. Во всяком случае, «крайняя нужда» в деньгах действительно пришла.

Монетный двор делал все, что можно. Уменьшал, в частности, вес серебряных монет, чеканил сначала сотни тысяч, затем – миллионы рублей. Появились «прибыльщики» – чиновники, придумывавшие новые налоги. Вскоре русские полки начали одерживать первые победы. В конце декабря 1701 года в Ливонии, у деревни Эрестфер под Дерптом, Шереметев во главе семнадцатитысячного корпуса напал на семитысячный корпус Шлиппенбаха. Шведы потеряли три тысячи человек. Триста пятьдесят попали в плен к русским. В Москве отметили победу фейерверком. Награды получили все участники сражения, вплоть до солдат; Шереметев же – чин генерал-фельдмаршала и орден Андрея Первозванного. Петр торжествовал:

– Мы можем наконец бить шведов!

Через полгода с лишним – новая победа; 18 июля 1702 года тот же Шереметев опять громит, на этот раз под Гуммельсгофом, Шлиппенбаха, который теряет пять тысяч убитыми, триста пленными и всю артиллерию.

С осени того же года Петр лично руководит военными действиями в Ингрии. Сначала его полки штурмом берут крепость Нотебург у истока Невы из Ладожского озера; затем – крепость Ниеншанц близ устья той же реки. А 7 мая следующего года Петр и Меншиков на

лодках напали на два шведских морских корабля и выиграли бой. Победа была полностью его заслугой, и он, как и его любимец Меншиков, получил орден Андрея Первозванного.

В результате победного исхода военной кампании 1701–1703 годов все земли по Неве, от истоков до устья, оказались в руках победителей-русских. В этом немалая заслуга царя, хотя он несколько не выпячивает свою роль, более того – даже скрывает, затушевывает ее, говорит «мы», «наши войска» и т. д. Победа, в его мнении, – результат общих усилий армии, от солдат до фельдмаршала.

В присоединенной земле, где некогда Александр Невский громил захватчиков-шведов (Невская битва 1240 года), Петр 16 мая 1703 года закладывает в устье Невы, на острове Луст-Эйланд (Веселый остров), крепость Санкт-Петербург, будущую новую столицу России. Деревянная крепость, построенная солдатами, имела шесть бастионов. Рядом с ней поставили деревянный домик Петра, который стоит там и поныне, привлекая толпы туристов.

В новопостроенную крепость Петр назначил губернатора – все того же Меншикова. Его не смущают ни болота, ни плохой климат. Более того, он радуется, что живет в таком раю, как, без тени сомнения или юмора, пишет своим корреспондентам:

«Истинно, что в раю здесь живем».

«Не могу не писать вам из здешнего парадиза».

«О здешнем поведении сомневаться не изволь, ибо в раю Божиим злом быть не может».

«Парадиз», в который Петр прямо-таки влюблен, должен стать, по его мысли, воротами в Балтику, в Европу; сюда пойдут со всех сторон нужные товары. Но не только роль торгового порта уготована Петербургу его основателем, историей. Год спустя царь в письме к Меншикову называет новую крепость и порт «столицей». Для ее защиты с моря он приказывает в 1704 году заложить морскую крепость. Это был Кроншлот (Кронштадт) на острове Котлин, в тридцати верстах к западу от Петербурга. Часто приплывает сюда, следит за возведением укреплений.

– Теперь Кронштадт в такое приведен состояние, что неприятель в море близко появиться не смеет. Иначе разобьем корабли в щепы. В Петербурге спать будет спокойно.

Предмет его особых забот и беспокойства – строительство флота на Балтике и для Балтики. Без него, он в этом уверен, невозможно защитить, удержать то, что добыто:

– Всякий потентат, который едино войско сухопутное имеет, одну руку имеет; а который и флот имеет, обе руки имеет.

На Олонецкой верфи в 1703 году под руководством царя начинают постройку сорока трех кораблей. Потом, в устье Невы, он закладывает другую верфь – знаменитую Адмиралтейскую, сыгравшую потом такую большую роль в развитии флота России. Ее работа начинается в 1705 году, а в апреле следующего со стапелей сходит первый корабль.

На берегах Невы началось по-настоящему превращение России в морскую державу. Именно здесь Петр прорубил то «окно в Европу», о чем столетие с лишним спустя напишет Пушкин. Строил он и для настоящего, и для будущего. Сохранился рассказ о том, как он сажал желуди в Петербурге. Кто то из вельмож, находившихся при нем, улыбнулся иронически и тем вызвал гневную тираду монарха:

– Понимаю! Ты мнишь: не доживу я до матерых дубов. Правда! Но ты – дурак! Я оставляю пример прочим, чтоб делали то же, потомки со временем будут строить из них корабли. Не для себя тружусь, польза государству впредь.

Петр, как никто, может быть, другой, умел смотреть в будущее:

– Если Бог продлит жизнь и здоровье, Петербург будет другой Амстердам.

Петр радовался любому, самому малому на первых порах, успеху. То же испытывали его помощники. Когда осенью 1703 года в устье Невы приплыл иностранный корабль с грузом соли и вина, Меншиков, петербургский губернатор, одарил всю его команду.

Войска Петра продолжают одерживать верх над шведами. То сам Петр громит их отряд под Петербургом. То Шереметев штурмом берет Копорье и Ям, древние русские города (1704). Затем наступает очередь Дерпта – тоже древнерусского Юрьева, основанного еще Ярославом Мудрым в 1030 году. Наконец, Петр взял реванш и под Нарвой. Девятого августа 1704 года он взял Нарву в ходе короткого, но ожесточенного штурма. В ходе сражений

шведы потеряли тысячи солдат, много снаряжения. Петр не упускает случая провести пленных шведов по улицам Москвы.

Взятие Нарвы, древнего русского Ругодива, стало веским реваншем за поражение в начале войны, обозначило рубеж в начальном ее этапе. Петр и Россия быстро оправались от первой неудачи, благодаря энергичным усилиям одержали ряд побед и закрепились на берегу Балтики. Можно было бы и передохнуть, но Петр, неудержимый и деятельный, спешит из Нарвы к Дерпту, сопровождающим его генералам и министрам показывает укрепления, рассказывает о ходе штурма. Оттуда через Псков и Новгород едет на Олонецкую верфь: как там строятся корабли? Потом – в Петербург: как здесь, в «парадизе», обстоит дело с возведением зданий? Снова в Нарву, где дает прощальную аудиенцию послу Турции, для которого небезынтересно убедиться в том, какие мощные крепости штурмуют и захватывают русские. Далее, по дороге в Москву, осматривает в районе Вышнего Волочка место соединения рек Тверцы и Меты, определяет: здесь рыть Вышневолоцкий канал.

Победы в Прибалтике не только заставили русских поверить в свои силы и возможности на поле боя, но и привели к освобождению от шведов ряда земель по восточному и южному побережью Финского залива, активизировали перестройку армии и госаппарата, создание флота на Балтике. Было положено начало тому делу, которое обещало принести в будущем, и довольно близком, немалые успехи – военные, политические, хозяйственные.

Все эти годы Петр и дипломаты стремились добиться посредничества западных государств, чтобы заключить мир со Швецией. Но там увидели в подобных попытках признаки слабости России и не хотели помочь ей в переговорах со шведским королем. Карл XII и слышать не хочет о мире – ни с Августом, ни тем более с Петром.

Армия Карла, несмотря на легкие победы, изматывалась в Польше, а в стратегическом плане непрерывно проигрывала. Россия же не только стяжала успехи в Восточной Прибалтике, но и, что самое существенное, приобретала, чем далее, тем более, стратегические преимущества. Хотя до решительных побед еще было далеко.

По всему чувствовалось, что не за горами новые схватки с армией самого «шведа» – короля Карла. В начале 1706 года тот чуть было не блокировал главную русскую армию, которая стояла в Гродно. Ее главнокомандующий фельдмаршал из немцев Г.Б. Огильви, по существу, саботировал сначала приказы Петра о выводе армии на восток. И лишь самое энергичное вмешательство царя, пославшего в Гродно Меншикова, спасло армию, предотвратив гибельные последствия бездействия Огильви, граничившие с изменой.

Опечалило его и известие об очередном разгроме саксонцев шведами (первых было тридцать тысяч, вторых – восемь!). Август II к тому же, тайно от Петра, своего союзника, заключил (24 сентября 1706 года) Альтранштадтский договор с Карлом. По сути дела, он капитулировал – Польшу уступил королю С. Лещинскому, «состряпанному» Карлом (по его же выражению), порвал с союзниками. Хотя, скрывая свою низость и предательство, незадолго перед тем участвовал в составе армии Меншикова в разгроме шведской армии Мардефельда под Калищем (18 сентября того же года).

Одновременно Петру приходится решать и множество других дел. Помимо текущих забот по добыванию денег, снабжению армии всем необходимым, он снова сталкивается с народным недовольством – бегством измордованных «подлых людишек» от тяжкого ярма на окраины, волнениями, открытыми, подчас мощными, восстаниями. Поднимаются на борьбу с насилиями воевод, прибыльщиков, сыщиков (ловивших беглых и крепостных и др.) жители Поволжья (1704– 1711 годы), Астрахани (1705–1706 годы), Дона и десятков соседних уездов Южной России, Поволжья и др. С обычно» жестокостью и беспощадностью Петр подавляет восстания, шлет против них большую армию и лучших своих полководцев, вплоть до фельдмаршала Б.П. Шереметева.

В это же время Петр готовится к борьбе с главной армией Карла XII. Со своими сподвижниками он разрабатывает в Жолкве, близ Львова, стратегический план войны на случай вторжения Карла.

Петр постоянно заботится о том, чтобы его армию не застал врасплох неприятель, не навязал бой в неблагоприятных для нее условиях. Об этом он постоянно твердит в указах письмах, распоряжениях, и именно его мысли легли в основу Жолквенского стратегического плана. Это был курс на генеральное сражение, которое следовало тщательно подготовить, дать его тогда, когда появятся верные шансы на выигрыш. Вынесли решение:

«Положено, чтоб в Польше с неприятелем баталию не давать, понеже, если б такое нещастие учинилось, то бы трудно иметь ретираду. И для того положено дать баталию при своих границах, когда того необходимая нужда требовать будет. А в Польше на переправах и партиями, также оголоженьем провианта и фуража томить неприятеля, к чему и польские сенаторы многие в том согласились».

Согласно плану, на пути движения шведов в Россию через Белоруссию или Украину их встретят укрепленные крепости, оборонительные заграждения, налеты легкой кавалерии, сопротивление местных жителей (укрытие, уничтожение съестных припасов и пр.). Изматывание врага, его ослабление должно закончиться генеральным сражением, которое будет дано на территории России в подходящий момент, при наличии необходимых военных сил.

Петр снова и снова через своих дипломатов предлагает Швеции мир. Но ее самонадеянный король отвергает с порога все предложения и, по существу, загоняет себя в ловушку. Некоторые из современников уже тогда начинали это понимать. Барон Генрих Гюйсен, тогда русский посол в Вене, честно, кстати говоря, служивший России, сообщал в Москву в сентябре 1707 года:

«Шведы идут в Россию нехотя и сами говорят, что почти совсем отвыкли от войны после продолжительного покоя и роскошного житья в Саксонии. Поэтому некоторые предсказывают победу Петру, если вступит с Карлом в битву».

Французский посол Базенваль делает еще более определенный вывод:

«Кампания против России будет трудной и опасной, ибо шведы научили москвитов военному искусству, и те стали грозным противником. К тому же невозможно сокрушить такую обширную могущественную страну».

Карл же в ответ на запрос о возможных условиях мира с Россией велел передать французскому послу в Стокгольме:

«Король помирится с Россией, только когда он приедет в Москву, царя с престола свергнет, государство его разделит на малые княжества, созовет бояр, разделит им царство на воеводства».

Царь ожидает решительных событий в 1708 году:

– Молю Бога, чтобы в этом году он даровал благополучный исход дела нашего.

Преследуемый сонмом забот, Петр часто не выдерживает, срывается, распекает помощников. Так, он с удовлетворением узнал о том, что укрепления в Кремле и Китай-городе ремонтируются и сооружаются новые. Но, оказывается, московские власти не выслали из Москвы, как он в свое время приказал, шведского резидента Книпперкрона, который наблюдал за работами в Москве и мог сообщить об этом своему королю. Далее выяснилось, что мнения бояр, рассматривавших на заседании этот вопрос, не были даже записаны, решение не запротоколировано. И.А. Мусин-Пушкин, ответственный за ремонт и возведение укреплений, получил от царя жестокий разнос, а князь-кесарь Ромодановский – указ:

«Изволь объявить всем министрам, чтобы они великие дела, о которых советуются, записывали, и каждый бы министр подписывался под принятым решением, что зело надобно; и без того отнюдь никакого дела не определять, ибо сим всякого дурость явлена будет».

Раздумывая о предстоящем, Петр не исключал возможность своей гибели. На этот случай он распорядился выдать в случае его кончины три тысячи рублей Екатерине Василевской, своей фактической супруге. Отдав распоряжения, в ночь на 6 января 1708 года Петр выехал из столицы и через Смоленск, Минск прибыл в Дзенциолы, где на зимних квартирах стояла русская армия во главе с Меншиковым.

Карл XII наконец двинулся со своей армией (шестьдесят три тысячи солдат) на восток. Русская армия (сто тысяч человек), выполняя Жолквенский план, отступала. Шведы терпели большие лишения, не находя ни хлеба, ни скота, ни фуража. Шли поэтому медленно, с частыми и длительными остановками. Силы армии вторжения таяли. Но все же с королем шли тридцать пять тысяч опытных, закаленных воинов. За нею из Риги Левенгаупт вел шестнадцать тысяч солдат и огромный обоз с припасами.

Русская армия прикрывала дороги на Могилев, Шклов, Копысь. На правом фланге стоял Шереметев с тринадцатью пехотными полками и Меншиков с одиннадцатью драгунскими

полками; в центре – Репнин с десятью полками солдат и драгун; на левом фланге Голицын с десятью драгунскими полками. Все они были болотами отрезаны друг от друга. Двадцать пятого июня царь выезжает в армию. Шлет письма Шереметеву:

«Скоро буду к вам. И прошу, ежели возможно, до меня главной баталии не давать».

Карл XII возобновил движение на восток, имея целью взятие Москвы. Он по-прежнему планировал свержение Петра, которого должен, по его мысли, заменить Яков Собеский. Север и северо-запад России, в том числе Новгород и Псков, отойдут к Швеции; Украина и Смоленщина – Лещинскому, причем в Киеве будет сидеть вассал последнего «великий князь» Мазепа; русские южные земли предназначались туркам, крымцам и прочим сторонникам Карла. В России, говорил Карл Лещинскому, будут отменены все реформы, расформирована новая армия, воцарятся старые порядки; здесь он непреклонен:

– Мощь Москвы, которая так высоко поднялась благодаря введениям иностранной военной дисциплины, должна быть уничтожена.

Королю грезились, что Россия будет обращена вспять – ее растащат на куски, отбросят от Балтики (Петербург – стереть с лица земли!), а сам он будет верховным судьей во всем, что происходит от Эльбы до Амура.

Речь шла, таким образом, о национальном существовании России как государства, его жизни или смерти. До сих пор Петр, его полководцы и войска действовали успешно, осмотрительно, хотя и случались неудачи. Но вот произошла осечка – у Головчина, в Белоруссии, 3 июля 1708 года на корпус Репнина напало войско Карла. Сначала открыла ураганный огонь артиллерия противника. Через два часа пошла в атаку шведская пехота, переправившаяся вброд через реку Бабич. Воины Репнина сопротивлялись героически, отчаянно, но превосходящие силы врага сломили их упорство. Не получив помощи, Репнин отступил, отошли и оба фланга. Пятого июля все русские войска перешли Днепр, а через три дня шведы вошли в Могилев. Из восьми тысяч сражавшихся русских солдат немало осталось на поле боя; шведы, действовавшие более успешно, потеряли меньше. Репнин отступил, хотя разгрома и не потерпел. Петр вскоре узнал, что ряд русских полков во время сражения отступил в беспорядке, их пушки достались шведам. Другие оказывали сопротивление врагу, но вели бой «казацким, а не солдатским» обычаем. Царь не проявил снисходительности к своим военачальникам – враг подошел с главными силами к России, и небрежность, неумение могли обойтись очень дорого. Он распорядился предать военному суду Репнина и Чамберса – боевых генералов, к которым до сих пор относился с уважением, считался с их мнением. Лишь отвага, проявленная Репниным во время сражения, спасла его от смерти – генерала по решению военного суда разжаловали в солдаты (вскоре, в сражении при Лесной, он снова покажет себя храбрецом и вернет себе чин и должность).

Чемберса отстранили от должности, но звание генерала ему, человеку престарелому, сохранили.

Сражение под Головчином не было большим успехом для шведов, тоже понесших большие потери, но для русской армии это был полезный урок, и Петр извлек из него все, что только можно. Он устроил показательный суд над генералами. Затем составил «Правила сражения» – в них речь шла о взаимодействии разных родов войск в сражении, стойкости и взаимовыручке солдат:

«Кто место свое оставит или друг друга выдаст и бесчестный бег учинит, то оной будет лишен живота и честни».

Несмотря на все свое недовольство, Петр отдавал себе отчет в том, что происшедшее под Головчином – не такое уж сильное поражение, более того – оно показало возросшую силу русской армии:

«Я зело благодарю Бога: прежде генеральной баталии виделись с неприятелем хорошенько и что от сей его армии одна наша треть так выдержала и отошла».

После этого сражения инициатива полностью переходит к России. Карл же начинает медлить, проявляет известную осторожность. В Могилеве он стоит почти месяц, до 5 августа, ожидает прибытия корпуса Левенгаупта с обозом из Риги. Этот генерал еще 3 июня получил приказ о выступлении для соединения с армией короля.

Не выдержав ожидания, Карл все-таки вышел из Могилева. Но пошел не на север, навстречу своему генералу, а на юг, к Пропойску, потом – на северо-восток, к Смоленску. Петр внимательно следит за действиями короля, неожиданными и непредсказуемыми, сообразует с ними маневры своих войск. Выполняются пункты Жолквенского плана – русские полки отступают, заманивают врага, истощают его. Затем начинают уничтожать его по частям.

Царь в августе приказывает:

– Смотреть на неприятельские обороты: и куды обратится – к Смоленску или к Украине, – трудиться его упреждать. Неприятель отошел от Могилева миль с пять, против которого мы

тоже продвинулись. И обретаецца наша авангардия от неприятеля в трех милях. А куды их намерение, Бог знает, а больше гадают на Украину.

Карл о своих намерениях нередко не извещал даже самых близких своих помощников. Тем не менее продвижение армии, его общее направление Петр и другие военачальники угадывали верно. На военном совете, проведенном еще 6 июля во Шклове, они предусмотрели возможные варианты движения шведской армии.

Русская армия по-прежнему идет перед шведской, все уничтожает по пути. Царь 9 августа указом снова и снова напоминает:

«Провиант и фураж, тако ж хлеб стоячий на поле и в гумнах или в житницах по деревням... жечь, не жалея и строенья».

Везде он приказывает разрушать мосты, мельницы. Жители, забирая с собой скот, перебирались в леса. Меры, строгие, но необходимые, приносили успех. Петру докладывали:

– Рядовые солдаты к королю приступили, прося, чтоб им хлеба промыслил, потому что от голода далее жить не могут.

– Люди же от голода и болезни тако опухли, что едва маршировать могут.

Шведские солдаты, голодные и ободранные, шарили по деревням в поисках еды, дезертировали. Поблизости от армии короля русские драгунские полки и иррегулярная конница досаждали непрерывными нападениями, стычками; действовал приказ Петра:

– Главное войско обжиганием и разорением утомлять.

Тридцатого августа у села Доброго происходит схватка более крупная – пять полков «природных шведов» потерпели полное поражение от напавшего на них русского отряда во главе с князем М.М. Голицыным. Шведы потеряли три тысячи человек убитыми, русские – триста семьдесят пять человек. После победы русские отошли, выполнив полностью свою задачу. Но Карлу, наблюдавшему за ходом боя, неблагоприятный для шведов исход не помешал изобразить сражение как свою новую победу. Петр же искренне радовался:

– Сей танец в глазах горячего Карлуса изрядно станцевали. Я как и почал служить, такого огня и порядочного действия от наших солдат не слышал и не видал (дай, Боже, и впредь так!). И такого еще в сей войне король швецкий ни от кого сам не видал.

Карл, несмотря на все свое фарфаронство, был очень расстроен. Еще бы – разгром был полным, только болота спасли его воинство от окончательной гибели. Он уже начинает задумываться о судьбе русского похода, советоваться с генералами. В начале сентября приглашает к себе и спрашивает их мнение: куда вести армию дальше? Гилленкрот, его генерал-квартирмейстер, резонно замечает: чтобы им, генералам, дать ответ, нужно ведь знать, что намеревается сделать король. Ответ Карла, вероятно, не мог не ошеломить его помощников и советников:

– У меня нет никаких намерений.

Король не удосужился разработать план войны, обсудить его вместе с генералами. Ему казалось, что разгромить Россию будет делом более легким, чем разбить Саксонию. На этот раз, после Доброго, он соизволил узнать мнение своих генералов. На совете решили: идти не на Москву, а на Украину. Смысл этого крутого поворота в движении шведской армии хорошо объяснил Матвеев из Гааги, где он сумел выведать шведский «секрет»:

«Из секрета здешнего шведского министра сообщено мне от друзей, что швед, усмотри осторожность царских войск и невозможность пройти к Смоленску, также по причине недостатка в провианте и кормах, принял намерение идти на Украину, во-первых, потому, что эта страна многолюдная и обильная и никаких регулярных фортеций с сильными гарнизонами не имеет; во-вторых, швед надеется в вольном казацком народе собрать много людей, которые проводят его прямыми и безопасными дорогами к Москве; в-третьих, поблизости может иметь удобную пересылку с ханом крымским для призыву его в союз и с поляками, которые держат сторону Лещинского; в-четвертых, наконец, будет иметь возможность посылать казаков к Москве для возмущения народного».

Десятого сентября полк шведской кавалерии во главе с самим королем у деревни Раевки потерпел новое и сильное поражение. Под ним была убита лошадь, и Карл едва не попал в плен. Все это происходило на глазах Петра, участвовавшего в сражении. Король после очередного афронта решил не ждать Левенгаупта, который спешил к нему от Риги: быстро пошел на юг – этот шаг, необъяснимый и нелепый, позволил русским одержать еще одну победу, на этот раз гораздо более внушительную и серьезную, такую, что Петр назовет ее «матерью» Полтавской виктории.

Царь, получив известия о намерениях Карла и марше Левенгаупта, созвал совет. Согласно его решению, главные силы русской армии во главе с Шереметевым должны идти на Украину, «сопровождая» Карла; а корволант (летучий отряд) из одиннадцати с половиной тысяч человек с Петром во главе должен был нанести удар Левенгаупту. Последний вел войско из шестнадцати тысяч солдат и обоз с провиантом и фуражом. Двадцать восьмого сентября утром Петр настиг его у деревни Лесной. Появление корволанта было для шведов полной неожиданностью – кругом тянулись густые леса, труднопроходимые болота. Сражение длилось несколько часов. Солдаты с обеих сторон так устали, что повалились на землю (шведы – у своего обоза, русские – на боевой позиции) и «довольное время отдыхали», причем на расстоянии половины пушечного выстрела друг от друга. Потом битва возобновилась. К ее концу появление русской кавалерии Боура решило дело в пользу нападавших. Шведы потерпели полное поражение, только ночь и вьюга спасли остатки их войска, бежавшие в темноте. Левенгаупт оставил на поле сражения восемь тысяч убитых и весь обоз, так необходимый изголодавшейся армии Карла. Король узнал о полном разгроме одного из лучших своих генералов 1 октября, а 12 октября тот привел к нему шесть тысяч семьсот голодных и оборванных солдат – все, что осталось от «шестнадцатитысячного войска. При первой вести король не спал всю ночь, ходил грустный и молчаливый; теперь же, после рассказа побежденного генерала, послал в Стокгольм донесение о новой шведской победе и продолжил марш на Украину. Правда, с этих пор он начинает сомневаться в своей окончательной победе, но тщательно это скрывает.

Победа при Лесной вдохнула уверенность в русскую армию, и об этом хорошо говорит сам Петр, выигравший это сражение:

– Сия у нас победа может первая назваться, понеже над регулярным войском никогда такой не бывало; к тому же еще гораздо меньшим числом будучи перед неприятелем. И поистине она виною благополучных последований России, понеже тут первая проба солдатская была и людей конечно ободрила; и мать Полтавской баталии, как ободрением людей, так и временем, ибо по девятимесячном времени младенца счастья произвела.

Известие о блестящем успехе произвело впечатление в России и за рубежом. Петр мог быть доволен – одержана победа, причем меньшим числом солдат, над закаленным войском шведов; главная армия Карла оказалась теперь отрезанной от тыловых баз снабжения, в стратегическом окружении. В сражении при Лесной Петр проявил себя смелым новатором, незаурядным полководцем – организовал корволант из солдат-пехотинцев, посаженных на коней; местом избрал не открытое поле, а закрытую пересеченную местность; наконец, построил свое войско не в одну линию, как тогда было принято, а в две.

Вскоре после Лесной, в октябре, шведы потерпели еще одно поражение: тринадцатитысячный корпус Любекера подошел к Петербургу со стороны Финляндии. Адмирал Апраксин с гарнизоном разгромил шведов, потерявших до трети своего личного состава, шесть тысяч лошадей. После такого афронта неприятель ни разу не делал попыток

приблизиться к петровскому «парадизу». В честь победы по приказу Петра выбили медаль; на одной ее стороне – портрет победителя и надпись: «Царского величества адмирал Ф.М. Апраксин»; на другой – корабли, построившиеся в линию, и слова по окружности; «Храня сие, не спит; лучше смерть, а не неверность. 1708».

Находясь в Смоленске, где его по прибытии встретили пальбой из пушек и ружей, в ореоле успеха и славы, Петр испытал сильный удар – ему сообщили об измене украинского гетмана Мазепы, переметнувшегося к Карлу XII. Петр, доверявший гетману, был поражен и принял срочные меры. В Батурин, ставку гетмана, спешит Меншиков с войском, а с другой стороны движется Мазепа со шведскими полками. Поспешность вполне объяснимая; в гетманской столице хранятся огромные запасы продовольствия, пороха, припасов для артиллерии. Меншиков опередил врага, и из Батурина вывезли все, что можно, остальное предали огню, крепость разрушили.

Для Мазепы это был тяжелый удар, но не единственный и не главный. За ним последовали другие. Началось с того, что за гетманом-изменником не пошли украинские казаки, в стан к Карлу он привел не большое казацкое войско, как обещал и на что надеялся король, а жалкие две-три тысячи человек. Да и те не знали его истинных целей, ожидая, что они идут в армию Шереметева; когда же все выяснилось, тайно начали покидать шведский лагерь. Далее, на Украине, которая узнала из петровских указов, что Мазепа хочет вернуть мать-отчизну польским панам, началась народная война против мазепинцев и шведов.

Между тем в Европе после Лесной страх перед Швецией с ее неуравновешенным властителем сменяется боязнью перед мощью крепнущей России во главе с энергичным, храбрым и мудрым, как теперь начинают считать, государем. Изменение ситуации сказывается, среди прочего, и в том, что Петр, ранее ставивший вопрос о вступлении России в Великий союз, теперь снимает его. Об этом осенью 1708 года публично заявляет его посол в Нидерландах Матвеев. А в начале зимы он же заявляет своему сюзерену, что датский король Фредерик IV собирается вести переговоры с саксонским курфюрстом Августом II о возобновлении военных действий против Швеции. И переговоры действительно начались, к ним потом присоединился прусский король. Тем самым усиливалась внешнеполитическая изоляция Швеции. Дело шло к возрождению Северного союза. Таково было влияние того, что произошло при Лесной.

А положение Карла становилось все более плачевным (морозы, голод, враждебное отношение украинцев и пр.). Правда, блеснул какой-то просвет, луч надежды – кошевой Гордиенко со своими запорожскими казаками тоже, по примеру Мазепы, выступил против русских, начал нападения на их военные отряды. Петр действует решительно и круто – весной 1709 года его войско берет штурмом и дотла разоряет Запорожскую Сечь. Казаки Гордиенко переходят к Карлу, но приобретение это – не из серьезных. Это, в частности, понимает Мазепа и мечется в поисках выхода: то предлагает Карлу совершить, по примеру Александра Македонского, поход на восток, в Азию (то есть в глубь России), то

объединиться с Булавиным (на юге России, в районе Дона и Придонья, ширится народное восстание), то посылает к Петру своих друзей – полковников Апостола и Галагана – с предложением выдать ему шведского короля и его высших военачальников.

Мечется и Карл – и не только по враждебной ему Украине в поисках еды и квартир, но и по столицам держав-союзников, просит у них помощи если не войсками, то деньгами, пытается завязать отношения с Турцией и Крымом, но те выжидают, боятся. На Украине городки и крепости, встречавшиеся на пути шведов, оборонялись героически, наносили им немалый урон. Украинские жители и русские военные отряды лишали их не только провианта, но и отдыха, жилья. Однажды (дело было в феврале 1709 года) король с войском находился в Коломаке, в пределах Слободской Украины. Мазепа, ехавший рядом с ним на лошади, льстил ему, говорил о несуществующих военных успехах шведов. Затем добавил по-латыни, что его величество находится не более чем в восьми милях от Азии. Шведский кандидат в Александры Македонские тут же повелел своему секретарю де Гилленкроку узнать о дорогах в Азию. Тот ответил, что до Азии, мол, еще далеко. Карл не согласился:

– Но Мазепа мне сказал, что граница отсюда недалеко; мы должны туда пройти, чтоб иметь возможность сказать, что мы были также и в Азии.

– Ваше величество изволите шутить, и, конечно, Вы не Думаете о подобных вещах серьезно.

– Я вовсе не шучу. Поэтому немедленно туда отправляйтесь и осведомитесь о путях.

Гилленкрок направился, но не по направлению к Азии, а к Мазепе. Сделал ему выговор:

– Ваше превосходительство отсюда можете видеть, как опасно шутить таким образом с нашим королем. Ведь это господин, который любит славу больше всего на свете, и его легко побудить двинуться дальше, чем было бы целесообразно.

На шведскую армию продолжали нападать русские отряды и украинские партизаны. Как и раньше, не хватало провианта, одолевали болезни. Но закончилась зима, и с началом весны возродились надежды шведов.

Первого апреля Карл с армией подошел к Полтаве, решил штурмовать – опять Мазепа нашептал ему, что с ее взятием Украина перейдет под его высокую руку. Из Полтавы шли дороги на юг, к Крыму. А с ханом и султаном король как раз в это время вел переговоры о

совместных действиях против России. Но трехмесячная осада города успеха не принесла. Его четырехтысячный гарнизон бесстрашно отбил все штурмы.

Петр сразу же понял стратегическое значение Полтавы, которую так упорно стремился взять Карл. В письме к Меншикову, который стоял с войском неподалеку, он велел оказать помощь осажденным. Тот 7 мая неожиданно нагрянул на Опошню, где засели шведы, перебил их. Туда поспешил Карл, но русские спокойно и организованно отошли на другой берег Ворсклы. А в ночь на 15 мая в Полтаву прошел болотами отряд из девяти сот солдат, с порохом и свинцом.

Четвертого июня к Полтаве, около которой стояла вся шведская армия, приехал Петр. Через три дня, оценив на месте обстановку, соотношение сил (русские войска тоже подходили сюда), он сообщает Апраксину о своем решении:

– Сошлись близко с соседями, с помощью Божиею будем конечно в сем месяце главное дело со оными иметь.

Шведская армия оказалась под Полтавой в стратегическом окружении, была сильно ослаблена поражениями, осадами, маршами, голодом. Русская же армия, наоборот, стала намного сильней, боеспособней. Двадцатого мая она переправилась через Ворсклу, и сразу же начались работы по возведению полевых укреплений на позиции, избранной Петром для будущего генерального сражения. Как и при Лесной, русские войска стояли на закрытой местности, ее фланги упирались в леса, позади – высокий берег реки, через которую построили мосты. Перед фронтом лежала открытая равнина, откуда должны были наступать шведы; там подготовили шесть редутов, где засели стрелки.

Двадцать пятого июня Петр проводит военный совет, разработавший диспозицию битвы. Делает смотр войскам. Распределяет генералов по дивизиям, кавалерию подчиняет Меншикову, артиллерию – Брюсу. Фельдмаршал и генералитет, согласно «Истории Свейской войны», просили его царское величество, чтоб в баталию не приобщаться, на что государь изволил сказать, чтоб о том ему более не говорили. Для Петра личное участие в сражении, как видим, подразумевалось само собой.

На следующий день ему доложили, что к шведам перебежал унтер-офицер из Семеновского полка. Изменник наверняка сообщил врагу о слабых местах русской позиции, в частности об одном из полков, состоявшем из необстрелянных новобранцев. Петр тут же приказал снять с них форму и обрядить в нее солдат Новгородского полка, бывалых и храбрых воинов. Он снова и снова объезжал полки на позициях, принимал последние меры, ободрял. Офицеры гвардейских полков слышали от него призыв:

– Вам известно, что кичливый и прозорливый их король войску своему расписал уже в Москве квартиры; генерала своего Шпарра пожаловал уже губернатором московским и любезное наше Отечество определил разделить на малые княжества и, введя в оное еретическую веру, совсем истребить. Оставим ли такие ругательства и презрение наше без отмщения?

Генерал– лейтенант князь М.М. Голицын от имени всех отвечал ему, приведя пример со сражением под Лесной:

– Ты видел труд и верность нашу, когда чрез целый день в огне стояли, шеренг не помешали и пяди места неприятелю не уступили; четыре раза от стрельбы ружья разгорались, четыре раза сумы и карманы патронами наполняли. Ныне же войска те же, и мы, рабы твои, те же. Уповаем иметь подвиг ныне, как и тогда.

Карл за несколько дней до сражения получил сведения о том, что Турция не собирается начинать войну с Россией, а войска Крассау и Лещинского не могут прийти к нему на помощь, так как кавалерия Гольца, генерала русской армии, непрерывно не дает им покоя. Кроме того, к русскому царю, по сообщению перебежчика, идет на помощь иррегулярная конница числом в несколько тысяч всадников. Несмотря ни на что, король 26 июня решает начать генеральное сражение. За несколько дней до этого он во время кавалерийской рекогносцировки наткнулся на русских казаков у костра. Король был ранен пулей в ногу. Врач в лагере вырезал пулю, но Карл не мог ходить.

Того же 26 июня Карла, полулежащего в носилках, несли перед строем его армии. В своей речи к солдатам и офицерам он призывал к завоеванию России, овладению ее богатствами. Офицеров пригласил на обед в шатры русского царя:

– Он приготовил нам много кушанья. Идите же завтра туда, куда ведет вас слава.

Петр, в отличие от соперника, в речи к солдатам говорил о другом – о защите Отечества, «народа всероссийского».

– Воины! Вот пришел час, который решит судьбу Отечества! Итак, не должны вы помышлять, что сражаетесь за Петра, но за государство, Петру порученное, за род свой, за Отечество... Не должна вас также смущать слава неприятеля, будто бы непобедимого, которой ложь вы сами своими победами над ним неоднократно доказали. Имейте в сражении пред очами

вашими правду... А о Петре ведайте, что ему жизнь его не дорога, только бы жила Россия в блаженстве и в славе для благосостояния вашего.

Утром 27 июня, еще затемно, пехота шведов бросилась на редуты, а их кавалерию встретила контратакой кавалерия Меншикова. Несколько потеснив русских, шведы попали под страшный огонь артиллерии и отступили. Реншильд, командовавший армией из-за ранения Карла, направил свою кавалерию на левом фланге в обход русского правого фланга. Но ее отбросили Меншиков и Брюс; на поле боя превосходство русской артиллерии было подавляющим.

По приказу Петра Меншиков отвел свою кавалерию. Шведы, приняв маневр за отступление, бросились следом, но снова попали под огонь орудий и ружей. Спасались от него в лесу, но и здесь их ожидала смерть от русских полков.

Основные силы Петр все еще держал в лагере, около 8 часов утра он вывел их оттуда. Оттянул с передовой шесть драгунских полков Шереметева и поставил их в стороне вместе с казаками Скоропадского, велел ожидать указаний о вступлении в битву. Шереметев и Репнин убеждали царя не отводить их части:

– Надежнее иметь баталию с превосходным числом, нежели с равным.

– Больше побеждает разум и искусство, нежели множество.

Петр был, конечно, прав. Он построил армию в боевые порядки: пехоту в центре, между ее полками – артиллерию, по флангам – кавалерию. Шведы ударили в самый центр построения русских, где стоял Новгородский полк. Первый его батальон начал отступать, не выдержав мощный натиск врага. Петр во главе второго батальона пошел в атаку и отбросил шведов. В это время русская конница в ходе атаки оттеснила шведскую кавалерию.

Картечь и огонь русских орудийнесли огромные потери шведам:

«Первый залп, по словам современника, учинен от царского величества так сильно, что в неприятельском войске от падших тел на землю и ружья из рук убиенных громкий звук учинился, который внушал, якобы огромные здания рушились».

Русские полки по сигналу царя начали общую атаку. Шведы побежали, их ряды охватила паника. Они не слушали призывы короля, которого подняли на руки, и он безуспешно кричал, убеждал свое разгромленное воинство.

Победа была полной. Петр, не знавший усталости все эти дни, тут же пишет в Москву, сообщает о «зело превеликой и нечаемой виктории». К нему в шатер привели пленных генералов и министров Швеции. Царь спросил:

– Неужели не увижу сегодня брата моего Карла?

Короля не нашли ни живого, ни мертвого. Шведская армия спасалась бегством на запад, к Днепру. Кавалерия Петра ее преследовала, но вскоре уставшие кони остановились. Вечером того же дня царь отправил в погоню полки гвардейцев и драгун. А до этого, в середине дня, он устроил в своих шатрах обед для победителей. Пригласили и пленных генералов, министров. Случай этот весьма показателен – Петр, как истинно русский человек, бывал беспощаден с врагом в ходе борьбы с ним, но к поверженному проявлял рыцарское великодушие, фельдмаршала Реншильда даже похвалил за храбрость. Все присутствующие услышали примечательную речь русского царя-полководца:

– Вчерашнего числа брат мой король Карл просил вас в шатры мои на обед, и вы по обещанию в шатры мои прибыли, а брат мой Карл ко мне с вами в шатер не пожаловал, в чем пароля (слова, обещания. – В.Б.) своего не сдержал. Я его весьма ожидал и сердечно желал, чтоб он в шатрах моих обедал. Но когда его величество не изволил пожаловать ко мне на обед, то прошу вас в шатрах моих отобедать.

На обеде Петр предложил свой знаменитый тост:

– За здоровье учителей, за шведов!

– Хорошо же Ваше величество, – тут же ответил Пипер, – отблагодарили своих учителей!

Разговаривая с пленными, Петр услышал от тех же Пипера и Реншильда, что они давно убеждали короля пойти на мир с Россией, и заявил:

– Мир мне паче всех побед, любезнейшие.

В ходе сражения шведы потеряли более восьми тысяч Убитыми, три тысячи пленными, русские – тысячу триста сорок пять убитыми. В руки победителей попали все обозы, много трофеев. А через три дня, 30 июня, на Днепре у Переволочны Карл, Мазепа и небольшое число их спутников переправились на западный берег и бежали в сторону турецких владений. Оба они в конце июля примчались в Бендеры, где вскоре предатель Мазепа умер – то ли своей смертью, то ли отравился. Брошенная же королем армия – от нее осталось более шестнадцати тысяч солдат, голодных и деморализованных, во главе их Карл оставил Левенгаупта, – сдалась девятитысячному корпусу Меншикова. По этому случаю Петр приказывает своему фельдмаршалу:

– Изволь прислать к нам, не мешкав, пятьсот лошадей с телегами, на которых довезть до обозу неприятельское ружье и амуницию.

Войско Карла XII перестало существовать. Позиции России сразу же заметно укрепились, и Петр прекрасно это понимает. Торопит своих генералов, требует, чтобы они выбивали шведов из городов, крепостей Прибалтики. Сообщает Августу II о своем предстоящем прибытии с армией в Польшу. С Апраксиным обсуждает план «промысла» под Выборгом, взятие Ревеля (Таллина). Князь-кесарь радуется:

– Ныне уже без сомнения желание Вашего величества, я же резиденцию Вам иметь в Петербурхе, совершилось чрез сей конечной упадок неприятеля.

За победу под Полтавой все ее участники награждены медалями – серебряными (солдаты) или золотыми (офицеры); всем солдатам выдали награду в размере месячного или полуторамесячного жалованья. Чины, ордена, земли получили генералы и офицеры. Меншиков стал фельдмаршалом, Головкин – канцлером, Шафиров – подканцлером, князь Г. Долгорукий – тайным советником. Пять месяцев спустя по предложению Курбатова, обер-прибыльщика, указом Петра списали недоимки с крестьян за все прошлые годы, исключая два последних.

Наконец, Петр подает Шереметеву прошение с просьбой отметить и его заслуги, к слову сказать, немалые:

– Господин фельдмаршал, прошу, дабы Вы рекомендовали государям нашим обоим о моей службе, чтоб за оную пожалован был чин рыр– (контр. – В.Б.) адмиралом, или шаунбейнахтом, а здесь, в войске, ранг, а не чин старшего генерал-лейтенанта. И о первом,

как к Вам с Москвы указ послан будет, тогда б и к адмиралу о том моем чине указ послан был же от их величества.

За шуточной формой обращения, за упоминаниями о «государях», «их величествах» (князе-кесаре Ф.Ю. Ромодановском и начальнике Приказа земских дел И.И. Бутурлине) скрывается представление Петра о своей службе Отечеству, своих неусыпных трудах на поле брани. Ромодановский сообщает ему о повышении в чинах за «храбрые кавалерийские подвиги и в делах воинских мужественное искусство» – царь действительно во время Полтавского сражения проявил высокое мастерство как полководец, подвергался опасности как солдат: одна вражеская пуля попала в лук его седла, другая в шляпу. Князю-кесарю царь отвечает с благодарностью:

– И хотя я еще не заслужил, но точию ради единого Вашего благоутробия сие мне даровано, в чем молю Бога сил, дабы мог Вашу такую милость впредь заслужить.

Вскоре Петр приезжает в Киев и здесь слышит проповедь префекта Киевской академии Феофана Прокоповича, блестяще образованного человека (учился в Киеве, Львове, Кракове, Риме), прекрасного оратора и публициста. Она посвящена Полтавской виктории, Петру, ее организатору, полководцу:

– Ты не только посылал полки на брань, но сам стал противно супостата, сам на первые мечи и копья устремился.

Петр с удовольствием слушал проповедника, и в мыслях у него, вероятно, проходили картины прошедших баталий, особенно только что отгремевшей, достославной и уже ставшей достоянием истории Отечества.

Полтавская победа в корне изменила ход войны, положила резкую грань между тем, что было до нее, и последующими событиями на театре военных действий. И Петр, как все русские люди, очень хорошо это понимал. Как и повелось в пору успехов русского оружия, новую и такую блистательную викторию отпраздновали пышно и торжественно, с выдумкой, на что был великий мастер сам царь. Согласно замыслу его, по улицам и площадям Москвы прошли войска победителей, провели более двадцати двух тысяч пленных шведов (взятых под Лесной и Полтавой) и бесчисленные трофеи. В числе пленных шествовал первый министр короля граф Пипер, а среди трофеев везли и носилки, на которых находился Карл во время сражения. На новый 1710 год жители Москвы увидели другое, не менее пышное действо – после торжественного молебна в Успенском соборе Кремля зажгли огромный фейрверк по случаю той же Полтавской виктории.

В Европе пренебрежение к России сменилось потрясением, уважением, смешанным со страхом перед ее мощью.

Петр по–прежнему готов заключить мир, но, конечно, на приемлемых для России условиях. Однако Карл опять отвергает разумные предложения. Правитель, разоривший страну и погубивший армию, сам оказавшийся в положении нахлебника в чужой стране (в турецких Бендерах), держится самоуверенно, чуть ли не как победитель. В Швецию он шлет одно за другим распоряжения о наборе солдат для продолжения войны, хотя его полуторамиллионный народ уже стонет от истощения. Но король не хочет ничего слышать; просьбы и донесения из Стокгольма он просто не принимает во внимание, приказывает их вообще ему не присылать. И стокгольмские власти слепо следуют его приказам, благодарят Господа за спасение короля; что же касается происшедшего под Полтавой, то распространяют нелепую версию: там -де двадцать тысяч шведов потерпели поражение от двухсот тысяч русских!

Правда, Швеция сохраняла некоторые надежды – у нее имелся сильный флот на Балтике, ее территория оставалась незатронутой войной, а шведские войска, помимо самой Швеции, находились в Прибалтике и Финляндии, Померании и Норвегии. Кроме того, имелись основания ожидать военной помощи от государств Западной Европы, например Англии, Голландии, Австрии с одной стороны, Франции – с другой. Их правители, исходя из своих интересов, рассчитывали привлечь Швецию на свою сторону. Теперь эти замыслы рушились. Пришлось срочно перестраивать внешнеполитические комбинации. По словам Роберта Мэсси, американского историка, Полтава стала «грозным предупреждением» для всего мира, и «европейские политики, которые раньше уделяли делам царя немногим больше внимания, чем шаху Персии или моголу Индии, научились отныне тщательно учитывать русские интересы. Новый баланс сил, установленный тем утром пехотой Шереметева, конницей Меншикова и артиллерией Брюса, руководимых их двухметровым властелином, сохранится и разовьется в XVIII, XIX и XX веках».

Прямой результат Полтавы – возрождение Северного союза России, Дании, Речи Посполитой. Но союзники Петра снова терпят поражение от шведов. Россия же, наоборот, одерживает новые победы – Шереметев в Прибалтике, Меншиков – в Польше: в 1710 году русские войска взяли Ригу, Выборг, Ревель, Кексгольм (Корела) и другие города. Поход на Выборг возглавил сам Петр. Он же составил план его осады. В 1710 году повел к нему двести пятьдесят транспортных судов с солдатами, артиллерией, припасами. Поход проходил в очень трудных условиях – море еще не освободилось от льда, мощная крепость имела сильный гарнизон, артиллерию. Чтобы обмануть осажденных, царь приказал матросам надеть шведскую форму, а на кораблях поднять шведские флаги. Он подробно осмотрел крепость с моря и суши, наметил план действий. Апраксину приказал:

– Как брешы и протчее по моей диспозиции готовы будут, и с которых стрелять надлежит не менее недели и штурмовать.

Выборг, по примеру Риги, капитулировал. Произошло это 13 июня. А на следующий день в крепость во главе Преображенского полка вошел Петр. Три дня он изучает крепостные сооружения. Победу отметил сначала здесь, потом в Петербурге, где царь-полковник и его гвардейцы несли по улицам трофеи – шведские знамена.

Петр имел все основания выразить чувства радости и удовлетворения по поводу успешной кампании 1710 года:

«И тако Лифляндия и Эстляндия весьма от неприятеля очищена, и, единым словом изрещи, что неприятель на левой стороне сего Восточного (Балтийского. – В.Б.) моря не точию городов, но ниже степени земли не имеет».

Таким образом, русские войска очистили от шведов Восточную Прибалтику. По случаю этого в Петербурге три дня стреляли из пушек, звонили в колокола; на кораблях, стоявших на невском рейде, устроили иллюминацию.

Казалось, ничто не могло помешать России в ее победной поступи против «шведа». Но, как однажды не так уж давно (летом 1704 года) царь мудро предостерегал своего первого фельдмаршала: «Всегдашняя удача много людей ввела в пагубу», так и теперь, всего каких-нибудь семь лет спустя после этого поучения, то же случилось с ним самим. Неожиданно объявила войну России Оттоманская Порты. В 1711 году П.А. Толстой, много лет сидевший послом в Стамбуле, извещал своего начальника в Посольском приказе:

«Не изволь удивляться, что я прежде, как король шведский, был в великой силе, доносил о миролюбии Порты, а теперь, когда шведы разбиты, сомневаюсь! Причина моего сомнения та: турки видят, что царское величество теперь победитель сильного народа шведского и

желает вскоре устроить все по своему желанию в Польше, а потом, не имея уже никакого препятствия, может начать войну и с ними, турками. Так они думают и отнюдь не верят, чтоб его величество не начал с ними войны, когда будет от других войн свободен».

В ход идут интриги европейских дипломатов в Стамбуле, Карла XII и его советников, деньги Мазепы. Турция, мечтавшая вернуть Азов, возобновить набеги на южные окраины России и Украины, разрывает 10 ноября 1710 года отношения с Россией.

Такой поворот событий означал перспективу войны на два фронта. Но Петра это, как видно, не смущало, особенно после Лесной и Полтавы. Трудности, как всегда, его только подстегивают. Апраксину, азовскому губернатору, он шлет распоряжения: готовить флот к сражениям, струги и лодки – для донских казаков, а для борьбы с крымцами пригласить калмыков и кубанских татар. Торопит Шереметева – тот из Прибалтики должен был идти на юг, к новому театру военных действий. Фельдмаршал отличается, как обычно, медлительностью, и царь торопит его, высказывает в письмах явное нетерпение:

«Ити с поспешением».

«Дабы Вы немедленно отправили полки в марш в назначенные места».

«А маршировать весьма нужно, понеже ежели пехота не поспевает, неприятель на одну конницу нападет, то не без Великова страху».

«Учить драгун огнем как конных, так и пеших, палашам покой дать, ибо с турками зело инако надлежит воевать и больше пехотою утверждатца с рогатками».

Шестого марта царь выезжает в действующую армию. За несколько дней до этого, 2 марта, он своим указом учреждает Сенат – высшее учреждение в государстве; по словам учредителя-царя, Сенат создавался на время его отсутствия:

«Определили быть для отлучек наших Правительствующий Сенат для управления».

Созданный как временный орган, Сенат просуществовал более двух столетий. Царь оставил строгие распоряжения относительно обязанностей, пределов власти нового учреждения:

«Всякий их (сенаторов, список которых, из девяти человек, он тоже составил. – В.В.) указам да будет послушен так, как нам самому, под жестоким наказанием или и смертью, по вине смотря».

Петр Алексеевич поручил Сенату высший надзор за судебными делами и расходом средств, их умножением, ибо, как он написал, «деньги суть артерия войны».

Тогда же, в день отъезда, царь объявил своей законной супругой Екатерину, бывшую служанку пастора Марту Скавронскую, с которой, в отличие от первой жены, у него сложились самые добрые отношения, имелись и дети – дочери Анна и Елизавета. Брак в церкви совершили еще в феврале. Его заботит будущее жены и детей. Меншикову он признается о причинах оформления брака:

«Еже я учинить принужден для безвестного сего пути, дабы, ежели сироты останутся, лучше бы могли свое житие иметь».

Русская и турецкая армии встретились на реке Прут в начале июля. Страшная жара, жажда обессиливали петровских солдат – многие сходили с ума, кончали с собой.

Турецкая армия 9 июля полностью окружила тридцативосьмитысячную русскую армию. Везир имел сто тридцать пять тысяч (а вместе с татарами – сто восемьдесят тысяч). Атаку начали янычары. Их жестокий натиск описал Понятовский, выступающий в роли военного советника везира:

«Янычары... продолжали наступать, не ожидая приказов. Испуская дикие вопли, взывая по своему обычаю к Богу многократными «алла», «алла», они бросались на неприятеля с саблями в руках и, конечно, прорвали бы фронт в этой первой мощной атаке, если бы не рогатки, которые неприятель бросил перед ними. В то же время сильный огонь почти в упор не только охладил пыл янычар, но и привел их в замешательство и принудил к поспешному отступлению. Кегая (то есть помощник великого везира) и начальник янычар рубили саблями беглецов и старались остановить их и привести в порядок. Наиболее храбрые возобновили свои крики и атаковали во второй раз. Вторая атака была не такой сильной, как первая, и турки снова были вынуждены отступить».

Противник, потерявший до семи тысяч убитыми, был ошеломлен стойкостью русских, потери которых были гораздо меньше. Более того, в момент отступления врага, по словам составителей «Истории Свейской войны», Петр мог одержать «полную викторию», если бы сумел как следует организовать преследование. Но он и его генералы опасались, и не без

оснований: русский обоз не успели даже окопать, солдаты были истощены жаждой, жарой, голодом.

Не лучшим было и состояние турок, хотя Петр и не знал об этом. На следующий день янычары отказались повторить атаки, несмотря на приказ везира. Саттон, английский посол, в донесении сообщал в связи с этим своему начальству:

«Здравомыслящие люди, очевидцы этого сражения, говорили, что, если бы русские знали о том ужасе и оцепенении, которое охватило турок, и смогли бы воспользоваться своим преимуществом, продолжая артиллерийский обстрел и сделав вылазку, турки, конечно, были бы разбиты».

Петру положение его самого и армии казалось безвыходным. Десятого июля царь пишет письмо Сенату:

«Господа Сенат! Извещаю вам, что я со всем своим войском без вины и погрешности нашей, но единственно только по ложным известиям, в семь крат сильнейшею турецкою силою так окружен, что все пути к пресечению провианта пресечены и что я без особливой Божий помощи ничего иного предвидеть не могу, кроме совершенного поражения или что я впаду в турецкий плен. Если случится сие последнее, то вы должны меня почитать своим царем и государем и ничего не исполнять, что мною, хотя бы то по собственному повелению от нас, было требуемо, покамест я сам не явлюся между вами в лице моем. Но если я погибну и вы верные известия получите о моей смерти, то выберите между собой достойнейшего мне в наследники».

На военном совете 10 июля вынесли решение – предложить туркам начать переговоры; если они не согласятся, то сжечь обоз и атаковать врага.

После некоторых проволочек начались переговоры, и Петр бросается в другую крайность: если раньше он явно недооценил силы противника и переоценил свои, то теперь, наоборот, преувеличивает мощь турок, готов идти на максимальные уступки, чтобы вырвать мир даже очень дорогой ценой.

Везир, человек в военном деле неопытный, склонялся к миру по многим причинам. Прежде всего, турки испугались русских солдат, регулярная армия Петра выглядела несравнимо лучше той толпы, хотя бы и огромной, которую представляла собой турецкая армия. На Пруте стояли отнюдь не все русские силы, и противник это знал – действия Ренне у Браилова произвели на него сильное впечатление; да и на Пруте он не рассматривал свои захлебнувшиеся атаки как победу. Более того, турки боялись какой-нибудь военной хитрости русских – не верили, что они всерьез хотят мира, на заключение которого, кстати говоря, везир получил санкцию султана.

Петр, посылая на переговоры П.П. Шафирова, хитрого и осторожного дипломата, соглашался пожертвовать всем на юге и на севере, лишь бы уйти от позорного плена и рабства.

Но до крайних условий дело не дошло. Везир и султан не были склонны, как оказалось, ратовать за интересы Швеции. Относительно же своих требований тоже проявили умеренность, исходя из сложившейся ситуации (они в данном случае учитывали мощь России даже в большей степени, чем Петр).

Двенадцатого июля Шафиров и М.Б. Шереметев (генерал, сын фельдмаршала) подписали мирный трактат с великим везиром Балтаджи Мехмед-пашой. По нему Турция получила обратно Азов, Россия обещала разрушить крепости Таганрог на Азовском море и Каменный Затон на Днепре, не держать войска в Польше, не вмешиваться в ее дела, «отнять руку» от запорожцев, то есть не поддерживать их, не иметь с ними связи.

Условия мира нельзя назвать тяжкими и унижительными для России, хотя она и теряла то, что в свое время завоевала дорогой ценой. Но сохранялись армия, артиллерия (туркам отдавали лишь те пушки, которые имелись в Каменном Затоне), завоевания в Прибалтике (о них даже речь не заходила во время переговоров). Требования Девлет-Гирея о возобновлении выплаты Москвой дани Крыму остались втуне.

Обе стороны были довольны заключенным миром. Недоволен остался Карл XII, мечтавший взять с помощью Турции реванш над Россией.

Чувство горечи долго не покидало Петра после Прута. По прибытии в Варшаву в ответ на поздравление в связи со счастливым избавлением на Пруте царь откровенно признал:

«Мое счастье в том, что я должен был получить сто палочных ударов, а получил только пятьдесят».

Петр получил на Пруте предметный и памятный урок – потеря чувства осторожности, осмотрительности, расчетливости чуть было не обернулась катастрофой для него и страны. Недаром он переживал свою неудачу, проводил в думах о бесславном походе бессонные ночи.

Но Петра зовут все новые дела, не терпящие отлагательства. Он руководит укреплением армии, строительством флота, боевыми действиями, составлением новых гражданских законов. Продолжаются преобразования административные: уточнение функций Сената и учреждение губерний, строительство мануфактур и печатание книг, упрощение шрифта и благоустройства «парадиза», постройка кораблей и обучение матросов и многое другое.

Неизвестный автор, наблюдавший Петра в его северной столице и издавший в Лейпциге (1713 год) брошюру «Описание Санкт-Петербурга и Кронштадта в 1710 и 1711 годах», не скрывает своего удивления и восхищения:

«День свой он проводит, избегая всякой праздности, в беспрестанном труде. Утром его величество встает очень рано, и я не однажды встречал его в самую раннюю пору на набережной идущим к князю Меншикову, или к адмиралам, или в Адмиралтейство и на канатный двор. Обедает он около полудня, все равно где и у кого, но охотнее всего у министров– генералов или посланников... После обеда, отдохнув по русскому обычаю с час времени, царь снова принимается за работу и уже поздно ночью отходит к покою. Карточной игры, охоты и тому подобного не жалуется, и единственную его потеху, которую он резко отличается от всех других монархов, составляет плавание по воде. Вода, кажется, настоящая его стихия, и он нередко катается по целым дням на буере или шлюпке... Эта страсть доходит в царе до того, что его от прогулок по реке не удерживает никакая погода: ни дождь, ни снег, ни ветер. Однажды, когда река Нева уже стала и только перед дворцом оставалась еще полынья окружностью не более сотни шагов, он и по ней катался взад и вперед на крошечной гичке».

Даже зимой Петр продолжал свои маневры на лодках, поставив их на коньки и полозья, приговаривая:

– Мы плаваем по льду, чтобы зимою не забыть морских экзерциций!

В этот же и следующий год Петр много внимания уделяет отношениям с Турцией, которая настаивает на строгом выполнении условий Прутского договора, с Польшей, где местным жителям сильно досаждали саксонцы Августа II. Царь добился, чтобы его ненадежный союзник увел из Польши своих солдат-мародеров в Саксонию (1716 год).

Между тем в эти годы русские войска бьют шведов в Померании, по южному побережью Балтийского моря. Петра угнетает несогласованность действий союзников. Более того, датский и польский короли в который уже раз ведут за его спиной предательские сепаратные переговоры со шведами о мире.

В сердцах Петр заявляет, что выведет свои войска из Померании. Потом остывает – как никак, но войну со Швецией доводить до конца надо; что делать, если имеешь таких союзников. Снова шлет письмо в Копенгаген, излагает королю план военных действий, уверяет его:

«Мне ни в том, ни в другом месте собственного интереса нет; но что здесь делаю, то для Вашего величества делаю».

Но все равно орудий из Дании нет, войска бесплодно топчутся на месте. Петру ясно, что России опять нужно полагаться на свои силы, и он скоро сделает для этого все, что нужно. Он скрывает раздражение, недовольство союзниками. Меншикова, который под Штеттином наговорил ему, несомненно, немало нелестного в адрес датчан, он успокаивает, остужает:

– С датским двором, как возможно, ласкою поступать, ибо, хотя и правду станешь говорить без уклонности, на зло примут. Правда, зело их поступки неладны, да что же делать, а раздражать их ненадобно для шведов, а наипаче на море. Ежели б мы имели довольство на море, то б иное дело; а когда не имеем, – нужда оных флантировать (льстить датчанам. – В.В.), хотя что и противное видеть, чтоб не отогнать.

Царь, давая светлейшему князю уроки дипломатической тонкости и сдержанности, надеялся, как видно, на датский флот.

В 1713 году русские войска совершили успешные походы в Финляндию, принадлежавшую тогда Швеции, взяли Гельсингфорс, Борго, Або и др. В Померании под Тонингеном

союзникам сдались одиннадцать тысяч шведов генерала Стенбока. Но у Швеции оставался еще очень сильный флот – ее последняя надежда», по словам Петра. Хотя усилиями его самого и многих его помощников из года в год строили все новые суда Балтийского флота, царь до поры до времени не решался вступать в решающие сражения на море. 15 июля 1713 года царь сообщает Шафирову в Стамбул:

«Флот наш, слава Богу, множитца, мы уже ныне тринадцать линейных кораблей от 50 пушек и выше имеем, а еще ждем довольного числа к себе».

Успехи – налицо, но царю этого мало:

«А мы большими кораблями не сильны».

И здесь Петр в конце концов добивается своего. Помимо постройки кораблей на русских верфях, закупает их за границей. Сам обучает офицеров и матросов вождению судов в Кронштадте. Организует и возглавляет флотилии в походах к финским берегам. Постоянные усилия приносят плоды. Двадцать седьмого июля 1714 года русский флот разгромил большую шведскую эскадру у мыса Гангут. Она состояла из шестнадцати линейных кораблей, восьми галер и пяти прочих судов. Сначала на фрегат «Элефант» и девять более меньших кораблей напал русский авангард во главе с штурманом Петром Михайловым. Несмотря на преимущество шведов в орудиях (сто шестнадцать против двадцати трех русских), русские корабли смело пошли в атаку, которая закончилась абордажем. Петр потом восхищался мужеством своих моряков:

«Воистину нельзя описать мужество наших, как начальных, так и рядовых, понеже абординование так жестоко чинено, что от неприятельских пушек несколько солдат не ядрами, но духом порохом от пушек разорваны».

Весь отряд во главе с вице-адмиралом Эреншильдом попал в плен к русским. Остальные корабли эскадры из-за полного штиля не смогли оказать ему помощь.

Эта победа, на сей раз морская, да еще на Балтике, как громом поразила Европу; в Стокгольме началась паника – королевский двор спешно покидает столицу. Жители же Петербурга увидели 9 сентября входившие в Неву русские и захваченные шведские корабли. А по улицам города прошли счастливые победители с трофеями и пленными, среди которых был и Эреншильд.

В Сенате князь-кесарь Ромодановский приветствовал Петра:

«Здравствуй, вице-адмирал!»

Так Петр получил новый чин и тем самым повышение в окладе, который он аккуратно забирал, расписываясь в ведомости. Новый вице-адмирал с полным основанием сравнивал Гангутское сражение с Полтавской победой, Действительно слава русского оружия гремела не только на суше, но и на море, на той самой Балтике, которая издавна грезилась Петру.

Однажды Петр словами, обращенными к Екатерине, кратко и метко определил круг и суть своих обязанностей:

«Мы, слава Богу, здоровы, только зело тяжело жить, ибо я левшою не умею владеть, а в одной правой руке принужден держать шпагу и перо; а помочников сколько, сама знаешь».

То же, но в других словах, внушает он нерадивому сыну:

«...Сия (воинское дело. – В.В.) есть едина из двух необходимых к правлению, еже распорядок и оборона».

Итак – внутреннее управление («распорядок»), для чего годно «перо» (составление указов, регламентов, инструкций), и внешняя политика, тем самым – воинское дело («оборона»), здесь уже нужна шпага. Две ипостаси; государя-«законодателя» и полководца-дипломата, и в обеих Петр сделал очень много.

Петр сам трудился дни и ночи, не зная усталости, – как говорили древние летописцы, утер поту за Русскую землю и сумел поднять всю Россию, чтобы добыть выход к Балтике, необходимый растущему государству, чтобы наконец отстоять национальную независимость страны.

Петровская шпага, действия которой опирались на мощь русской армии и флота, привела страну к блистательным победам на суше и на море. Русский Андреевский флаг утвердил

себя на полях и водах сражений. Он же стал символом внутренних преобразований, успехов в том «распорядке», к которому Петр приучал Россию.

Первые преобразования, проведенные на грани двух столетий, носили характер предварительный. Потом, в обстановке нарвской неудачи и последовавшей за ней лихорадочной работы, было не до реформ по внутреннему управлению. Хотя издавались кое-какие указы по текущим делам, главное внимание Петр и его правительство уделяют организации вооруженных сил, строительству заводов и фабрик для их оснащения и снабжения.

Немало усилий тратит Петр для строительства мануфактур и торговых судов, дорог и каналов, он мобилизует крестьян и горожан на различные работы, а дворян и купцов поощряет и понуждает служить в армии и на флоте, в учреждениях и конторах, в лавках и на ярмарках. Люди гибнут тысячами на стройках и заготовке леса от голода и холода, плохого жилья и драной одежды, но жалеть их ему недосуг, да и незачем: сам, мол, себя не жалею ни в чем, а что тут о «подлых» говорить. Впрочем, иногда проявлял, по делу смотря или по настроению, внимание и сердобольность.

Петровские указы охватывают все почти стороны хозяйственной жизни страны, вносят много нового, продвигают далеко вперед развитие экономики, и это дает основание говорить об экономических реформах Петра Великого. Таковы его указы о промышленности, мелкой и крупной. Он издает, например, узаконения (1715, 1718 годы) об изготовлении крестьянами полотна, которое в большом количестве шло на продажу в Петербург и другие города и селения, за границу.

Для управления купцами и ремесленниками Петр создает сначала Бурмистерскую палату, или Ратушу, потом – Главный магистрат, который, согласно регламенту, должен заботиться о росте и процветании не только крупного (мануфактуры), но и мелкого производства:

«Купечество и мануфактуры размножать (сии мануфактуры разумеются не те, которые большие, яко всякие, например, суконные, парчевые, также железные, медные заводы и прочие, сим подобные), но наряду необходимо нужные, яко портные, сапожники, плотники, кузнецы, серебряники и им подобные».

Издаются указы о кожевенном деле – запрещалось, например, ткать узкие холсты или выделывать кожи по-старому, с дегтем. Поскольку мастера, особенно из крестьян, не могли перейти на новый метод (например, ткать широкие холсты не позволяли размеры избы), то приходилось кое в чем отступать, давать поблажку, обучать новым манерам работы (например, кожевников).

Мастеров– ремесленников по стране было очень много, и Петр задумывает организовать их в цехи. Уже в 1715 году его записная книжка пополняется (24 января) заметкой на память: «О цехах». Через шесть лет объявили повеление о переписи мастеров и записи их по цехам:

«Всех ремесленных людей расписать каждого художества и ремесла порознь по именом в цехи».

Двадцать седьмого апреля 1722 года вышел царский указ на этот счет. Сначала он разрешал записываться в цеховые ремесленники всем желающим, в том числе дворовым и крепостным крестьянам, которые тем самым могли освободиться от неволи и уйти в город. Но ввиду недовольства дворян новый указ, от 16 июля, говорит только о тех из крепостных дворовых, кто уже является мастером, производит изделия «на продажу или на посторонних людей» (имеются в виду мелкие товаропроизводители из деревни, которые занимались промыслами на дому).

Наконец, еще один указ того же года:

«Чтоб все ремесленные и мастерские люди каждого художества и ремесла, какова б оные звания ни были... тако ж и иноземцы, московские жители и приезжие, явились в Главном магистрате немедленно и объявили о себе, кто какова художества и ремесла имянно. А последнее... под опасением за умедление, а наипаче, кто не явится, – штрафа и воспрещения художеством и ремесла промысла».

В городах возникают цехи, в которые входили мастера, имевшие подмастерьев и учеников; возглавляли их старшины. В Москве 1720-х годов имелось, например, сто сорок шесть цехов с шестью тысячами восьмьюстами членами.

Введение цехов – свидетельство заботы об упорядочении и развитии мелкого производства, его регламентации и усилении опеки со стороны властей. Наряду с этим Петр и правительство принимали меры к свертыванию мелкой промышленности там, где основывали крупные заводы. На Урале и в Олонецком крае, например, запретили варить железо в «ручных печках» (то есть в мелких домницах), когда там появились большие металлургические предприятия.

В России петровского времени существовали все три формы мелкой промышленности: домашние промыслы, ремесло и мелкое товарное производство. Ремесленники –

представители первой категории – олицетворяли натуральное хозяйство, в котором сам производитель полностью потреблял изготовленные им же изделия. Ремесленник второй категории работает уже по заказу потребителя, его изделия выходят за пределы его хозяйства, а сам он отрывается, полностью или частично, от пашенных занятий. Наконец, ремесленник третьей категории продает свои изделия, как товар, на рынке – или сам, или через скупщика, представителя торгового капитала; сам же он становится мелким товаропроизводителем, связанным с рынком.

Но предмет особой заботы Петра – создание мануфактур – крупных фабрик и заводов. Мануфактуры, как и мелкая промышленность, появились в России давно, в конце XV – начале XVI века (Пушечный двор, денежные или монетные дворы и другие). В следующем столетии в разное время возникали, исчезали, снова возрождались десятки мануфактур – до шестидесяти в течение века. Но до правления Петра дожило сравнительно немного – какой-нибудь десяток-другой мануфактур. Того, что они поставляли, не хватало даже на самые необходимые нужды. Достаточно сказать, что железо и прочие металлы привозили из Швеции, и с началом Северной войны этот импортный канал сразу же был перекрыт. Из-за границы шли также медь, серебро, золото, другие металлы: ружья и сукна. Так дальше продолжаться не могло. Потребности страны, начавшаяся война требовали много железа и меди для изготовления орудий труда и войны, кожи и сукна для одежды, гражданской и военной.

Организируются поиски руд. Там, где их находят, строят предприятия, причем очень быстро. В самом начале века повелением Петра на Урале появляются заводы Невьянский и Каменский, Уктусский и Алапаевский и др.; в Карелии – Петровский (там, где сейчас Петрозаводск) и Алексеевский, Повенецкий и Кончезерский; в Воронежском крае – Липецкий и Кузьминский. Выплавка чугуна в России со ста пятидесяти тысяч пудов в 1700 году, первом году Северной войны, поднялась до восьмисот тысяч пудов в год кончины Петра. К слову сказать, движение, заданное при первом императоре, продолжалось и после него – к 1750 году страна имела семьдесят пять металлургических заводов и выплавляла два миллиона пудов чугуна, в полтора раза больше Англии, передовой промышленной державы того времени. Екатеринбургский завод на Урале имел десятки цехов, выпускал железо разных сортов, сталь, медь, чугунное литье, проволоку» гвозди и т. д.

В Москве и других районах центра возникали суконные, парусно-полотняные, кожевенные мануфактуры. Московский Суконный двор и казенная мануфактура на Яузе давали в год от трехсот до трехсот сорока тысяч аршин[1] полотна. Аналогичные мануфактуры появляются на Украине и в Казани, Калуге и Боровске. К 1725 году в стране имелось двадцать пять текстильных предприятий, а также мануфактуры кожевенные, канатные, стекольные, пороховые, верфи, винокуренные заводы.

В области промышленности при Петре появилось много нового. На первое место в металлургии выдвинулся Урал. Старые районы – Тульский и Олонецкий – отходят на второй

план. Около Нерчинска, за Байкалом, в 1704 году построили первый сереброплавильный завод. В следующем году он дает первое серебро. В Петербурге возникают Адмиралтейская верфь, Арсенал для производства вооружения. На верфи в 1715 году работает десять тысяч человек, с 1706 года (спуск первого корабля) по 1725 год с ее стапелей сошли пятьдесят девять крупных и более двухсот мелких кораблей – краса и гордость российского Балтийского флота. Кроме того, верфи построили в Воронеже и Таврове, Архангельске и подмосковном селе Преображенском, на Олонце и реке Сяси в Карелии. Новые оружейные заводы (пушечные дворы, арсеналы) появились, помимо Петербурга, в Сестрорецке, Туле; пороховые заводы – в Петербурге и под Москвой. Текстильная промышленность создавалась заново, так как ни одна из мануфактур XVII века не сохранилась к началу следующего века. Ее центром стала Москва. Имелись текстильные предприятия и в Ярославле, Казани и на Левобережье Украины. Впервые появились заводы бумажные, цементные, сахарный, шпалерная (обойная) фабрика.

Всего при Петре существовало около двухсот предприятий. Как правило, это крупные централизованные мануфактуры с разделением труда.

Петр проводил протекционистскую политику по отношению к русской промышленности. Она проникнута духом меркантилизма. Предприниматели получали различные привилегии, субсидии, оборудование, сырье. В итоге принятых им и правительством мер зависимость России от импорта или существенно сократилась, или прекратилась совсем. Более того, Россия начала вывозить за рубеж железо, которое там высоко ценилось, полотно и др. Так, в 1700 году, согласно данным московской таможни, в Россию из Швеции ввезли около тридцати пяти тысяч пудов железа. А в 1726 году только через Петербург и Ригу за границу продали более пятидесяти пяти тысяч пудов русского железа. С 1712 года Россия перестала закупать в Европе оружие.

Но русские ткани уступали по качеству иностранным, и они распространялись по стране. Развивалась торговля в городах, на ярмарках, особенно таких, как знаменитая Макарьевская под Нижним Новгородом, Свенская под Брянском, Ирбитская на Урале, Важская Благовещенская на Севере и другие. Устройство каналов, улучшение дорог способствовали расширению и усилению торговли. Таковы, например, каналы Вышневолоцкий, Ладожский (закончен в 30-х годах, после Петра) и др. Начали быстро строить по указанию Петра (после Азовских походов) канал между Волгой и Доном, но строительство прекратилось в связи с началом Северной войны.

Во внешней торговле на первое место вышел Петербург – в 1721 году его торговый оборот превзошел оборот Архангельска в двенадцать раз. Велись операции также через Ригу, Ревель, Выборг. Главными торговыми партнерами России выступали Англия и Голландия. Сумма годового оборота только на европейской границе к началу второй четверти столетия составила шесть миллионов триста тысяч рублей; экспорт превышал импорт в два раза.

Торговали и со странами Востока – Турцией, Ираном, Китаем, туда поступали изделия из металлов, пушнина, оттуда – шелковые и хлопчатобумажные ткани, чай, пряности.

Петр к концу жизни мог гордиться, что русские заводы и фабрики дают все необходимое стране, в том числе армии и флоту. А главное – была достигнута экономическая независимость России, активный внешнеторговый баланс.

Сельское хозяйство времени Петра не может поразить такими сдвигами, какие произошли в промышленности. Его продукция увеличивалась, но путем не интенсивным, а экстенсивным – прежде всего за счет расширения посевных площадей. Улучшение орудий труда и культуры земледелия шло весьма медленно. Новые земли вводились в оборот на юге и востоке, в Среднем Поволжье и Сибири. Именно туда бежали крестьяне в поисках воли и лучшей доли.

Петровская мобилизация людей в армию и флот, на строительные работы, на мануфактуры, развитие промышленности и внешней торговли повышала спрос на продукты сельского хозяйства; с одной стороны, это стимулировало, с другой – создавало трудности; многих крестьян отрывали от хозяйств собственных и их господ-дворян; другие уходили в города, бежали на окраины. Выход приходилось искать в усилении эксплуатации. Петр прибегает к помощи «прибыльщиков», и те придумывают новые налоги (на бороды и бани, дубовые гробы и ульи, рыбную ловлю и перевозы и многое другое). Вводились единовременные налоги – амуничный, на починку кораблей, содержание драгун и т. д. Наконец, в 1718 году вместо подворной системы взимания налогов, существовавшей с конца 1670-х годов, ввели подушную – единую по всему государству ставку (семьдесят четыре копейки) брали с одной души мужского пола, или «ревизской души» (при Петре начали проводить ревизии, то есть общегосударственные переписи населения).

Заботы Петра о развитии сельского хозяйства затронули разные категории земледельческого населения, его труда, положения в обществе. Указ 1721 года направлен на то, чтобы при уборке хлеба крестьяне вместо серпов применяли косы и грабли. Их обучали этому в дворцовых имениях. Царь заботился о расширении посевов и посадок льна и конопли, табака и тутового дерева, фруктовых деревьев и лекарственных растений, разведении овец и лошадей.

Один из указов 1724 года повелевает заводить овчарные заводы в губерниях со «способным воздухом к размножению овец и доброй шерсти». В том же году из Италии выписывают специалистов, «которые около червей (шелковичных. – В.Б.) ходят и шелк строить по-итальянски умеют». В Москве и Петербурге, Астрахани и Лубнах устраиваются «аптекарские огороды» (лекарственные сады). Из Силезии выписывают шленских баранов, из Испании –

мериносных. Учреждаются новые конные заводы – в Киевской, Азовской и Казанской губерниях, в Астрахани.

Ряд указов касался сохранения лесов. Петровский указ 1703 года предписывает произвести опись лесов, стоявших вдоль больших рек на пятьдесят верст, вдоль малых – на двадцать верст. Твердые породы деревьев – дуб, клен, вяз карагач, лиственницу и сосну (в двенадцать вершков[2]) – рубить запрещалось; за нарушение указа – штраф десять рублей, за массовую порубку леса для кораблей – смертная казнь. Рубить на нужды населения разрешали липу, иву, орешник, ольху, ясьень.

Для охраны леса, шедшего на нужды флота и продажи за границу, создавались (в северо-западных уездах Европейской России) заповедные, запретные зоны, лесные округа во главе с выборными надзирателями. В 1722 году указом Петра учредили должность вальдмейстеров – в Петербурге и Москве, Воронеже и Брянске, Казани и других городах. Они должны были охранять леса, следить за тем, чтобы вырубали (там, где положено) не все деревья, «рубить так, чтобы оставался семенной лес». Ставился вопрос о разведении лесов, например, под Астраханью. Система эта действовала не слишком успешно, но важно уже то, что правительство России было озабочено разумным использованием и разведением лесов.

Люди, трудившиеся на полях, промыслах и мануфактурах, торговавшие в магазинах и лавках, у себя дома или за рубежом, питали страну, давали налоги в казну. Сколько их было?

Всеобщая перепись населения, начатая в 1718 году по велению Петра, тянулась долго – помещики скрывали точное число своих крестьян, на 1721 год утаили один миллион душ мужского пола (считали только мужчин, поскольку с них собирались брать налоги). После всех проволочек и проверок весной 1724 года стало известно, что из более чем пятнадцати миллионов жителей России податное население (то есть без дворянства и духовенства, не плативших налоги) составляло пять миллионов пятьсот семьдесят тысяч душ мужского пола (без Украины, Эстляндии, Лифляндии и не обложенных подушной податью народов Заволжья и Сибири). Из них в сельской местности проживает пять миллионов четыреста тысяч душ мужского пола; крепостные составляют три миллиона сто семьдесят шесть тысяч душ. Закрепощенное состояние большинства русского крестьянства – факт широко известный, как и то, что его беспощадно эксплуатировали дворяне. Обычной была работа крепостного на своего владельца в течение трех и более дней в неделю. Андрей Виниус, один из образованных иноземцев и сподвижников Петра на исходе XVII столетия, заставлял крестьян трудиться на барщине четыре дня в неделю. Среди русских помещиков, по словам И.Т. Посошкова, экономиста времени Петра, автора «Книги о скудости и богатстве», «есть такие бесчеловечные дворяне, что в работную пору не дают крестьянам своим единого дня. Стало быть, – работай на господина, а своя нива стоит нескошенная, неубранная. Чем будет потом жену и детей кормить-поить? Барина это не волнует».

Петр пытался воспрепятствовать такому отношению к крестьянам, разорительному, он это прекрасно понимал, не только для казны, но и для самого помещика: с обнищавшего пахаря нечего будет брать. Инструкция, направленная на места в 1719 году, обязывает воевод защищать крестьян от «беспутных помещиков-разорителей». Но это – одна сторона проблемы. Другая, более существенная, состояла в том, что меры Петра, властей, феодалов по выколачиванию из крестьян бесчисленных поборов, повинности: рекрутская, подводная, постоянная, строительная, по рубке леса, работа на заводах и прочая и прочая, все то, что пригибало крестьянина к земле, разоряло его, приводило его к массовой смертности, гибели в походах, побегам, – все это подрывало крестьянское хозяйство, тормозило прогресс сельского хозяйства.

Подушная подать, введенная одновременно с переписью населения, имела одно немаловажное и благотворное последствие: если раньше, при поземельной (посошной) и подворной (тоже, по сути дела, поземельной) системах обложения крестьянин старался распахивать земли поменьше, то теперь, при взимании налога с души, что не было связано с количеством земли, ей принадлежащей, он распахивает ее как можно больше. Таким образом, в XVIII веке, при Петре и позднее, в хозяйственный оборот вводится большое количество новых земель.

Увеличилась при Петре численность рабочих людей на мануфактурах и промыслах, водном и гужевом транспорте. В наемные работники поступали гулящие, беглые, бездомные, нищие, выбившиеся из привычной среды люди. Немало среди них было и отходников из крепостных крестьян – помещики отпускали своих подданных из сел и деревень, чтобы получить с них оброчные платежи, нередко в повышенном размере.

В отличие от Западной Европы, где крупная промышленность развивалась на базе ликвидации крепостного права, интенсивного первоначального накопления, создания большого рынка труда из-за массового разорения крестьян (например, огораживания и сгон крестьян с земли в Англии и т. д.), в России крепостное право оставалось вплоть до начала второй половины XIX века. Неудивительно поэтому те деформации, которыми сопровождалось развитие русской промышленности, – применение на фабриках и заводах, и в довольно значительном объеме, крепостного труда (крепостных, приписных, помещичьих, отданных на заводы по указу крестьян и других людей).

Появление в городах довольно большого числа рабочих людей с мануфактур, разного рода чернорабочих внесло новый и заметный элемент в структуру городского населения. Они составляли ту его часть, которую регламент Главного магистрата (учреждения, ведавшего городами) называет «нерегулярными гражданами»; это – «подлые люди, обретающиеся в наймах и в черновых работах». Они не имеют права участия в выборах представителей городского самоуправления, что является прерогативой «регулярных граждан» – купцов и

ремесленников. Богатые граждане из их числа – «знатные купцы, которые имеют знатные большие торги», доктора, аптекари, живописцы, шкиперы и прочие интеллигенты, а также близкие к ним из числа ремесленников (иконники, золотых и серебряных дел мастера) – составляли первую гильдию. Во вторую гильдию входили прочие ремесленники и торговцы, что победнее. Купцы-владельцы мануфактур или купцы, торговавшие с заморскими странами, по своему высокому положению составляли особую группу и подчинялись соответствующим центральным учреждениям – коллегиям, а не городским магистратам по месту жительства. Их освобождали от службы по выборным должностям, торговли казенными товарами, сбора таможенных пошлин, от военных постоев. Это были существенные привилегии, и они очень держались за них.

Русское купечество представляло собой зарождающийся класс буржуазии. При Петре ее формирование, активность заметно возрастают. Сам законодатель ограждает ее интересы, в частности, ее собственность, например, на предприятия. На посадах существовали посадские сходы, то есть собрания членов всего посада или его составных частей – слобод, сотен, гильдий; они выбирали посадского и прочих старост, членов магистратов, представителей городского самоуправления, а также должностных лиц для казенных служб (сбор пошлин, продажа вина, соли и прочее).

Наибольшее влияние на сходах и в магистратах имели богатые купцы и ремесленники – владельцы заведений; от них зависела основная масса посадского населения. Б.В. Крестинин, историк, выходец из Архангельска, которому и посвятил свои труды, описывает, как группа богатых купцов (Попов, Лаптев, Самойлов) держала в своих руках власть над посадским миром города и в начале столетия, когда существовала земская изба, и в 20-х годах, с появлением магистрата.

Помимо посадских жителей, регулярных и нерегулярных, «подлых», в городах проживали представители других сословий. Это, по определению регламента Главного магистрата 1721 года, – «шляхетство, которое в близости от городов деревни и усадьбы свои имеет, а иные и сами в городах живут домами своими», духовенство, иноземцы – купцы, всякие мастера».

Шляхетство, как на польский манер стали именовать российское дворянство, было главным объектом забот и пожалований Петра. На рубеже XVII и XVIII столетий в России имелось более пятнадцати тысяч дворян (около трех тысяч семей). Основа их положения в обществе – владение землей и крестьянами. На 1700 год в их подчинении трудились, по неполным данным, обитатели от трехсот шестидесяти трех до трехсот семидесяти девяти тысяч крестьянских дворов. Высшее дворянство составляло несколько более пятисот фамилий, каждая из которых владела ста дворами и более (пять – более чем двумя тысячами каждая, тринадцать – от одной до двух тысяч дворов). Остальные – около четырнадцати с половиной тысяч – принадлежали к среднему (менее ста дворов) и мелкому (несколько десятков или несколько дворов) дворянству.

При Петре состав дворянства изменился. В его ряды вошли, по служебным заслугам и царскому пожалованию, многие выходцы из других сословий, вплоть до «подлых». Все они, дворяне старой и новой формации, получали земли и сотни тысяч крестьян. Меншиков, например, к концу карьеры имел до ста тысяч крепостных, владел многими деревнями и целыми волостями. Крупные вотчины получили другие ближайшие сподвижники Петра – Головин и Шереметев, Апраксин и Головкин, Шафиров и Макаров, Дмитрий Кантемир, господарь Молдавии, и Вахтанг VI, царь Картли из Грузии; князь Александр Бекович-Черкасский из Кабарды и многие иные. В их руки перешли сотни тысяч крестьян из числа государственных, дворцовых.

Важным приобретением для дворян стало окончательное слияние поместий, которыми они владели на условном праве (при условии несения службы государю; его несоблюдение могло закончиться конфискацией поместья в казну), и вотчин – безусловных владений. Это оформил известный указ Петра о единонаследии от 23 марта 1714 года. Законодатель рассматривает все вотчины и поместья – родовые, выслуженные и купленные – как единое целое, «недвижимы вещи», которые дворянин передает по наследству, но только одному из сыновей, старшему. Остальные должны были добывать хлеб своей службой и прочими занятиями. Тем самым царь хотел предотвратить дробление, измельчение имений дворян, их разорение.

Помимо того, что дворяне получали от царя, они присваивали, с его же благословения, земли на юге европейской России (набеги крымцев к тому времени ослабевают), в Поволжье и Заволжье. В ход идут насильственные захваты незаконные сделки на землю. По мере успехов в Северной войне появляется русское дворянское землевладение в Лифляндии и Карелии.

На смену старому делению дворян на чины думные (бояре, окольничие, думные дворяне, думные дьяки; все они заседали в Боярской думе – высшем совещательном органе при царе), столичные (стольники, спальники и т. д., вплоть до дворян московских) и провинциальные (дворяне и дети боярские по огородам», то есть по уездам) пришло новое чиновное деление, которое, по представлению Петра, должно исходить из принципа служебной выслуги, годности. При этом игнорировался принцип знатности происхождения, и судьба Меншикова, вознесенного царем к высшим степеням власти и богатства, – наглядное тому подтверждение. Когда при подборе кандидатов в гвардию его спросили о знатных, царь без обиняков определил:

– Знатное дворянство по годности считать.

Это показное пренебрежение к знатности выразилось и в том, что Петр мог возвысить способного слугу знатного дворянина, а последнего за неспособностью и ленью определить в солдаты. В то же время при нем служило и достигло высокого положения немалое число знатных дворян, из князей например. Возвышение «подлых» не могло оставить последних равнодушными. Тот же князь Б.И. Куракин, аристократ, один из потомков великого литовского князя Гедиминаса (как и Голицыны, Хованские и пр.), считает, что правление Петра – время «падения первых фамилий», при нем «имя князей было смертельно возненавидено и уничтожено». Несмотря на явное преувеличение, зерно истины в рассуждениях князя имеется.

Петровская Табель о рангах, обнародованная 24 января 1722 года, окончательно зафиксировала принцип чиновной, бюрократической выслуги. Новый закон Петра разделил службу на гражданскую и военную. Та и другая получили четырнадцать классов, или рангов, в распределении чинов. Низшими чинами (XIV класс) стали коллежский регистратор в учреждениях, прапорщик или корнет в армии и флоте, высшими (I класс) – канцлер и действительный тайный советник в учреждениях, генерал-адмирал, фельдмаршал и генералиссимус на флоте и в армии. Для получения чинов каждый соискатель должен был начинать службу с низшего ранга, проходить служебную лестницу постепенно, добиваясь желаемого рвением, тщанием в делах. В службу, согласно Табели, мог поступить всякий; получив чин VIII класса, он становился дворянином вместе со своими потомками. Но дворянское достоинство можно получить и по воле государя. Чины XIV–IX классов тоже давали дворянство, но только личное, непотомственное. Дети же дворян, выбившихся в таковые с получением чина VIII и более высокого класса, «в вечные времена лучшему старшему дворянству во всяких достоинствах... равно почтены быть, хотя б они и низкой породы были».

Когда в Сенате осуждался проект Табели, его члены в записке, поданной царю, выражали беспокойство: как же быть с «некоторыми персонами», которые остались «в древних чинах» (бояре, кравчие, окольные и т. д.)? Нужно бы им дать какие-нибудь чины из числа новых, то есть по Табели: «ежели ранги им не будут определены, то от подчиненных им будет не без противности». Петр оставил это мнение без ответа, то есть дал понять: пусть «древние чины» служат и зарабатывают новые согласно новому закону.

Новая система расширила количественно ряды шляхетства российского – прочной опоры феодального государства, власти самого императора. Новые дворяне получали земельные владения и крепостных крестьян, патенты на чины и награды.

Коренной перестройке подверг Петр все здание государственного управления, администрации. На смену Боярской думе сначала, с 1699 года, пришла Ближняя канцелярия из восьми доверенных лиц царя. Он назвал их «конзилией министров». Ближняя канцелярия является предшественницей Сената, учрежденного в 1711 году Петром «для отлучек наших» при отправлении в Прутский поход. Сенат осуществлял надзор за всеми

учреждениями и делами. В состав Сената вошли граф И.А. Мусин-Пушкин, Т.Н. Стрешнев, князь П.А. Голицын, князь М.В. Долгорукий, Г.А. Племянников, М.И. Самарин, В. Апүхтин, князь Г.И. Волконский, Н.П. Мельницкий, всего девять человек. Потом состав его менялся в зависимости от воли государя, от обстоятельств. Он имел власть судебную, административно-управленческую, иногда и законодательную. Сенаторы обсуждали дела и принимали решения коллегиально, скрепляли свои решения подписями. Делопроизводство вела Сенатская канцелярия во главе с обер-секретарем.

Тогда же, с 1711 года, вводятся должности фискалов центре (обер-фискал Сената, фискалы центральных учреждений) и на местах (губернские, городовые фискалы). Они осуществляли контроль за деятельностью всей администрации, выявляли факты несоблюдения, нарушения указов, казнокрадства, взяточничества, доносили о них Сенату и царю. Петр поощрял фискалов, освободил их от податей, подсудности местным властям, даже от ответственности за неправильный донос:

«Буде же фискал на кого и не докажет всего, то ему в вину не ставить».

Если донос подтверждался, то фискал получал половину штрафа с обвиняемого. В порядок ведения дел он не мог вмешиваться, только присутствовал, молча слушая, как вершатся дела в том или ином учреждении, соблюдая соответствующий пункт указа:

«Во всех тех делах фискалам надлежит только проведывать и доносить и при суде обличать, а самим ничем ни до кого, также и в дела, глас о себе имеющие, отнюд ни тайно, ни явно не касатца».

Связь с губерниями, образованными в 1708 году, Сенат осуществлял через губернских комиссаров:

«Со всех губерний, в вышеписаном суду (Сенате. – В.Б.) для спора и принимания указов быть по два комиссара с губернии».

Контроль за самим Сенатом с 1715 года осуществлял сенатский генерал-ревизор, или надзиратель указов, потом сенатский обер-секретарь; с начала 1721 года – штаб-офицеры гвардии; наконец, с января 1722 года, по новому указу Петра, – генерал-прокурор и обер-прокурор, его помощник; имелись прокуроры и во всех других учреждениях, подчинялись они генерал– и обер-прокурору, которых назначал обычно сам император. Генерал-прокурор контролировал всю работу Сената, его канцелярии, аппарата – не только правильность принятия решений, но и их исполнение. Незаконные, с его точки зрения,

постановления Сената он мог приостановить, опротестовать. Он сам и его помощник подчинялись только царю, подлежали его суду. Ему подчинялись все прокуроры (гласный надзор) и фискалы (тайный надзор) империи. Петр придавал основополагающее значение должности и роли генерал-прокурора:

«Сей чин, яко око наше и стряпчей о делах государственных».

Место старых приказов, как органов центрального управления, заняли коллегии. В 1720 году опубликовали Генеральный регламент коллегий, согласно которому присутствие каждой из них состояло из президента, ее главы, вице-президента, четырех-пяти советников, четырех ассессоров. В ее штат входили секретари, нотариус, переводчик, актуариус копиисты, регистраторы, канцеляристы. При коллегии имелся свой фискал, позднее – прокурор для надзора и контроля за прохождением дел. Члены коллегии должны были заседать ежедневно. Коллегии подчинялись Сенату, а им самим – местные учреждения.

Несколько десятков старых приказов были заменены коллегиями со строгим разделением функций. Например, вместо Посольского приказа создана Иностранная коллегия во главе с канцлером и вице-канцлером (граф Г.И. Головкин и барон П.П. Шафиров). Далее идут коллегии: Военная (фельдмаршал А.Д. Меншиков, генерал Д. Вейде), Адмиралтейская (граф Ф.М. Апраксин, вице-адмирал К. Крейс). Камер-коллегия (князь Д.И. Голицын), Юстиц-коллегия (тайный советник граф А.А. Матвеев), Ревизион-коллегия (кригс-комиссар князь Я.Ф. Долгорукий), Коммерц-коллегия (П.А. Толстой), Штатс-контор-коллегия (граф И.А. Мусин-Пушкин), Берг-мануфактур-коллегия (генерал-фельдцейхмейстер Я.В. Брюс).

Помимо четырех коллегий, ведавших иностранными, военными (армией и флотом – отдельно), судебными делами, группа коллегий занималась финансами (доходы – у Камер-коллегии, расходы – у Штатс-контор-коллегии, контроль за сбором и расходованием казенных средств – у Ревизион-коллегии), торговлей (Коммерц-коллегия), промышленностью, металлургической и легкой (Берг-мануфактур-коллегия, которую в 1722 году разделили на две: Берг– и Мануфактур-коллегии). Позднее к ним прибавилась Вотчинная коллегия.

В итоге – одиннадцать коллегий с четко определенными обязанностями, единообразными штатами. Действовали они по всей стране. Управление значительно упростилось (например, к Юстиц-коллегии отошли функции семи бывших Приказов). Дела в них велись совещательным порядком, решения принимались по большинству голосов.

К Коллегиям примыкало несколько учреждений, тоже, по существу, являвшихся таковыми. Таков, например, Синод (учрежден в 1721 году) – центральный орган управления

церковными делами и именами. После смерти в 1700 году патриарха Адриана Петр вместо выборов нового пошел на весьма любопытный и характерный для его взглядов и целей шаг – назначил митрополита Стефана Яворского «местоблюстителем» патриаршего престола. Затем издал 30 декабря 1701 года указ, который означал проведение важной церковной реформы. Он создает Монастырский приказ во главе со светским человеком – бывшим воеводой Астрахани Мусиным-Пушкиным, и это учреждение берет на учет все имущество черного и белого духовенства, распоряжается им. Каждому монаху, любого чина, выделяется на прокормление десять рублей денег и десять четвертей хлеба. А монастырские вотчины делят на две категории: с «определенных» доходы идут на нужды монастырей, с «заопределенных», управляемых служащими Монастырского приказа, – в казну. Тем самым Петр осуществляет частичную секуляризацию. Эти меры Петр отменил в 1721 году, но в то время, когда они проводились в жизнь, доход был казне немалый (один миллион рублей за первые десять лет), и, главное, была подорвана экономическая мощь и политические претензии Церкви.

Феофан Прокопович, один из церковных иерархов, помощник царя, пишет Духовный регламент с обоснованием необходимости заменить патриарха коллегиальным учреждением. Но церковные иерархи, собравшиеся на заседание в присутствии царя, стоят за то, чтобы выбрать патриарха. Петр извлек из кармана сочинение Прокоповича:

«Вы просите патриарха, – вот вам духовный патриарх!» Петр вынул из ножен кортик, хлопнул им по столу, закончил:

«А противомыслящим вот булатный патриарх!» Вопрос был решен в духе, угодном монарху, не склонному терпеть возле себя патриарха, который бы вмешивался в дела светские. Во главе Синода Петр поставил Стефана Яворского, человека престарелого, который через год умер; вице-президентом новой коллегии, на этот раз духовной, стал его верный Прокопович, написавший в Духовном регламенте о том, чтобы иерархам «в мирские дела и обряды не входить ни для чего». Главную же руководящую роль в Синоде играл обер-прокурор, лицо светское, подчиненное царю. Петр, таким образом, полностью подчинил Церковь своей власти.

Особой коллегией стал и Главный магистрат – центральное учреждение для управления городами. Учредил его Петр в 1721 году с целью, как он объявил, «всего российского купечества рассыпанную хранину паки собрать». На местах ему подчинялись городские магистраты. Они пришли на смену Ратуше и земским избам, деятельность которых давно заглохла. Задача новых учреждений – исполнение административно-полицейских функций в городах, защита интересов купечества, помощь в развитии мануфактур. Членов городских магистратов полностью избирали горожане. Часть членов Главного магистрата тоже состояла из выборных членов (из «первостатейных, добрых, прожиточных людей», есть лиц богатых и достойных доверия властей).

Политическим сыском по-прежнему занимался Преображенский приказ. Он сохранил свои функции и название, и в его дела не могли вмешиваться ни Сенат, ни Юстиц-коллегия. Он выявлял и жестоко карал всякую крамолу – умысел на жизнь и честь монарха, «хулительные слова» против него, всякие «непристойные и подозрительные сходбища и собрания».

Коллегиальная система значительно отличается в лучшую сторону от старой приказной, несмотря на последующие переделки: Ревизион-коллегия слилась, как контрольный орган, с Сенатом; бывший Поместный приказ, ведавший дворянскими землями и подчиненный Юстиц-коллегии, выделился в особую Вотчинную коллегия. Кроме того, рядом с коллегиями существовали или подчинялись им новоустроенные конторы, канцелярии, главные управления. Петр, по меткому замечанию Ключевского, «не мог сладить с наследственной привычкой к административным боковушам, клетям и подклетям, какие любили вводить в свое управление старые московские государственные строители, подражая частному домостроительству». Так, к примеру, наряду с Воинской коллегией существовали Главная провиантская и Артиллерийская канцелярии, Главный комиссариат, занимавшийся вопросами комплектования и обмундирования армии.

Перестройку местных учреждений Петр начал до того, как взялся за центральные. Мощные народные восстания начала столетия выявили слабость, ненадежность власти в городах и уездах – воеводской администрации и городского самоуправления. По реформе 1707–1710 годов Петр разделил страну на восемь губерний: Московскую, Ингерманландскую (позднее – Петербургскую), Киевскую, Смоленскую, Казанскую, Азовскую, Архангелогородскую и Сибирскую. Потом к ним добавили Воронежскую. Каждую из них возглавлял губернатор, в руках которого находилась вся полнота власти – административной, полицейской, судебной, финансовой. Реформа нанесла сильный удар, с одной стороны, по системе приказов, так как многие их функции перешли к губернской власти; с другой – по органам городского самоуправления: Ратуша и земские избы лишались своих фискальных и полицейских функций. Власть Ратуши сохранилась только в московской губернии (единственной, не занимавшей пограничное положение). В городах снова появились воеводы (вместо органов самоуправления). Сохранили и старые уезды.

В помощь губернатору придали чиновников, руководивших отдельными отраслями. Это – ландрихтер (занимался судебными делами), обер-провиантмейстер и провиантмейстеры (сбор хлеба и прочего), различные комиссары. Далее в 1713 году (указом 24 апреля) при губернаторе устроили коллегия из ландратов (от восьми до двенадцати человек) из мелких дворян (их назначал Сенат из двойного числа кандидатов, которых назовет губернатор). Хозяин губернии должен был решать все дела вместе с этим «консилиумом» большинством голосов и быть «не яко властитель, но яко президент». Позднее, по указу Петра 20 января следующего года ландратов стали выбирать дворяне данной губернии. Правда, новшество это не привилось, Сенат по-прежнему назначал ландратов, и они так и остались полностью зависимыми от губернаторов и Сената.

Через десяток лет, в 1719 году, Петр возвращается к проблеме местной администрации. Его, видно, смущало то обстоятельство, что созданные им губернии слишком обширны по размерам. По новому указу страну разделили на провинции (числом в пятьдесят) во главе с воеводами, которые должны были «во всем царского величества интерес и государственную пользу тщательно остерегать». В управлении провинцией им помогали чиновники: камерир (сбор прямых и косвенных налогов), рентмейстер (глава казначейства, хранитель денег) с их штатами, канцелярии: рекрутских дел, вальдмейстерская, провиантмейстерская и прочие.

Губернии сохранились, но, во-первых, их число увеличилось до одиннадцати; во-вторых, в руках губернаторов оставили только военные и судебные дела, по которым им подчинялись воеводы провинций; но последние были самостоятельными по части финансовой, полицейской, хозяйственной, подчиняясь здесь непосредственно коллегиям. В плане территориальном губернатору подчинялась только провинция губернского города.

При провинциальном воеводе состояли земская канцелярия, земский камерир с земской конторой (сбор казенных доходов), рентмейстер с рентереей (место хранения этих доходов – казначейство), провиантмейстер.

Провинции делились на дистрикты во главе с земскими комиссарами, которые ведали сыском беглых, сбором податей, обеспечением войск провиантом и квартирами, другими делами.

И без того сложную и запутанную систему местных учреждений дополнили новые судебные места. Указом 8 января 1719 года Петр основал девять гофгерихтов, или надворных судов, потом добавил еще два, итого – одиннадцать, по числу губерний (в некоторых из них подобных судов не было, в других имелось по два). На местах появились нижние суды: в наиболее крупных городах – провинциальные суды во главе с оберландрихтерами, с несколькими ассессорами, коллегияльные и городовые, или земские, суды – в небольших городах с уездами, они были единоличными, не коллегияльными.

Во главе надворных судов назначили в большинстве случаев губернаторов, вице-губернаторов, воевод (в семь из одиннадцати), с 1721 года это становится правилом. А в следующем году нижние суды упразднили совсем, их функции передали провинциальным воеводам – единолично или вместе с ассессорами.

Кроме перечисленных выше, на местах одно время, с начала 20-х годов, появились военные учреждения – переписные канцелярии и полковые дворы во главе с генералами и офицерами. Они, в связи с проводившейся переписью населения, податной реформой и окончанием Северной войны, должны были проверить качество переписи, ее итоги и, в соответствии с ними, устроить на местах полки, возвращавшиеся с театра военных действий. В конечном счете образовались два параллельных ряда учреждений, занимавшихся одними и теми же вопросами (учет налогоплательщиков, сбор податей и т. д.).

Вся эта громоздкая система местных властей сильно усложнила управление. Она постепенно упрощается. Например, исчезают нижние суды; а после кончины Петра – переписные канцелярии и полковые дворы.

В значительной степени все реформы Петра – экономические, финансовые, административные, судебные, помимо общего, стратегического замысла – перестройки жизни государства на новых началах, приближения России к общеевропейскому уровню, имели своей целью реорганизацию вооруженных сил, создание регулярной армии, заведение собственного флота, повышение их боеспособности. А для этого нужны были новые люди – солдаты и матросы, офицеры и генералы, адмиралы, – наконец, деньги. И Петр делал все, чтобы решить эти бесконечные проблемы.

После Гангутской победы, которая ошеломила Европу, как и Полтава, война все же не прекратилась. Более того, она продолжалась еще семь долгих лет. Последовали захват флотом и войсками Петра Аландских островов около берегов Швеции, затем, в сентябре 1714 года, экспедиция русского военного отряда на побережье самого королевства.

Новые поражения Карла XII, военные действия на территории его собственной страны, казалось бы, говорили сами за себя, предопределяли судьбу Швеции, необходимость заключения мира с Россией. Петр на это и надеялся. Но «троевременная школа», как он потом назовет Северную войну, продолжалась – к этому времени закончились только два ее курса (по семь лет), оставался еще один, последний. После всех успехов России пришлось вести и военные действия, и сложную дипломатическую игру. Причиной тому – не только нелепое упрямство Карла XII, поставившего Швецию на грань национальной катастрофы, но и внешнеполитическая обстановка в Европе – окончание войны за испанское наследство, «английское преобладание» в европейских и мировых делах. Переход к Англии Гибралтара и острова Минорки, разрушение французского Дюнкерка, привилегии в Северной и Южной (благодаря договору с Португалией) Америке (в том числе право работоторговли) привели к господству флота и торговли Великобритании не только в Средиземном и Северном морях, но и в ключевых районах Мирового океана. Стремление ко всемирной морской и торговой

экспансии, гегемонии не могло не столкнуться Англию с другими государствами. В районе Балтики это была Россия с ее быстро растущим военным, в том числе морским, могуществом.

Появление войск Петра в шведской Померании, а его победоносного флота на Балтийском море сильно обеспокоило морские державы Европы. Но и заставило считаться с собой. Влияние России в Европе усиливалось на глазах, и этому старались помешать разными путями. В начале 1713 года, например, английский двор планирует направить к берегам Померании эскадру из пятнадцати кораблей. Приглашает Голландию принять участие в экспедиции, чтобы оказать давление на Петра. Но та отказывается, и проект приходится отложить. В ход идут дипломатические маневры: английские и другие посредники настойчиво предлагают свои услуги, требуют от царя, чтобы он заключил мир со Швецией и отдал ей все завоеванные земли, исключая лишь Петербург. Петр отвергает, естественно, их домогательства, соглашается лишь на «добрые услуги» посредников, то есть на исполнение ими функции передаточной инстанции в переговорах со Швецией. К тому же Голландия снова не проявляет склонности к подобным антирусским махинациям.

Война продолжается. Шведский король идет на крайние меры, чтобы оттянуть неизбежный конец. «Каперский устав», им изданный, открыто провозглашает право на разбои в море, поддерживает пиратство. В том же 1714 году на Балтике шведы захватывают все торговые суда, в том числе двадцать четыре английских, весной следующего года – тридцать судов под британским флагом. Разгорается конфликт между Англией и Швецией. И наоборот, происходит сближение интересов Англии и России. В этот процесс включается Ганновер, курфюрст которого Георг I становится английским королем после кончины королевы Анны (август 1714 года). Семнадцатого октября 1715 года в Грейфсвальде Петр заключает с королем договор, согласно которому Петр обязуется содействовать ему в приобретении Бремена и Вердена из числа шведских владений в Германии, а Ганновер не возражает против присоединения к России земель в Восточной Прибалтике, объявляет войну Швеции и направляет шеститысячный корпус в Померанию. Северный союз, таким образом, расширяется. Дело идет к заключению союза между Англией и Россией о совместных военных действиях против Швеции. Переговоры об этом ведет в Лондоне Б.И. Куракин, один из лучших петровских дипломатов.

В 1716 году Петр встречается с королями Польши, Пруссии и Дании, герцогом Мекленбурга. В мае во время встречи с датским монархом в Гамбурге Петру удалось достичь соглашения о совместной высадке десанта в Сконе – южной провинции Швеции.

Но неожиданно осложняются отношения с Англией. Английский министр Тоунсенд, обещавший передать письменное предложение о военном союзе, потребовал в марте подписать только торговый договор. Куракин не согласился это сделать без указания Петра. Причиной такого поворота стало так называемое Мекленбургское дело. Его суть в том, что герцог Мекленбурга, разведшийся с первой женой, женился вторым браком на племяннице

Петра Екатерине Ивановне, дочери его покойного брата – соправителя Ивана V Алексеевича. По брачному договору (22 января 1716 года) Петр обещает герцогу передать города Висмар и Варнемюнде, из тех же шведских владений. А 8 апреля, в день брачной церемонии, заключается союзный договор между Россией и Мекленбургом. Петр обещает военную помощь своему зятю, поддержку от внутренней оппозиции. По существу, Мекленбург становится в отношении протектората к России.

Эти, по словам Ключевского, «мекленбургские пустяки» усложнили отношения России с некоторыми европейскими государствами.

Петр организует новый поход. Цель экспедиции – принудить Швецию к миру. Он не хотел никаких земель ни в Германии, ни в Швеции. Все территории, которые удалось отвоевать у шведов по южному побережью Балтики русским войскам или с их участием, Петр согласился передать союзникам – Дании, Ганноверу, Саксонии и Пруссии, обещал кое-что и Мекленбургу.

В Северной Германии Петр собрал пятидесятитысячную русскую армию для предстоящей операции на юге Швеции. На рейде Копенгагена появился русский флот – двадцать два корабля, в том числе четырнадцать крупных, линейных. Здесь же находились флоты Дании, Англии и Голландии, и Петр – не только адмирал, но и монарх – возглавил объединенную эскадру, очень внушительную – восемьдесят один корабль. Пятого августа флот вышел в море, сопровождая четыреста торговых судов. Дошел до острова Борнхольм и вскоре вернулся обратно, поскольку шведские корабли укрылись в своих гаванях. Десятидневная морская демонстрация во главе с русским царем-флотоводцем произвела впечатление, но на исход Северной войны никак не повлияла. Десант не высадили, поскольку русские войска по-прежнему томились в бездействии в Мекленбурге и других местах. В конце августа началась их транспортировка в Копенгаген, но проходила она крайне медленно, с преднамеренными со стороны датчан задержками. Наступила осень с холодами и штормами, и 17 сентября Петр заявил датскому королю, что откладывает десант на следующий год, поскольку не хочет рисковать своими отборными полками. В ответ посыпались обвинения в «предательстве», намерениях захватить Копенгаген, заключить мир с Карлом XII и прочих замыслах. В ответ царь начинает вывод войск из Дании в Росток, ведет переговоры о десанте в Сконе в следующем году, говорит о готовности отвести полки из Мекленбурга; словом, проявляет крайнюю сдержанность и лояльность. Обвинения Англии и союзников в связи с Мекленбургом и пр. были, конечно, только предлогом; истинная причина их заявлений и акций – беспокойство по поводу роста могущества и влияния России на Балтике, в европейских делах, боязнь превращения Балтийского моря в «русское озеро». Более того, Англия, опираясь на Ганновер и другие государства, стремилась к господству на Балтике, к тому, чтобы иметь здесь такие же опорные пункты, как в Средиземноморье (наподобие, например, Гибралтара). Отсюда идут выпады Георга I и Фредерика IV, их влиятельных министров, советников в адрес Петра, попытки ослабить влияние России в Северной Европе, разрушить Северный союз.

Но, несмотря на некоторые неудачи и просчеты в делах дипломатических, Петр мог быть доволен ходом дел – не претендуя ни в коей мере на германские города и земли, он соглашался на их включение в состав владений Ганновера и прочих государств-союзников; тем самым последние должны будут заботиться о сохранении за собой новых приобретений, сделанных при решающей помощи русского царя, и поддерживать его завоевания в Восточной Прибалтике.

История с десантом, явные проволочки союзников, с одной стороны, раздражали Петра, как он признается в письме Апраксину:

– Бог ведает, какое мучение с ними. Сущее надобное время пропускают, будто чужое дело делают.

– Но с другой стороны, испытывает удовлетворение:

– Такой чести повелевать флотами чужестранных народов и своим вместе едва ли кто на свете удостоивался. Я с удовольствием вспоминаю доверенность тех держав.

Правда, объединенный флот производил у берегов Швеции только маневры и салюты. По шведским кораблям, которые заблаговременно попрятались, как мыши в норы, не сделали ни одного выстрела. Но приятным был сам факт совместной демонстрации, во время которой русская эскадра 28 сентября торжественно отметила победу под Лесной, а английская вместе с ней палила из орудий, «поздравляя воспоминанием сей виктории» (так описывает русский походный журнал события того дня).

Петра смущают и возмущают бесконечные проволочки, и его нетерпение и непоседливость приводят к возникновению ситуаций порой весьма любопытных. Однажды, находясь еще в Дании, он, как обычно, встал рано поутру. В восемь часов придворные датского короля услышали просьбу посланца царя о встрече. Ему сообщили, что король еще почивает. Два часа спустя в ответ на повторную просьбу сообщили, что Фредерик встал, но в спальню к нему никто еще не посмел войти. Еще через час: король одевается. Петр теряет терпение. Наконец к нему приходит сам король и слышит от него:

– Мой брат, дела не могут идти хорошо таким образом. Каждый день у нас есть много важного, что мы должны сообщить друг другу. Между тем к Вашему величеству не всегда можно иметь доступ. У меня также есть свои дела. Условимся раз и навсегда иметь

определенный час и день, в который мы можем видеться, когда нам будет что сказать друг другу.

Смущенный король согласился с доводами русского царя, но просил утренние часы для свиданий все же не занимать.

Свидания и разговоры делу не очень-то помогли. Экспедицию в Швецию пришлось отложить.

Из Дании Петр едет в Голландию – может быть, здесь удастся заручиться поддержкой генеральных штатов, чтобы наконец закончить войну? Снова он приехал туда инкогнито. Но его опять быстро узнали. Как и в первый приезд, царь осматривает верфи и мануфактуры, корабли и мастерские. Покупает картины голландских живописцев. Побывал и в том доме, в котором проживал когда-то, во время «великого посольства». Его встретила та же радушная хозяйка:

– Добро пожаловать, мастер Питер!

– Откуда ты меня знаешь?

– Я жена мастера Поля, и Вы часто обедали у меня в доме.

Обрадованный царь обнял женщину, теперь уже вдову того корабельного мастера, который его обучал и вручал аттестат, удостоверявший, что он достиг высокого искусства в корабельном деле. Но не все сопровождалось такими приятными встречами и разговорами. Трактирщик, хозяин заведения не самого лучшего, за ночевку и очень скромный ужин запросил огромные деньги – сто червонных, и царь, отличавшийся в личных тратах скупостью, возмутился:

– За что ты требуешь столь великую сумму?

– Сто червонцев – великая сумма! Я бы заплатил тысячу червонных, если бы я был русским царем.

Пришлось раскошелиться. Царь встречался с моряками и плотниками, вел себя, как прежде, очень просто, проявлял интерес к различным ремеслам, совершал прогулки по морю. Царя узнавали и не узнавали – он был тот же по своей любознательности и доступности, но вырос во всех отношениях, не только по числу прожитых лет. Два десятилетия отделяли его от первого знакомства с Европой, и голландцы увидели теперь не юношу-царя, стеснительного и неопытного, а зрелого и уверенного в себе правителя, полководца и флотоводца, корабельного мастера и знатока многих других специальностей. «Будем говорить как плотники», – предложил он голландским мастерам, которые затруднялись в выборе нужных слов во время бесед с правителем, давно ставшим знаменитостью во всех отношениях.

Побывал Петр и во Франции. Двадцать седьмого апреля 1717 года он прибывает в Дюнкирхен, знакомится с портом и шлюзами, фортами и магазинами. Торжественные обеды и фейерверки, концерты и иллюминации его не очень интересуют, как и обильные яства; старания знатных лиц на сей счет нередко пропадают даром. Когда ему сообщают о подобных приготовлениях, он отвечает:

– Я солдат и когда найду хлеб да воду, то я буду доволен.

В Париже царю отвели богатые покои в Лувре, приготовили роскошный стол на восемьсот блюд. Он же, попробовав вино и откусив кусочек бисквита, попросил для ночлега место попроще. В отеле Ледигьер, куда его поместили, он приказал поставить свою походную постель, хранившуюся в его фургоне, причем не в спальне, а в гардеробной. Здесь ждал официального визита; скучал, писал своей «Екатеринушке»:

«Два или три дня принужден в доме быть для визит и протчей церемонии и для того еще ничего не видел здесь; а с завтрае или послезавтрае начну всего смотреть. А сколько дорогою видели – бедность в людях подлых великая».

В поездке Петра сопровождает один из королевских придворных. Он описывает его внешность:

«Царь очень велик ростом, несколько сутуловат и имеет привычку держать голову немного вниз. Он смугл, и в выражении лица его есть что-то суровое».

По его же словам, русский царь очень рано встает, обедает уже около десяти часов, ужинает около семи, еще до девяти вечера удаляется на покой. Перед обедом выпивает водки, пива или вина, любит черный хлеб (для него специально пекли), горошек, фрукты – апельсины,

яблоки, груши. В столице он ходит в простом, очень скромном платье из сукна, к широкому поясу прикреплена сабля; парик носит без пудры, рубашку – без манжет.

Вскоре начались визиты и приемы. Дипломатические переговоры происходят в строжайшей тайне. С русской стороны их вели Куракин и Шафиров. Петр несколько раз встречается, тоже конфиденциально, с герцогом Орлеанским – регентом семилетнего короля Людовика XV. Последний нанес ему визит, и царь, невзирая на условности церемониала, разработанные королевским советом, встретил его у кареты, подхватил на руки и поцеловал, добавив при этом:

– Это не поцелуй Иуды.

Супруге же сообщил:

«Объявляю Вам, что в прошлый понедельник визитировал меня здешний каралища, который пальца на два более Луки нашего (карлик, сопровождавший Петра. – В.Б.), дитя зело изрядное и станом и по возрасту своему довольно разумен, которому семь лет».

В июне Петр встречается с Делилем, знаменитым географом, и другими известными учеными. Интересуется предметами их занятий, постановкой преподавания. Посещает коллеж четырех наций, заседание Академии наук. Много увидел и запомнил: и глазную операцию, после которой обрел зрение шестидесятипятилетний человек, имевший катаракту, и машины для подъема воды, и географические карты, и рисунки для истории искусств, и многое другое. Собеседники поразились его знаниям и дарованиям. Делиль расспрашивает царя о Каспийском и Азовском морях. Впоследствии эти разговоры весьма пригодились Петру для организации картографических и прочих экспедиций. Монетный двор и гобеленовая мануфактура, королевские дворцы и парки, арсеналы и аптеки, пруды и фонтаны – все привлекает его внимание, все он запоминает, чтобы потом, в России, завести то, что в ней отсутствует. Его записные книжки заполняются заметками. Он приглашает на работу в Россию специалистов, нанимает их – но не тысячу с лишним, как в конце предыдущего столетия, а пятьдесят, и не офицеров прежде всего (своих уже много!), а ученых и архитекторов, художников и скульпторов, ювелиров и прочих.

Французов, особенно придворных, поражает, что российский монарх не склонен к развлечениям и забавам, театрам и куртуазным похождениям (красавиц аристократок, пытавшихся обратить на себя его внимание, он, по существу, не замечал), охоте и прочему, пренебрегает зачастую этикетом, но с удовольствием беседует с простолюдинами. Так, он побывал в Доме инвалидов, поговорил с отставными солдатами, которых называл своими «товарищами», поел и выпил с ними за их общим столом.

Отзывы о нем противоречивы. Аббат Дюбуа, споривший с его дипломатами за столом переговоров в Париже, не скрывал свое отрицательное к нему отношение:

– Царь всего лишь сумасброд, пригодный самое большее на то, чтобы быть боцманом на голландском корабле.

Лувиль другого мнения:

– У нас во Франции нет ни одного человека, столь искусного в морском и военном деле, в фортификациях... Его вопросы ученым и художникам доказывают его просвещенность и вызывают восхищение проницательностью широкого ума.

В Реймсе священники из собора показали ему старинный требник – молитвенник. Пояснили, что написан он старинными письменами, никому не ведомыми. Царь взял его в руки, и потрясенные служители услышали, как он свободно читает тексты – рукопись оказалась древнерусским Евангелием, которое привезла с собой в XI веке дочь Ярослава Мудрого Анна, ставшая королевой Франции, женой ее короля, человека неграмотного, как и большинство его соотечественников. Франция в те времена была отсталой и малокультурной страной в сравнении с Киевской Русью.

В Сен– Сире русский царь навестил госпожу Ментенон, знаменитую фаворитку Людовика XIV. В ее затененной комнате он отодвинул шторы, чтобы лучше ее разглядеть. Спросил:

– Чем Вы больны?

– Старостью.

– Сей болезни все мы подвержены, если будем долго жить.

Смотры гвардии и полевых полков, устроенные в его честь, не произвели на него впечатления:

– Я видел нарядных кукол, а не солдат. Они ружьем финтуют, а в марше только танцуют.

Общий его вывод от парижских наблюдений отличается двойственностью:

– Жалею, что домашние обстоятельства принуждают меня так скоро оставить то место, где науки и искусства цветут, и жалею притом, что город сей рано или поздно от роскоши и необузданности претерпит великий вред, а от смрада вымрет.

Из столицы Петр едет в Спа, на воды. Между тем дипломаты продолжали переговоры, и 4 августа в Амстердаме состоялось подписание договора: Франция берет на себя посредничество в переговорах между Россией и Швецией, обещает не выплачивать последней субсидии и оказывать любую другую помощь, признать в будущем право России на земли, завоеванные ею в Восточной Прибалтике. В октябре 1717 года, после более полуторагодового пребывания за границей, царь возвращается в Россию.

Петр оставил неплохую память о себе во Франции. Во время его пребывания там зародилась идея женитьбы Людовика XV на младшей дочери царя Елизавете, как известно, не осуществившаяся.

Сен-Симон, знаменитый герцог-мемуарист, человек очень тонкий и завзятый скептик, отдает должное знаменитому русскому гостю:

«Все в нем показывает широту его познаний и нечто неизменно последовательное. Он соединил в себе совершенно удивительным образом величие самое большое, самое гордое, самое мягкое, самое постоянное и вместе с тем ничуть не стесняющее, после того как он его утвердил со всей уверенностью, с вежливостью, в которой чувствуется это величие всегда и со всеми. Он хозяин повсюду, но это имеет степени, сообразно с людьми. Такова слава, оставленная им по себе во Франции, где на него смотрели как на чудо и где продолжают им восторгаться».

Война продолжалась, а обстановку, сложившуюся на севере Европы, назвать легкой было нельзя. Англо-ганноверские дипломаты интригуют против Петра, натравливают на него Данию и Пруссию. Георг ставит вопрос, чтобы три монарха, объединив свои армии, изгнали русских из Мекленбурга. Но Фредерик и Фридрих Вильгельм наотрез отказались – перспектива оказаться лицом к лицу со шведским королем, без помощи Петра, их не устраивает. Прусский король, наоборот, просит царя вдвое увеличить его полки расквартированные в Мекленбурге, ему страшно потерять только что полученный Штеттин с округой. Тогда дипломаты Георга предлагают союз... Карлу XII, но тот, подзуживаемый

голштинцем Герцем (авантюрист в стиле Паткуля), затевает очередную авантюру – планирует высадить весной 1717 года десяти тысячный шведский корпус в Шотландии, чтобы, объединившись с якобитами, свергнуть протестанта Георга I и посадить на престол Якова III Стюарта; король, как он надеется, поможет ему в борьбе с Петром, и возродится сила и величие Швеции. Карл, в который уже раз, помог Петру своим безрассудством.

Царь не скрывает радости:

– Ныне не правда ль моя, что всегда я за здоровье начинателя пил? Ибо сего никакою ценою не купишь, что сам сделал.

Петр, несмотря на негативное отношение к нему английского двора, использует конфликтную ситуацию, проводит дипломатические акции – он, невзирая на фактический паралич, охвативший Северный союз из-за происков Англии, стремившейся к гегемонии на Балтике, не опускает руки. Лояльно и осторожно ведет себя с союзниками. Во время встречи Петра с прусским королем в Гевельберге обе стороны подтверждают прежнее соглашение о союзе, договариваются о взаимных гарантиях на территории, отвоеванные у шведов, о взаимной помощи; кроме того, прусский монарх обещает возобновить договор о дружбе с Мекленбургом.

С 1716 года начинаются контакты России со Швецией на предмет заключения мира. С представителями Карла несколько раз встречается все тот же Куракин, которому Петр часто дает самые сложные и ответственные дипломатические поручения. Продолжаются они и в следующем году. В конце ноября царь по предложению короля посылает в Або своих представителей для переговоров. Ими стали Я.В. Брюс, обрусевший шотландец, выдающийся ученый, участник многих петровских военных предприятий (под Полтавой очень успешно командовал артиллерией), и А.И. Остерман, выходец из Вестфалии, опытный дипломат. В инструкции первому из них (от 5 января 1718 года) царь заботится о том, чтобы не обидеть союзников, хотя они своими действиями, по существу, привели Северный союз к развалу. Брюс должен был довести до них сведения о миссии русских дипломатов – участников переговоров в Або:

«Вам велено только выслушать шведские предложения: не вступая ни в какие договоры; мы эти предложения сообщим союзникам и без их согласия ни в какие прямые контакты не вступим».

В связи с начинавшимися переговорами в 1716 году Шафиров написал, с согласия и по поручению Петра, «Рассуждение» о причинах и целях войны России со Швецией. Его перевели и издали за рубежом. Европа узнала из этого сочинения, что царь планирует

оставить в вечном владении за Россией Ингрию, Лифляндию, Эстляндию с Ревелем, Карелию с Выборгом; Финляндию же – вернуть Швеции. Далее, должны быть учтены интересы союзников – Польши и Пруссии, Дании и Ганновера.

В инструкции своим представителям Петр рекомендует проявлять гибкость и терпимость по отношению к шведам, которые в обмен на территориальные потери в Восточной Прибалтике могут получить возмещение «на другой стороне». Предлагая «как можно скорее заключить договор», он в то же время указывает:

– Мы с ними миру желаем, но и войны не боимся.

Подчеркивает при этом:

– Что бы они предлагать нам ни стали... а конгресс не разрывайте ни за что.

Двенадцатого мая 1718 года открылся Аландский конгресс. На скалистом острове Сундшер, одном из тех, что входят в Аландский архипелаг, русские и шведские дипломаты обменялись первыми фразами:

– Его царское величество желает удержать все, им завоеванное.

– Король желает возвращения всего, у него взятого.

После декларации перешли к конкретному рассмотрению условий. Каждый шаг дипломатов санкционировали оба монарха, внимательно следившие за ходом переговоров.

Герц выдвинул невыгодные для России условия. Его проект нашел, как это ни странно, сочувствие и поддержку Остермана. Его «негоциация» с главным уполномоченным короля могла завести весьма далеко. К советам Остермана пойти на уступки Швеции прислушивался Шафиров. Головкин, глава внешнеполитического ведомства, не очень разбирался в витиеватых и малопонятных донесениях Остермана, который, по словам Ключевского, «начинал говорить так загадочно, что переставал понимать сам себя». Царь Петр, питавший слабость к немцам с университетским образованием (Остерман учился в Иенском), получал информацию о переговорах по кратким донесениям, но не знал о тайной переписке двух своих дипломатов. Однако решения в конце концов принимал он сам. Царь

отнюдь не собирался заключать мир без согласия союзников, о чем сказал еще до начала переговоров. Проект же мирного договора с Карлом должен был его расчитать, воздействовать на союзников в правильном направлении; или вместе с Россией заставить Швецию принять выгодные для участников Северного союза условия мира, или вступить с ней в войну за шведские территории в Северной Германии, но уже без России. Существо проекта Герца его не смущало – царь попросту не придавал ему никакого значения. Он был нужен ему для дипломатического лавирования.

Но на этот раз Карл не помог Петру, а помещал. Хотя переговоры завершились как будто благополучно, и в сентябре 1718 года Петр отмечает:

– Мы трудимся неусыпно, о чем есть у нас и надежда. Переговоры шли долго и трудно. Возникло непредвиденное и неожиданное обстоятельство – шведский король погиб в Норвегии при осаде Фридрихсгаля. Сразу все изменилось: королева Ульрика-Элеонора, сестра покойного короля, отзывает шведских представителей с переговоров. Только в мае 1719 года на переговорах появляется новый уполномоченный, Лилиенштедт, который тянет время. А королева отказывается от территориальных уступок России, требует от нее вернуть Финляндию, Эстляндию и Лифляндию.

Петр посылает Остермана в Стокгольм, и королева получает предупреждение царя: Россия будет добиваться мира с помощью оружия, поскольку дипломаты не сумели достичь его на переговорах.

Шведы не уходят с Аландского конгресса, но и договариваться о мире не хотят. Проанглийски настроенный шведский двор надеется добиться принятия своего предложения Продолжением войны с Россией. Петр, который три года назад говорил: «С помощью Божиею такую ныне войну имеем, о которой едва слышим, где она есть, и якобы во Индии делалась», теперь разрабатывает смелый план и во главе флота идет к берегам Швеции, высаживает десант. Военные отряды шведов спешно отступают в глубь страны, а русские войска действуют в прибрежных районах, разоряют их, прежде всего заводы; в окрестностях шведской столицы появляются казачьи разъезды. В августе Петр по просьбе противной стороны приказывает прекратить военные действия, чтобы на Аландах дипломаты продолжили встречи. Но переговоры снова не дают результатов, и конгресс в сентябре прерывает работу.

В этом же месяце становится известно о заключении союзного договора между Англией и Швецией, в Балтийском море появляется английская эскадра Норриса. Однако давление, шантаж и угрозы не дали того, на что рассчитывали новые союзники. Петр, не желая открытого столкновения с Англией, укрыл свой флот в гавани под защиту орудий. Не побиравшись он уступать и нажиму:

– Мы ни на какие угрозы не посмотрим и неполезного миру не учиним, но, что б ни было, будем продолжать войну.

Враждебная позиция сильнейшей морской державы не смутила Россию – так выросла ее мощь, экономическая и военная. Эскадра Норриса, имевшая целью уничтожить русский флот, ни с чем вернулась осенью к родным берегам. Весной 1720 года она снова появилась на Балтике, усиленная дополнительными кораблями. Но, несмотря на это, русские десанты снова высаживаются в Швеции и действуют по ее восточному побережью. Петр извещает о том своего посла Куракина:

«Правда, хотя не гораздо великой неприятелю убыток учинен, только то, слава Богу, сделано, что перед глазами помощников их (англичан с эскадры Норриса. – В.Б.), чему препятствовать ничем не могли».

А в конце июля того же года русская эскадра наголову разгромила превосходные по численности морские силы Швеции при Гренгаме. Русские галеры во время сражения атаковали гораздо более мощно вооруженные фрегаты противника, четыре из них захватили, причем, по словам Петра, едва взяты абордажами на полном ходу». Норрис ничем не мог помешать русским и помочь союзнику. Правда, у Ревеля, где он стоял со своими и шведскими кораблями, сжег избу и баню для работных людей на острове Наргене. Петр по этому поводу с юмором писал Куракину, советуя тому поместить в газетах Западной Европы сообщения о сей великой победе. Сам царь получил о том же письмо от Меншикова с шутивным утешением:

«В созжени избы не извольте печалиться, но уступите добычу сию им на раздел, а именно: баню шведскому, а избу английскому флотам».

На Балтике происки английского кабинета успеха не имели. Не срабатывала «система Стэнгопа» – главы правительства, которое надеялось утвердить гегемонию Англии на Средиземноморье и Балтике. Правда, в союз с ней вступили Франция, Австрия, Голландия (Четверной союз). Направлен он был против Испании, а после заключения англо-шведского союза и против России. Особо антирусскую позицию в том Четверном союзе занимала Австрия. Франция не была склонна во всем поддерживать Англию на Балтике. Голландия, в силу своих торговых интересов, придерживалась нейтралитета. Против России в сговоре с Австрией и Ганновером выступил Август II как саксонский курфюрст – он не мог простить Петру удаления своих саксонских войск из Речи Посполитой в 1717 году.

Пятого января 1719 года появляется на свет договор о взаимной помощи и союзе между Австрией, Ганновером и Саксонией (Венский союз). Они согласились в том, чтобы совместными усилиями препятствовать попыткам Петра занять Польшу (Петр и не имел такого плана), проводить через ее земли свои войска в Германию. Георг I, подписавший трактат, как ганноверский курфюрст, обещал, уже в качестве короля английского, что его флот на Балтике окажет содействие союзникам против России. Наконец, они выработали... условия мира между Швецией и Россией: царю оставить Петербург, остров Котлин и Нарву; если же не захочет, то отобрать у него Эстляндию и Лифляндию, а Речи Посполитой отдать Киев и Смоленск.

Венский договор реального значения не получил. В Польше опасались, что Август II и его саксонцы разделят польское государство. Участники трактата не могли не принимать во внимание, что Россия из года в год одерживала победы и на Балтийском море, и на севере Германии, и на шведской территории, вплоть до окрестностей Стокгольма. Военные действия на русской территории со времен Лесной и Полтавы ушли в прошлое.

Могущество России не позволяло поколебать ее позиции даже сильнейшим европейским державам. Но успехи отнюдь не кружат голову царю. Это еще раз показал рецидив с пресловутым мекленбургским делом. В феврале 1719 года войска Ганновера и Вольфенбюттельского княжества заняли Мекленбург по решению императора Священной Римской империи, который внял совету Георга I. Под предлогом улаживания конфликта между Карлом Леопольдом, герцогом Мекленбургским, и его дворянами управление государством взяли под секвестр. Герцогиня, племянница Петра Екатерина Ивановна, прибыла в Петербург и в слезах просила дядю о помощи. Но царь уклонился от вмешательства, здраво рассудив, что оно столкнет его с ведущими государствами Европы. Уступка Петра в Мекленбургском деле не означала, что он также пойдет на попятную в переговорах со Швецией. В первом случае это был третьестепенный вопрос для интересов России, хотя и затрагивал его в личном, родственном плане; во втором – речь шла о жизненно важных интересах государства, и в новой инструкции Брюсу и Остерману (от 15 марта 1719 года) он снова подчеркивает необходимости оставить за ним и его страной приобретения в Восточной Прибалтике. Он был готов пойти на уступку – выплатить шведам один миллион рублей за Лифляндию.

Шведский король питал призрачные надежды на успех английского плана «северного умиротворения», а его дипломаты в переговорах с русскими контрагентами тянули время. Участники Четверного и Венского союзов рассчитывали, что Петр отступит перед таким мощным фронтом. Фридрих Вильгельм, прусский король, советует царю не рисковать, пойти на уступки на Аландах. Но не таков был Петр, чтобы отступать там, где чувствовал себя сильным и правым. Вместо этого он решает перейти в наступление:

«Никакого другого пути, – отвечает он прусскому монарху – кроме твердости, не вижу, через который бы мы резонабельный мир с Швецией получить могли».

Вместо дипломатов должны были заговорить пушки, поскольку шведы ничего не поймут, «ежели, – по словам царя, – оружие при поре употреблено и присовокуплено не будет». Ссылка Фридриха Вильгельма на печальный пример Испании, которая терпит поражение в борьбе со странами Четверного союза, его не убеждает – сила России гораздо более внушительна в сравнении с испанской, выступление Франции и Австрии против России маловероятно; английского флота русский флот не боится; у всех этих стран есть свои проблемы, которые их волнуют. Уверенность Петра в своем флоте нашла блестящее подтверждение в морском сражении при Гренгаме. Тогда русские отряды высадились севернее и южнее Стокгольма, разорили восемь городов, в том числе Норчепинг – второй по величине после столицы, двадцать один завод, тысячу триста шестьдесят три деревни и многое другое. Выполняя строгий приказ Петра, солдаты не трогали местных жителей, не разоряли церкви. Апраксин, генерал-адмирал, руководивший десантом, действия которого показали беззащитность Швеции, говорил, что не составит большого труда взять и Стокгольм. Шведы, по существу, расплачивались за те безобразия, которые творили солдаты Карла XII на русской территории; только русские солдаты не поступали так жестоко с населением, как шведы.

Ни упрямство шведских политиков, ни нажим доброжелателей в лице ряда ведущих европейских государств не заставили Петра умалить насущные интересы России на Балтике. В конце концов те же английские и прочие политики, раньше провоцировавшие Швецию, рекомендуют ей самой договариваться с Петром.

Правда, не обошлось без осложнений.

Английский флот Норриса, на который надеялись шведские власти, без всякого толка крейсировал в Балтийском море, а к Стокгольму подошел тогда, когда русские корабли с десантом уже покинули прибрежные воды. Правда, дипломаты Георга I действуют по всей Европе против интересов России. Всех ее союзников англо-ганноверская дипломатия склонила на свою сторону – Швеция заключает договоры с Англией, Ганновером, Пруссией, Данией; Август II хотя и не заключил соглашения, но вел переговоры со Швецией против России (союз не получился, поскольку Речь Посполитая не хотела и не могла воевать с Россией).

Россия в 1719–1720 годах оказывается в дипломатической изоляции. Более того, Петр получает из разных стран донесения своих представителей о подготовке вооруженного вторжения в Восточную Прибалтику, даже в Россию. В грандиозной операции должны участвовать флоты Англии, Швеции и других стран, армии Швеции, Австрии, Пруссии, германских княжеств. Франция и Англия дают субсидии. Одновременно Турция откроет военные действия на юге России. Над Петром как будто сгущаются грозные тучи...

Но при всем том шуме, который подняли недоброжелатели России, единства между ними не было. Существовали, например, противоречия между Францией и Англией, между другими странами Европы. Все они не склонны были вести активные боевые действия против русского царя, предпочитали откупаться деньгами (давали или займы, или как плату за шведские города и земли в Северной Германии, к ним отошедшие). Что касается мощного английского флота, то его демонстрации на море в пору действий русских кораблей и десанта под Стокгольмом показали, чего стоят заявления английского двора.

Дипломаты Франции и Англии, не столь уж давно пренебрежительно относившиеся к своим русским коллегам по профессии и их повелителю, теперь отдают должное их способностям, проницательности и умению, признают, что за ними стоит сила могучей страны, ее народа, а посему с ними необходимо считаться.

В Ништадте, финском городе, 28 апреля 1721 года снова встретились Брюс и Остерман со шведскими дипломатами. Не только шведский, но и английский королевский дворы торопили с миром. Тоунсенд, преемник Стэнгопа, умершего в январе того же года, в английском кабинете, давно уже доказывал, что в отношениях с Россией нельзя идти на риск, тем более авантюрного толка, иначе это приведет к войне с ней. И тем не менее переговоры шли трудно; инерция упрямства и фанфаронства, унаследованная от Карла XII, еще давала себя знать.

Петр, предвидя это, держал наготове армию и флот. Новый десант (пять тысяч солдат и казаков) снова громит шведские заводы, склады, корабли. А шведские войска серьезного противодействия оказать не могут, Норрис с эскадрой бездействует. Крупные операции царь не организует, считает, что и сделанного достаточно. В июне он гостеприимно встречает в Петербурге Карла Фридриха, герцога Голштинского – будучи племянником Карла XII, он претендует на шведский престол, к тому же сватается к Анне Петровне, старшей дочери царя. Фридрих I и Ульрика Элеонора проявляют явное беспокойство.

Петр руководит переговорами в Ништадте, составляет и присылает своим уполномоченным «кондиции» и «промемории» – условия мира и объяснения к ним, рескрипты, письма. Из Ревеля и Риги, Рогервика и Гельсингфорса он шлет им новые инструкции, изучает их донесения. Несмотря на упорство шведских представителей, заявлявших: они «скорее согласятся дать обрубить себе руки, чем подписать такой договор» (на русских условиях), они его подписали теми же руками. Вначале они требовали у России возврата многих земель и городов, даже Петербурга; в конце же согласились на уступку Лифляндии навечно, хотя на Аландах Петр соглашался на временное владение ею (на сорок или двадцать лет). Но Финляндию Россия вернула шведам, согласилась заплатить два миллиона компенсации за Лифляндию, не включать в текст договора пункт о претензиях голштинского владельца, разрешить шведам без пошлин покупать хлеб в России. Он не без оснований считал:

«Я предлагал брату моему Карлу два раза мир со своей стороны: сперва по нужде, а потом из великодушия; но он в оба раза отказался. Теперь пусть же шведы заключают со мною мир по принуждению, для них постыдный».

В ходе переговоров шведы потребовали «эквивалент» за Выборг. Петр велел своим дипломатам ответить: «У нас таких земель нет».

На слова об уступке России Петербурга царь тоже реагирует быстро и решительно:

«Что же в проекте шведских министров упомянуто об уступках их, что уступают нам Петербург, и вам надлежит при заключении объявить, что о Петербурге упоминать не надлежит, что оно при их владении не было».

Отказ последовал и на просьбу оставить им остров Эзель. Отметил царь (в письме к Апраксину) и эффект от очередного русского десанта в Швецию:

«Шведские министры гораздо сходнее стали, нежели пред тем были».

По этой причине отменил новый поход в том же направлении:

«По всему можно видеть, что галерного действия не будет»

Брюс сообщает ему, что договор будет заключен очень скоро, и Петр говорит, используя морской жаргон:

«Из Ништадта благоприятны ветры нам дуют».

Его же и Остермана предупреждает:

«Сие известие мне первому привезть в Петербург, понеже не чаю, кто б более моего в сей войне трудился; и для того с сим никому являться не велите, кроме меня. Также чтоб и партикулярных писем с конгресса о том ни от кого не было от наших людей».

Царь с полным основанием мог позволить себе такую привилегию – первым сообщить столице и государству радостную весть об окончании многолетней и изнурительной войны, которая завершена блистательно, с большим успехом для России.

Договор, подписанный 30 августа 1721 года в Ништадте, оповещал об установлении вечного мира между Швецией и Россией, переходе к последней в полное и вечное владение Ингерманландии (Ингрии, по южному побережью Финского залива), части Карелии, всей Эстляндии и Лифляндии, в том числе городов Риги, Ревеля, Дерпта, Нарвы, Выборга, Корела (Кексгольм), островов Эзель и Даго. Это был выдающийся успех петровской внешней политики, дипломатии, долгожданный итог войны, которую царь назвал «троевременной школой».

«Все ученики, – сказал он В.Л. Долгорукому, послу во Франции, – науки в семь лет оканчивают обыкновенно; но наша школа троекратное время была (двадцать один год); однако ж, слава Богу, так хорошо окончилась, как лучше быть невозможно».

Петр был прав, когда говорил, что никогда «наша Россия такого полезного мира не получала». В самом деле, еще в пору Полтавской победы он вел речь об оставлении за Россией лишь Нарвы и Петербурга с клочком болотистой земли вокруг второго из них. Теперь же Россия получила то, о чем в те годы и мечтать не смела. Сочетание храбрости и упорства с выдержкой и осторожностью позволило решить национальную проблему, поставленную историей перед Русским государством. Ништадтский мир означал победу не только над Швецией, но и над всеми государствами Европы с их происками, враждой и ухищрениями.

Петр получает весть о заключении мира по пути в Выборг; пакет с текстом трактата, привезенный курьером из Ништадта, у него в руках. Не успели даже сделать перевод – так спешили Брюс и Остерман.

«Мы оной перевести не успели, – сообщили они царю, – понеже на то время потребно было, и мы опасались, дабы между тем ведомость о заключении мира не пронеслась».

Петр лег спать молча, не сказав приближенным ни слова, хотя искушение было велико. Но уснуть так и не смог – в голове, перед глазами проходили годы и годы Северной войны, такие тяжкие и героические, мучительные и счастливые...

На следующее утро он отправился на бригантине к Петербургу и, когда судно по Неве вошло в город, приказал палить из пушек, а между выстрелами радостно кричал толпам людей, которые собрались на обоих берегах, сообщал, что мир заключен. Весь день по городу ездил всадники с белыми знаменами, трубачи и под звук труб и литавр извещали население о мире. Снова столицу заполнили радостные толпы петербуржцев – фейерверки и салюты, танцы и маскарады выражали радость по случаю окончания войны. А их повелитель в голландском матросском костюме лихо выбивал барабанную дробь, танцевал на столах, пел со всеми песни, веселился откровенно, по-детски. Он и не скрывал, насколько счастлив в этот день:

– Сия радость превышает всякую радость для меня на земле.

Двадцать второго октября – новая церемония, для царя снова радостная: канцлер Головкин на торжественном заседании в Сенате от имени его членов просит царя принять титул Отца Отечества, Петра Великого, Императора Всероссийского. Тем самым Россия становилась официально империей, а ее правитель – императором огромного и могучего государства, вступившего при Петре в сообщество великих мировых держав.

Северная, балтийская проблема была решена. На юге вышла неожиданная осечка. Черноморскую проблему удалось решить преемникам Петра, при Екатерине II и Потемкине. Но это отнюдь не означало, что его не интересовали южное и восточное направления во внешней политике России. Этого не могла позволить реальная жизнь – то приходилось предотвращать опасность войны с Турцией, то отбивать опустошительные набеги крымцев, ногайцев, кубанских татар на южнорусские и украинские города и уезды, то восстанавливать южноуральские заводы, разоренные кочевниками. Интересы южных и юго-восточных регионов России, да и всего государства, требовали поддерживать дипломатические отношения с окрестными странами, развивать торговлю с ними. Ведь Россия – страна не только европейская, но и азиатская, ее земли простираются до Тихого и Ледовитого океанов, до Средней Азии и Китайской империи.

Международное положение России стало таково, что одни государства стали искать дружбы и союза с ней, другие вынуждены сдерживать свои агрессивные, экспансионистские намерения по отношению к ней и тем, кого она поддерживает. «Одно из величайших событий европейской и мировой истории, – по словам Соловьева, – совершилось: восточная половина Европы вошла в общую жизнь с западною; что бы ни задумывалось теперь на западе, взоры невольно обращались на восток: малейшее движение русских кораблей,

русского войска приводило в великое волнение кабинеты; с беспокойством спрашивали, куда направится это движение?»

Деятельная, насыщенная до пределов событиями и делами жизнь Петра сводила его со множеством людей, самых разных по характеру и темпераменту, взглядам и стремлениям. Среди них и люди незаурядные, талантливые, его ближайшие сподвижники – «птенцы гнезда Петрова», как их называют вслед за Пушкиным. Это – светлейший князь Меншиков, самородок из «подлого сословия», вытщенный царем из грязи в князи, выдающийся полководец и администратор, человек безоглядно храбрый и столь же безоглядно преданный, как пес, своему хозяину – царю; прославился он и как самый выдающийся казнокрад петровского времени, после смерти Петра и воцарения Екатерины I он был фактическим главой правительства. Это – фельдмаршал Шереметев – полная противоположность светлейшему, человек медлительный и осторожный, расчетливый, но полководец незаурядный, не раз выигрывавший сражения со шведами. Это – генерал-адмирал Апраксин, дипломаты Головин и Головкин, Толстой и Куракин, кабинет-секретарь Макаров и многие другие. Среди тех, кто был близок Петру, вхож к нему в дом, к кому он сам с удовольствием захаживал, с кем беседовал и пировал, известны десятки людей – и знатных, и «подлого звания» (из мастеров, моряков и прочих). Как человек очень одаренный, талантливый, царь при всей своей неординарности, даже гениальности был прост и добр с теми, кто ему импонировал. А для этого, в его глазах, нужно было обладать определенными качествами: хорошо знать и исполнять свое дело, быть человеком честным и скромным, служить верой и правдой Отечеству. Будучи сам человеком дела, преданный интересам России, Петр, сделавший для нее очень многое, того же требовал от других, от фельдмаршала до простолюдина.

Петр – фигура во всем сильная и героическая, драматическая и трагическая; он отдавал всего себя делам, жил кипучей и яркой жизнью. Но испытал царь и тяжелые удары судьбы. Один из самых сильных связан с его семейной драмой, несчастьем как отца.

Развод с первой женой, жизнь с Екатериной, сначала в гражданском, потом, с 1711 года, в законном браке, его побочные сердечные увлечения, а их тоже было немало, дети от первой и второй супруги – все это опять же говорит о натуре беспокойной и мечущейся, властной и избалованной. Первую жену он невзлюбил, ко второй – бывшей «портомое» (прачке) из Прибалтики – относился с любовью и нежностью, которые с годами не угасали, а, наоборот, возрастали. От нее росли дети – две девочки. Но долго не было мальчика-наследника. Первая, нелюбимая жена родила ему еще 18 февраля 1690 года сына, и, когда тот подрос, Петр возложил на него все надежды, как отец и государь.

Став отцом, царь, еще юноша неполных восемнадцати лет, занят был потешными и прочими увлечениями, понятными в его возрасте. Ему всегда было некогда, он бежал из дворцовых покоев при первом удобном случае. К жене Евдокии его не тянуло. Сын рос при ней, и, естественно, та атмосфера неприязни к отцовским делам и выходкам, которая сложилась в окружении матери с ее старозаветным, затхлым бытом, с приживалками и монахами, карликами и ворожеями, не могла не войти в душу мальчика. Подрастая, он, опять же вместе с матерью, с осуждением и ненавистью воспринимал поездки отца в Немецкую слободу, его дружбу с иноземцами, нарушение чинных обычаев древнего царского церемониала. Не могли не сказаться и оскорбленные чувства сына и матери, которыми пренебрегали ради «Монсихи» и царских любимцев, из русских и иноземных.

Учился Алексей кое-чему и кое-как. В воспитателях ходил у него сначала Никифор Вяземский – человек малознающий, без педагогических способностей. Своего воспитанника он боялся, и тот быстро это понял и использовал – таскал за волосы, тузил палкой, посылал из Москвы с каким-нибудь поручением, чтобы избавиться от уроков. На смену Вяземскому пришли Меншиков, человек способный, но грамоте не умеющий, вечно занятой, живший к тому же в Петербурге, и его помощник барон Генрих Гюйсенн, из иноземцев, с университетским образованием, но и ему приходилось часто выполнять дипломатические поручения Петра.

Царевич рос в подмосковном Преображенском без серьезного присмотра и педагогического руководства. Кое-что, разумеется, он узнал, выучил, но не многое. Овладел, например, немецким языком, хуже знал французский. Но лишь к восемнадцати годам мог совладать с четырьмя действиями арифметики и только приступил к азам фортификации. Одним словом, он не был обременен знаниями. Отличался ленью и праздношествованием, властолюбием и честолюбием, слабоволием и изворотливостью, мелочной мстительностью и коварством. Таким сыном не очень-то погордишься, недаром отец не сдержал однажды свое разочарование и досаду:

– Ничего делать не хочешь, только б дома жить и им веселиться.

В то же время Петр пенял ему, указывал, что он мог бы стать и дельным человеком:

– Бог разума тебя не лишил.

Сам царевич не раз признавал то же самое – мог бы учиться и трудиться, да лень заела:

– Учение мне было зело противно, и чинил то с великою леностию, только б чтоб время в том проходило, а охоты к тому не имел.

– Со младенчества моего несколько лет жил с мамою и с девками (горничными, прислугой. – В.Б.), где ничему иному не обучился, кроме избных забав.

– Природным умом я не дурак, только труда никакого понести не могу.

Затхлая среда, его окружавшая, привила ему немало пороков, и главные среди них – ханжество и склонность к хмельному питию. Среди близких к нему людей, а царевич называл их, по примеру отца, «компанией», – родственники по отцу и матери Нарышкины и Лопухины, его духовник Яков Игнатьевич (или Игнатов, по принятой на Руси манере обращения), ключарь Благовещенского собора в Кремле Иван Афанасьевич, протопоп Алексей и прочие. Наибольшее влияние имел на него духовник, по сути дела глава «компании», доверенное его лицо во всем, – с ним он вел и частые беседы, и состоял в тайной переписке. Члены «компании» – скопище людей весьма колоритных. Один из них, Василий Колычев, муж кормилицы Алексея, носил прозвище Ад; Андрей Нарышкин – Сатана, другой Нарышкин, Иван, – Молох и т. д. Все они, в отличие от «компании» Петра, людей деятельных, служивших царю и России, с плохо скрываемой ненавистью относились к их идеям, замыслам и делам. При этом разжигали честолюбие молодого царевича, нашептывали ему, что как только отец умрет или погибнет где-нибудь от шальной пули или сабли, благо царь поспевал везде и всюду, не жалел себя и в труде, и в сражении, то он, царевич, все сделает по-своему – упразднит новшества, никому-де не нужные, вернется к старине заветной, будет править так, как заведено дедами и прадедами – в тишине да покое, благолепии и величии.

Петр догадывался, видел, что с сыном идет не так, как нужно, как хотелось бы для наследника его начинаний, замыслов. В 1704 году он повелел четырнадцатилетнему сыну участвовать в походе под Нарву, который закончился ее взятием. Почувствовал, что сын старается уйти в сторону от активной работы, от опасностей; его не волнует то, чему посвящает все помыслы и самую жизнь его отец. Внушает ему, что нужно служить Отечеству, как служит без оглядки и корысти отец, советует взяться за ум, предупреждает:

– Если мои советы разнесет ветер и ты не захочешь делать того, что я желаю, я не признаю тебя своим сыном.

Но Алексей по-прежнему хитрит, уваливает, делает вид, что очень занят чем-то важным. Но все это – для отвода глаз, обмана царя-отца. Главное же, чем он озабочен, – дожидаться своего звездного часа.

Алексей «вошел в возраст», и отец собирается его женить. Невестой избрал Софью Шарлотту, принцессу Брауншвейг-Вольфенбюттельскую, девицу высокую и худую, с покрытым оспинами лицом. Но – дело не во внешности, важнее другое – ее сестра замужем за наследником престола, будущим императором Священной Римской империи Карлом VI: обе они – родственницы курфюрста Ганноверского, будущего английского короля Георга I. В апреле 1711 года подписан брачный договор, 14 октября – свадьба в Торгау. Петр присутствует на торжестве. Приезжает сюда и знаменитый Лейбниц, философ и математик, встречается и беседует с царем, которым восхищен:

– Я ездил в Торгау не столько для того, чтобы посмотреть на свадебное торжество, сколько для того, чтобы видеть замечательного русского царя. Замечательны дарования этого великого государя.

Таланты Петра ценили многие. Не оценил их единственный его сын. Недоволен царевич и женой, которую выбрал ему отец.

– Жену мне на шею чертовку навязали: как к ней ни приду, все сердитует и не хочет со мною говорить.

Как видно, жена не жаловала мужа. По примеру Петра, она, вероятно, высказывала неудовольствие тем, что ее муж занят не делами, а попойками. К этому прибавилось и увлечение другого рода – любовница Евфросинья Федорова, из крепостных «девок» Н. Вяземского, его бывшего учителя.

Алексей Петрович в связи с женитьбой пребывал с 1710-го до 1713 года за границей. После брачных церемоний выполняет, опять спустя рукава, очередное поручение отца – по заготовке провианта в Польше для русских войск. В 1713 году приезжает с молодой женой в Петербург. Уклоняется от дел, притворяется больным. Вокруг него снова кружится и веселится, интригует и нашептывает его старая «компания».

Супруга родила царевичу сына, будущего императора Петра II, и вскоре умерла. Ее хоронили 27 октября 1715 года. В этот же день он читает письмо отца, написанное двумя лишним неделями ранее. Снова говорит царь с болью и печалью, что сын не имеет склонности к службе Отечеству. На конец, без обиняков предупреждает его, что, если так будет и дальше, то лишит его права занять царский престол:

– Ибо за мое Отечество и люди живота своего не жалел и не жалею, то како могу тебя, непотребного, жалеть. Лучше будь чужой добрый, неже свой непотребный.

Алексей, ссылаясь на слабое здоровье, сообщает отцу о готовности отречься от престола:

«Вижу себя к сему делу неудобна и непотребна, понеже памяти весьма лишен (без чего ничего возможно делать), и всеми силами умными и телесными (от различных болезней) ослабел и непотребен стал к толикого народа правлению, где требует человека не такого гнилого, как я».

Царевич, проявляя смирение, давая согласие на отказ от прав наследника трона, кривил душой. Рассчитывали он и его сторонники на другое – на смерть царя-отца или восстание против него, переворот. Все они надеялись на будущее – на воцарение Петрова сына и тем самым исполнение своих замыслов и расчетов.

Можно представить, каково было отцу, получившему от сына ответ, свидетельствовавший, что тот не хочет идти дорогой родителя, исполнять его замыслы и продолжать его деяния. Месяц спустя царь тяжело заболел, не исключали возможность его кончины, и сенаторы день и ночь не покидали царские покои. Но он выздоровел. Вскоре пишет новое письмо сыну:

«Так остаться, как желаешь быть, ни рыбою, ни мясом, невозможно, но или отмени свой нрав и неліцемерно удостой себя наследником, или будь монахом, ибо без сего дух мой спокоен быть не может, а особливо, что ныне мало здоров стал».

Алексей, покоряясь внешне и юродствуя, дает знать отцу, что согласен на пострижение. Царевич надеется: придет время, и от монашеской схимы избавиться можно будет без труда. Вскоре Петр вызывает его для беседы, советует подумать еще раз. Его решение гласит: окончательный ответ Алексей должен прислать ему через полгода в Копенгаген. Как видно, отъезжая за границу по делам (предстояли переговоры с союзниками, военные действия в Северной Германии и на Балтике, у побережья Швеции), царь ведет себя осторожно и осмотрительно по отношению к сыну – у него теплится надежда, что он наконец-то одумается.

Из Копенгагена Алексей получает от отца повеление: или прибыть для участия в морской экспедиции против шведов, или назвать монастырь и время пострижения в нем, добавляет:

«И буде первое возьмешь, то более недели не мешай поезжай сюда, что можешь еще к действиям поспеть».

И Алексей едет за рубеж. Двадцать шестого сентября 1716 года, сопровождаемый добрыми напутствиями сенаторов, он выезжает из столицы. Сопровождают его Евфросинья с братом Иваном, три человека из прислуги. Но направляется он не к отцу, а... в Вену, где надеется, по внушениям советников, найти приют и помощь у австрийского императора.

Беглец прибывает 10 ноября в Вену и на ночь глядя жалует в дом вице-канцлера Шенборна. На аудиенции Алексей жалуется на царя-отца, лишаящего его законных прав на престол:

– Мой отец говорит, что я не гоюсь ни для войны, ни для правления. У меня, однако же, достаточно ума, чтоб царствовать. Бог дает царства и назначает наследников престола, но меня хотят постричь и заключить в монастырь, чтобы лишиться прав и жизни. Я не хочу в монастырь. Император должен спасти меня.

Венский двор уже наслышан о царевиче и намерениях Петра. Конечно, осложнять отношения с русским царем не хотелось, тем более что дело может вылиться в вооруженный конфликт. Но и упускать такой благоприятный шанс в международной политической игре – тоже не резон. Людовик XIV, например, пригнул в Версале Якова II Стюарта с сыном, и лучшего козыря для давления на английского короля (и ганноверского курфюрста) Георга не придумать; ведь якобиты в самой Англии не дают покоя ганноверцу и его присным. Все-таки для осторожности Алексея со спутниками переводят в тирольскую крепость Эренберг, изолируют от мира.

Через русского резидента А. Веселовского, который пошел, по существу, на измену своему суверену и государству, венские политики поддерживают связь с царевичем. В их планах – использовать его претензии на русский трон для ослабления позиций Петра и его страны в предвидении окончания Северной войны и выработки условий мира. Алексею Петровичу дают самые заманчивые обещания. О том впоследствии поведал в донесении в Дрезден саксонский посол:

«Император обещал ему войска для действий против его отца и позволил ему надеяться на помощь со стороны короля Англии».

Вероятно, так и было. Но император и его советники и захотели все же открыто принимать русского царевича при дворе. Сами же, придерживаясь тактики выжидания и не отваживаясь бросать открытый вызов Петру, зондируют почву в Лондоне, сообщают королю о прибытии русского претендента на трон – сына и противника царя.

Петр начинает беспокоиться по поводу долгого отсутствия сына. Приказывает генералу Вейде, потом А. Веселовскому искать его. Пишет письмо Карлу VI. В конце концов к весне 1717 года, местонахождение беглеца узнают. Веселовский на аудиенции у императора передает послание царя. Тот отрицает, что он что-либо знает о царевиче. Но месяц спустя в письмах Петру признает, что сын находится у него что он, император, «со всяким попечением» будет беречь его, чтобы тот «не впал в неприятные руки».

В то время международное положение России резко ухудшилось – осложнились отношения с членами Северного союза и ведущими державами Западной Европы. Император тянул время, не выдавал беглеца. Более того, царевича услали еще дальше – в Неаполь, отвоеванный Австрией у Испании в пору борьбы за испанское наследство.

Но за царевичем всюду следовал капитан А.И. Румянцев, посланный Петром. Вскоре в Вену прибыл опытный дипломат П.А. Толстой. Он передает императору новое послание царя, который прямо указывает на то, что ему известно о замках Эренберга и Неаполя, где его сына держат «под крепким караулом». Для Вены обстановка осложняется – становится ясно, что Австрии грозит вооруженное вторжение. По настоянию Толстого его допускают для свидания с царевичем. Состоялось оно 26 сентября 1717 года.

«Мой сын! – читает Алексей Петрович письмо отца. – Понеже всем известно, какое ты непослушание и презрение воли моей делал, и ни от слов, ни от наказания последовал наставлению моему; но, наконец, обольстя и заклинаясь Богом при прощении со мною, потом что учинил? Ушел и отдался, яко изменник, под чужую протекцию, что не слыхано не точию между наших детей, но ниже между нарочитых подданных, чем какую обиду и досаду отцу своему и стыд Отечеству своему учинил».

Конец письма показывает степень гнева отца и надежду, все-таки не угасшую до конца, на возвращение блудного сына. «Того ради посылаю ныне сие последнее к тебе, дабы ты по воле моей учинил, о чем тебе господин Толстой и Румянцев будут говорить и предлагать. Буде же побоишься меня, то я тебя обнадеживаю и обещаю Богом и судом его, что никакого наказания тебе не будет, но лучшую любовь покажу тебе, ежели воли моей послушаешь и возвратишься. Буде же сего не учинишь, то, яко отец, данною мне от Бога властью проклинаю тебя вечно, и яко государь твой за изменника объявляю и не оставлю всех способов тебе, яко изменнику ругателю отца, учинить, в чем Бог мне поможет в моей истине».

После чтения письма и увещаний Толстого царевич попросил отсрочки. Потом он упрямо отказывается исполнить волю царя.

Нежелание Алексея вернуться домой основывалось на наивной надежде, что Австрия защитит его от отца, даже пойдет на войну с Россией. За полгода до этого он направил письмо в Петербург сенаторам, опровергал слухи о том, что он якобы умер, давал понять, что согласился на постриг по принуждению отца, выражал надежду, что его на родине не забывают.

Толстой, терпеливый и мудрый, изворотливый и хитрый, был не таков, чтобы отступить, не выполнив строгий царский наказ – любыми мерами выманить Алексея из его норы на свет Божий, вернуть домой, в Россию. За долгую службу в Стамбуле он навидался и натерпелся такого, что нынешняя его служба была, как говорится, не в службу. Недаром царь, помнивший о близости Петра Алексеевича к ненавистной ему сестре Софье в памятные и страшные дни восстания 1682 года, простил ему былые прегрешения. Однажды, в минуту откровенности, на каком-то пиру Петр пошутил, потрогав у него верхнюю часть тела, что над плечами висится, сказал:

– Эх, – мол, – голова, голова! Слетела бы ты с плеч, когда б не так умна была!

Вот эта– то умная головушка и уладила все дело, чем царь был потом очень доволен. Из отцовского письма Алексей знал о том, что в представлении отца он -изменник. Толстой внушил ему, что царь, который – де едет для свидания с ним в Неаполь, двинет в Австрию войска, собранные в Польше, и этот довод сломил его упорство.

Четвертого октября царевич пишет отцу письмо, сообщая, что «всенижайший и непотребный раб и недостойный называться сыном Алексей» едет на родину и просит прощения у государя-батюшки. Через десять дней, уничтожив в огне все свои бумаги, он выезжает из Неаполя. Толстой и Румянцев сопровождают его. По пути получает ответ отца:

«Мой сын. Письмо твое, в четвертый день октября писанное, я здесь получил, на которое отвечаю: что просишь прощения, которое уже вам пред сим через господ Толстого и Румянцева и словесно обещано, что и ныне паки подтверждаю, в чем будь весьма надежен. Так же о некоторых твоих желаниях писал к нам господин Толстой, которые тако же здесь вам позволят, о чем он вам объявит».

Отец в письме обещает царевичу, что он будет жить в деревне, женится «на той девке, которая у него». И это, и, как понял беглец, несбыточность надежд на австрийскую и даже шведскую военную помощь, на смерть царя-отца, на какие-то заговоры и восстания в Москве и русских войсках за рубежом, на поддержку министров, сенаторов и полководцев заставило его сдаться и поехать туда, откуда так неосмотрительно и глупо бежал. Вероятно, наконец-то он понял, что рухнули мечты его о власти, которую он собирался употребить по-своему: отбросить все преобразования отца, вернуться к старым порядкам и учреждениям, понятиям и обычаям; забросить ненавистный Петербург, «жить зиму в Москве, а лето в Ярославле», переменить всех сановников («я старых всех переведу, а изберу себе новых по своей воле»). Обо всем этом он и его сообщники скажут потом, на следствии. Теперь же царевич едет из Неаполя в Москву. Путь неблизкий – через три с половиной месяца только подъезжает он ко второй столице, где его ждут царь, его помощники и новые испытания. В Москве его ждали отец, сенаторы, генералы, церковные иерархи. Алексей упал на колени перед родителем, умолял о прощении и даровании жизни. Петр ответил ему:

– Я тебе дарую то, о чем ты просишь, но ты потерял всякую надежду наследовать престолом нашим и должен отречься от него торжественным актом за своею подписью.

Царевич согласился. Потом последовал вопрос царя:

– Зачем не внял ты моим предостережениям и кто мог советовать тебе бежать?

Сын подошел к отцу, что-то прошептал ему на ухо. Тут же они вышли в соседнюю комнату, и там Алексей, как показали последующие события, назвал Петру своих советников, сообщников. Вернувшись в зал, царевич подписал отречение от престола:

– Наследства никогда ни в какое время не искать, и не желать, и не принимать его ни под каким предлогом.

Прочитали манифест о лишении царевича прав наследования. Вскоре начались допросы названных им лиц. Петр, как и в пору «стрелецкого розыска», сам руководит следствием – составляет вопросные пункты для Алексея, шлет курьеров с распоряжениями об аресте оговоренных лиц. В Москве казнили Кикина и других. В Петербурге, куда перебрались Петр и его двор, допросы и пытки, в том числе Алексея, продолжались. После окончания суда царь отдал решение судьбы сына в руки высших сановников – духовных иерархов, сенаторов, генералов и прочих.

Намерения царевича в ходе следствия раскрылись полностью. Однажды в присутствии отца и высших духовных и светских чинов он признал, что собирался поднять по всей стране восстание. Далее он полагал, что, поскольку хотел вернуть старые верования, обычаи, нравы, то народ его поддержит, поскольку питает к нему любовь и сочувствие. Алексей то находил в себе силы произносить подобные тирады, которые выдавали его честолюбивые мечты, нелепые, сумасшедшие и противоречивые замыслы, то доходил до крайней степени обреченной подавленности, упадка духа.

К тому времени царевич Алексей, по отзывам современников, страдал психическим расстройством; по словам француза де Лави, «у него мозг не в порядке», что доказывают «все его поступки». Вел он себя недостойно – изворачивался, оговаривал своих приближенных, лгал, изо всех сил пытался приуменьшить свою вину, как изменника делу отца, интересам России. Было видно, что он из боязни лишиться жизни потерял разум.

Четырнадцатого июня царевича заключили в Петропавловскую крепость. Начались пытки в застенке. Состоялся приговор. Правда, лица духовные уклонились от ясного решения: выписки из Священного писания, ими приведенные, говорили, с одной стороны, о казни сына, послушавшегося отца; с другой – о прощении Христом раскаявшегося блудного сына; приговор они отдавали на усмотрение Петра. Чины светские высказались недвусмысленно: смерть.

Двадцать четвертого июня 1718 года объявили смертный приговор. Но приводить его в исполнение не пришлось – через два дня Алексей Петрович скончался в Петропавловской крепости, вероятно от пережитых потрясений. Тридцатого июня его похоронили, Петр присутствовал при его погребении.

Многолетнее противостояние (открытое – с начала столетия) сына с отцом закончилось трагическим финалом. Такой исход не мог не наложить дополнительный отпечаток на натуру, психику Петра, потерявшего сына-наследника. Правда, у него подрастал трехлетний сын Петр от Екатерины. Его объявили наследником. Но в следующем году он потерял и его – тот умер, а на рождение еще одного надежды уже не было, так как, «по мнению многих, царица, – как отметил тогда же один из современников, – вследствие полноты вряд ли в состоянии будет родить другого царевича». Новый удар потряс царя – он, закрывшись в своих покоях, три дня никого не хотел видеть, отказывался от еды; припадки конвульсии изнуряли его.

Но жизнь требовала свое, и царь, затаив в душе свою боль от потерь, крушения отцовских надежд, снова окунулся в водоворот событий, и в этом, как и у всякого смертного, было для него спасение от страданий.

К концу жизни Петр достиг вершины величия. Прославленный и воспетый в своей стране и за рубежом государь и дипломат, полководец и флотоводец, реформатор и законодатель, человек, которого современники, и свои, русские, и иностранцы, называли, и по достоинству, Великим, он вполне и, как говорится, с избытком заслужил тот титул, который Сенат преподнес ему после победоносного завершения Северной войны. Ее итоги, последовавшие за ней успехи на внешнеполитическом, дипломатическом поприще – заключение союзов с рядом стран, в том числе и с бывшим противником Швецией, члены парламента которой выражали ему свою благодарность и восхищение (по поводу его позиции в вопросе о сохранении государственного устройства с риксдагом), огромный авторитет императора и возглавлявшейся им России на международной арене, смелые и дальновидные перспективы внешнеполитического плана на будущее, им намеченные, – все это говорит само за себя.

Но его жизненный путь не был устлан одними розами. Один Прутский поход, чуть было, по его ожиданиям, не окончившийся несчастьем для него (вплоть до «шклавства» – рабства, плена) и России, не давал ему покоя чуть ли не всю оставшуюся жизнь. Долголетний разлад с сыном Алексеем, печальный конец их отношений тоже, конечно, отняли у него много физических и духовных сил.

В последние годы, после Ништадтского мира и до часа смертного, не покидают его душу, и без того усталую, истерзанную, бесконечные заботы, тревожения, мысли о дурных поступках, изменах сподвижников, даже людей самых близких. Можно только думать и гадать о состоянии духа Петра в те годы, когда болезнь, очень тяжелая, изнурительная и мучительная (уремия), беспощадные удары судьбы быстро подтачивают его силы, которые он безоглядно расходовал в предыдущие годы борьбы, волнений, нечеловеческого напряжения. Конечно, активная деятельность по руководству огромной империей продолжалась. Это – опять же перо и шпага, то есть составление указов, законодательное творчество и организация нового похода (Каспийского), участие в нем. Это – дипломатические переговоры и заключение трактатов. Это – руководство Сенатом и Синодом, коллегиями к губерниям, интерес, причем, как всегда, деятельный, практический, направляющий, к делам промышленности и торговли, академии и школам, к строительству дворцов и складов, ко многому другому. Это, наконец, – общение с людьми из разных сословий, от фельдмаршалов до мастеров и солдат, которые под его началом, его твердой рукой направляются на исполнение дел и замыслов, служащих к чести и славе российской.

Особое внимание в конце жизни он уделяет своему любимому детищу – «парадизу», Петербургу, оторый благодаря заботе Петра, его стараниями начал превращаться в город, впоследствии прозванный Северной Пальмирой. По своему обычаю, он вставал рано, часу в пятом утра. Слушал доклад Макарова, своего статс-секретаря, завтракал. Уже в шесть утра

его двуколку столичные жители могли увидеть на верфи или у строящегося здания, у подъезда Сената или дома какого-либо начальника. Так проходила первая половина дня. В час дня – обед из простых блюд русской кухни (щи да каша, мясо и студень, ветчина и солонина), из экзотических даров он любил лимон. Отвергал рыбу, сладкие блюда. После обеда, по русскому обычаю, – отдых, часа на два. Вторая половина дня была занята чтением бумаг – донесений администраторов, послов, военачальников, составлением и редактированием указов, уставов, инструкций, регламентов и прочего в немалом количестве.

Вечерами, смотря по случаю или настроению, – встречи с гостями, приближенными, а они неизбежно сопровождаются застольем, весельем, шумом, или уединение дома, в Летнем дворце, в кругу семьи. Любимым местом Петра, где он мог отдохнуть, побыть в одиночестве, была токарная мастерская. Нартов, первоклассный токарь, не раз работавший вместе с царем, говорил, что без его приглашения никто не мог входить в мастерскую, «дабы хотя сие место хозяин покойное имел». Другой современник, из дипломатов, восхищается умением Петра:

– В этом мастерстве он не уступит искуснейшему токарю и даже достиг того, что умеет вытачивать портреты и фигуры.

Причем за станком Петр трудился «с таким усердием и вниманием... точно работал за деньги и этим снискивал себе пропитание». В Эрмитаже до сих пор хранятся токарные изделия Петра – табакерки, медальоны и прочие украшения, принимал он участие в изготовлении из слоновой кости трехъярусного паникадила с двадцатью шестью рожками; оно сохранило русскую и латинскую надписи:

«Дело многотрудных рук Петра Великого, императора и самодержца всероссийского. 1723».

Царь составлял расписание своих дел на неделю. Одно из них, от 1721 года, включает: работа над Адмиралтейским регламентом (понедельник – четверг), заседание в Сенате (пятница), редактирование «Истории Свейской войны» (суббота, утро), дипломатические дела (воскресенье, утро). «А когда река станет, тогда, – делает он помету, – ежели много дел будет, четверг прибавить к сенатским делам». В другом (январь 1724 года) Сенату он выделяет вечер понедельника и утро вторника, судебным делам – среду и четверг, Адмиралтейству – утро пятницы. В третьем (ноябрь 1724 года, менее чем за три месяца до кончины) главное время отведено Сенату, рассмотрению всяких дел: если же они неотложные, для них – «всегда время»; если же «которые время терпят», то докладывать о них накануне сенатского заседания.

Занимает и волнует его строительство Петербурга, его украшение, заведение в нем всего полезного, интересного, нужного. Его заботами, по его настояниям в столице появились каменные здания – не только храмы, но и жилые дома, дворцы с картинами и изразцами (его Летний дворец, например, или дворец Меншикова, ныне частично реставрированный), здания коллегий и другие. Разбивали красивые парки, проспекты, площади, ставили уличные фонари. Столичных жителей понуждали носить новое, короткое платье и башмаки вместо старинной долгополой одежды и лаптей.

От первоначальной, деревянной застройки города сохранился лишь домик самого Петра на правом берегу Невы. На смену деревянным домам пришли мазанки и, наконец, кирпичные жилые здания. В 1711 году закончили сооружать Летний дворец для царя и его семьи. В это время город имел восемь тысяч человек населения, проживавших в семистах пятидесяти – восьмистах дворах. По мере успехов в борьбе со Швецией, после перехода к России Восточной Прибалтики, Петр уделяет застройке и благоустройству города все большее внимание. В 1716 году нанимает Леблону, известного архитектора из Франции, и тот составляет проект генерального плана города. В основе его лежит идея так называемого регулярного города – прямые улицы и каналы, большие площади, правительственные здания и церкви, дворцы знатных лиц и дома простолюдинов, скверы и рынки; здания по обеим сторонам улиц – одинаковой высоты. Согласно наметкам плана, нужно было, например, на Васильевском острове все переиначивать.

Петр находился в это время в Париже. Там он изучал чертежи, планы типовых зданий, присланные Леблоном. По приезде в столицу царь встретился с архитектором, спросил:

– Что будем делать?

– Сломать дома и построить новые, засыпать каналы и вырыть другие.

– Об этом я думал, но сие требует много денег.

Царь план не утвердил. Город строился по-прежнему, так, как диктовали природа и климат, фантазия заказчика, архитектора и господин Случай. Но Петр постоянно следил за его застройкой, полагая, что она должна быть не хаотичной, а правильной. Во всяком случае, к концу его жизни улицы столицы вымостили камнем – на каждой стороне улицы, примыкавшей к жилым домам, он покрывал полосу полутора– двухметровой ширины (проезжая часть – середина улицы оставалась незамощенной). В 1721 году изготовили и установили около шестисот уличных фонарей, в которых горели фитили на конопляном масле.

Эти и другие новшества – результат неусыпного тшания самого Петра и тех лиц, которых он назначил к этому делу. Среди них – Антон Девиер, родом из Португалии, в свое время матрос купеческого корабля. Петр увидел его в Голландии в 1697 году, тот понравился ему своей сноровкой, и царь нанял его на службу – сначала к Меншикову, потом к себе – денщиком. Нужно сказать, что в денщиках у царя перебивало людей немало, и из них выходили потом люди заметные, знаменитые (начиная с того же Меншикова), его доверенные, приближенные. Нечто подобное случилось и с Девиером. Расторопный матрос-бродяга сумел понравиться сестре Меншикова, некрасивой старой деве, и тому ничего не оставалось делать, как согласиться на ее брак с царским денщиком. Тому имелись две причины: сестрица готовилась стать матерью, а царь благословил любимца к венцу. Сыграли свадьбу. Денщик пошел вверх. Двадцать седьмого мая 1718 года Сенат услышал очередной приказ Петра:

«Господа Сенат! Определили мы для лучших порядков в сем городе дело генерала полицмейстера нашему генерал-адъютанту Девиеру и дали пункты, как ему врученное дело управлять». Генерал-адъютант и генерал-полицмейстер из португальских выходцев и стал управлять застройкой Петербурга согласно подробной царской инструкции. Помимо строительства зданий, ее автор, человек пунктуальный и дотошный, предусмотрел многое: укрепление берегов реки и ее протоков, чистоту на улицах, порядок на рынках, качество и цены продуктов, предлагаемых покупателям, меры против пожаров, азартных игр, ночных воров и колобродов («караульщики ходили бы по ночам с трещотками, как обычай в других краях»), после одиннадцати часов вечера до утра закрывать на заставах шлагбаумы, разрешать хождение по улицам, и только с фонарями, воинским командам, знатным господам, лекарям, повивальным бабкам, священникам, чиновникам по служебной надобности; остальных – не пропускать).

Стараниями полицмейстерского ведомства, трудом рабочих Петербург обустроивался, хорошел. Невский проспект – от Адмиралтейства до Александро-Невской лавры – уже при Петре вызывал восхищение наблюдателей, в том числе иностранцев, перспективой, мощеной улицей, деревьями стоявшими тремя – четырьмя рядами по обеим его сторонам! Красивый и чистый, проспект, по отзыву Берхгольца, имел «чудесный вид, какого я нигде не встречал». По городу, например, на Адмиралтейской стороне, вокруг Летнего сада, делали каналы, спрямляли русла речек, сооружали деревянные набережные, мосты. Царь строго спрашивал за любые неисправности, и однажды Девиер получил свою порцию воспитательного воздействия царской дубинкой (за неисправность моста через Мойку) и с поучением:

– Это тебе прибавит лучшую память к попечению и к содержанию улиц и мостов в надлежащем порядке, и будешь чаще сам осматривать.

Проучив главного столичного полицмейстера, Петр тут же смилоствился, пригласил в свою двуколку:

– Садись, брат!

Петр часто бывал в Адмиралтействе. Его большой, но неполный четырехугольник был заострен с трех сторон, четвертую, открытую к Неве, занимала верфь, которую со стороны реки обнесли валом с бастиянами и пушками. В зданиях Адмиралтейства и вокруг него имелось все необходимое для сооружения кораблей. В 20-х годах на верфи строилось до сотни различных судов. Адмиралтейство стало и большим, сложным предприятием, и крепостью на Неве. Работало там до десяти тысяч человек.

На месте нынешнего Зимнего дворца возвышался трехэтажный дом адмирала Апраксина, далее – дома генерал-прокурора Ягужинского, вице-адмирала Крюйса, Зимний дворец Петра. Еще дальше – Летний его дворец, ничем не отличавшийся от других домов для среднесостоятельных людей; при нем – Летний сад, который Петр очень любил, благоустроивал, украшал по примеру Версальского парка. В 1720 году он говорил одному посетителю:

– Если проживу три года, буду иметь сад лучше, чем в Версале у французского короля.

В нем – хорошо распланированные пешеходные дорожки и деревья в виде шаров, кубов, пирамид, пруды и фонтаны, статуи и вазы, бюсты и колонны, прочее великолепие. Царь любит здесь отдыхать один или прогуливаться с гостями. Многие вызывало их восхищение, особенно статуя Афродиты II века, купленная в Италии; грот, покрытый раковинами из России, Италии, Голландии; Готторпский глобус, сделанный в 1664 году и привезенный из Голштинии. Сад украшали также скульптуры на сюжеты из басен Эзопа, сделанные по указанию Петра, – для воспитания посетителей.

Далее вверх по Неве, за Летним садом, стояли палаты Кикина, конфискованные после казни хозяина в связи с делом царевича Алексея; в них поместили Кунсткамеру (музей) и первую в России библиотеку. Экспонаты для музея собирали и покупали у себя в стране и за рубежом, и царь их хорошо знал, имел привычку показывать и рассказывать о них приближенным или иностранцам, выступая, таким образом, в роли гида. Все, «что зело старо и необыкновенно», он указами велел собирать и присылать в Петербург. Покупал за границей (например, анатомическую коллекцию амстердамского ученого Рюйша, собранную в течение пятидесяти лет, и др.), немало ему дарили иностранцы, знавшие его любознательность и уверенные в том, что редкости будут сохранены для науки, для потомков. Со всех сторон

текли раритеты и монстры, старинные предметы, орудия и прочее. Царь, обычно скуповатый, на подобные вещи денег не жалел.

– Старайтесь их купить, – указывал он однажды Куракину, – а наипаче такие, которые гораздо старые, чтоб не упустить их в другие руки, и для этого не жалейте денег.

Издает указы подобного содержания – предметы старины, древние грамоты и книги, кости вымерших животных, уроды (монстры) население призывали приносить властям, присылать в Кунсткамеру. Из газет люди узнавали о подобных находках, посылках, покупках; вот, к примеру, сообщение из «Московских ведомостей»: «Из Малой России гетман господин Скоропадский прислал сюды в спирте двух монстров, одного мужеска и женска полов, в одном составе сросшиеся, да теленка с двумя головами». Экспонаты доставлял сам Петр из походов, привозили ученые из экспедиций по описанию земель Российской империи, поиску полезных ископаемых. Так, Мессершмидт, уехавший в 1720 году изучать географию Сибири, быт и языки ее народов, присылает оттуда памятники древней истории, быта, чучела животных и птиц. К середине 20-х годов Кунсткамера по количеству коллекций считалась самым богатым музеем Европы.

В публичную библиотеку собирали книги из разных мест. Сюда вошли библиотеки Аптечной канцелярии, переведенной из Москвы, герцога курляндского, выморочные, конфискованные – царевича Алексея, барона Шафирова и др. К 1725 году она насчитывала одиннадцать тысяч томов.

Цели подобного собрания царь определил ясно и недвусмысленно:

– Я хочу, чтобы люди смотрели и учились.

С 1719 года и Кунсткамеру, и библиотеку открыли для всех. Более того, плату за посещение не брали, и предложение на сей счет П.И. Ягужинского, генерал-прокурора, царь отверг самым решительным образом:

– Я еще приказываю не только всякого пускать сюда даром, но если кто приедет с компаниею смотреть редкости, то и угощать их на мой счет чашкою кофе, рюмкою водки либо чем-нибудь иным в самых этих комнатах.

Действительно, на угощения (весьма любопытный способ поощрения любознательности!) он отпустил четыреста рублей в год.

Рядом с Кикиными палатами находилось предприятие, на котором Петр не раз работал. Это – Литейный двор, при нем – мастерские: токарная, лафетная, слесарная, столярная и прочие. Здесь он лично выливал-mortиры, гаубицы. Напротив, через Неву, стояла Петропавловская крепость с собором Петра и Павла, увенчанном высоким шпилем. На Васильевском острове строили каменные здания Двенадцати коллегий, Гостиного двора, трехэтажное – Кунсткамеры.

На правом берегу Невы размещался порт, здесь теснились бесчисленные корабли, большие и малые, под флагами разных стран. В праздничные дни сюда, в черту города, приплывали корабли Балтийского флота – гордости Петра. К 1724 году в нем числилось тридцать два больших линейных корабля и более ста других, меньших по размеру. В этом, как и во многом другом, железная воля Петра сыграла огромную роль – русский флот стал самым сильным на Балтике.

К Петербургу перешла от Архангельска роль главного порта страны. За год до кончины Петра в Петербург пришли сто восемьдесят иностранных кораблей, в Архангельск – пятьдесят. Петербург стал могучим перевалочным пунктом для товаров из Европы в Россию и наоборот. За границу шли кожа и сало, лен и пенька, зерно и крупа, уральское железо и сибирские меха, полотно и парусина; в Россию оттуда – шерстяные и шелковые ткани, стекло и краски, напитки и кофе. Россия, опять же во многом стараниями Петра, имела активный торговый баланс – больше вывозила, чем ввозила; ее мануфактуры, ремесленники к концу первой четверти столетия изготовляли многое из того, что раньше приходилось ввозить из других стран (например, металлы и изделия из них, бумагу и многое другое).

Всем этим можно было гордиться, и, несомненно, Петр гордился. То же – и с людьми, специалистами во всех областях, начиная с управления государством, командования армией и флотом и кончая мастерами на верфях и уральских заводах. Сотни, тысячи таких способных, талантливых и нужных стране людей оставил Петр после себя. Около него самого сложилась когорта славных мужей. Многие они сделали для России, но и сами себя, конечно, не забывали; милости царя – чины и награды, имена и крепостные крестьяне – сыпались на них как из рога изобилия. Правда, и спрашивать царь по службе умел, мог и прогневаться, с глаз прогнать долой, а то и дубинкой поколотить так, что небо с овчинку покажется. Оснований они для недовольства давали предостаточно, и особенно первый среди любимцев – Меншиков. Он доставлял Петру радости и, особенно в последние годы, огорчения.

За свое долгое правление, хотя и недолгую жизнь Петр вырастил около себя многих мастеров, руководителей разного профиля. Одни из них уходили из жизни естественным путем, другие оканчивали жизнь на эшафоте (как, например, казнокрад князь Гагарин, проворовавшийся в Сибири, и др.), третьих царь удалял от себя.

Семья, его понимающая, заботливая жена и дети, домашний очаг и уют, покой и внимание, забота и ласка – все это у Петра было. Но и здесь он испытал удар, последний и, несомненно, очень для него тяжелый. Его жена, «друг сердешненький» Катеринушка, ставшая Екатериной Алексеевной, была его последней надеждой – и по душе, и по мыслям на будущее. Как и Меншиков, вытщенная им из низов «портомоя» стала ему очень необходима в жизни. Люди, наблюдавшие их обоих из года в год, отмечают, что Марта Скавронская, потом – Катерина Василевская, наконец – Екатерина Алексеевна легко и естественно стала подругой, спутницей, женой незаурядного, великого человека – русского царя. Умела держать себя как императрица, и это тоже было натурально, без аффектации, нажима или скованности. Не забывала о своем прошлом, не раз говорила, что была прачкой, и не стыдилась этого, как иные выскочки. Ведет себя жена государя непринужденно и просто. Ей не чужды доброта и отзывчивость, и не раз она спасает того или иного человека от царского гнева, опалы. Петра, нередко впадающего в гнев, ярость, только она может успокоить – доброе слово скажет, погладит по голове, прижмет его молча к груди, и, глядишь, остыл государь, царь-батюшка, и у всех от сердца отлегло.

После смерти сыновей Петр издает (1722 год) указ о наследии престола – вместо «недоброго обычая» автоматического перехода трона от отца к старшему сыну вводится новый порядок: «правительствующий государь» сам, своей волей, назначает наследником того, кого захочет; он может в дальнейшем изменить свое решение и назначить нового наследника. Высшие сановники Российской империи по приказу государя, выслушав указ, клятвой дали обещание выполнить его державную волю.

Кого же назначить наследником? Детей? Это – две дочери: старшая, Анна, просватанная за герцога Голштинского, и младшая, незамужняя, неполных пятнадцати лет. Вручать им руль государственного корабля он не решается. Внук, сын Алексея, царевича-изменника и врага его дел и замыслов, вызывает у него опасения – не пошел бы в отца! Остается жена – близкий и любимый человек, помощница, всюду его сопровождающая. Правда, способностей к делам управления она, прожив с Петром два десятка лет, не обнаружила. Но все-таки Екатерина всегда рядом с ним и его соратниками, и после него, с их помощью, может возглавить государство, продолжить его курс. Так, вероятно, думал и не раз, и не два император в предвидении своей кончины. Отсюда – его манифест 1723 года, в котором он, обосновывая титул императрицы для своей Екатерины, в похвальных тонах говорит о ней как помощнице, не раз испытавшей, как и он, невзгоды переездов и походов; отсюда ее коронация в Москве, торжественная и великолепная, ранней весной следующего года. Присутствует вся знать, все в парадных костюмах, в том числе и император, что с ним редко случается: он в голубом кафтане с серебряным шитьем, в красных шелковых чулках и в белой шляпе. Он возлагает на нее корону; на следующий день поздравляет ее, как один из

генералов. Екатерина, как императрица, жалует графское достоинство Петру Андреевичу Толстому, верой и правдой служившему Петру и России долгие годы.

Быстро прогрессирует болезнь Петра. Но он крепится, не сдается, по-прежнему работает. Иногда лечится. В феврале вместе с Екатериной едет на марциальные воды в Карелию. После торжеств в Москве снова едет пить минеральную воду, обнаруженную на Угодских заводах. Седьмого июня супруга-императрица узнает от него:

– Воды, слава Богу, действуют изрядно, а особенно урину гонят не меньше олонецких; только аппетит не такой, однако же есть.

Не утерпел, пришел в цех, где куют железные полосы, и изготовил их на несколько пудов. Заклеймив свои изделия узнал о плате за такую работу, подсчитал и потребовал выплатить ему заработок. На выданные деньги купил себе башмаки и тем очень гордился – на свои трудовые гроши приобрел.

Вернулся в столицу. Болезнь не отставала. Но натура брала свое – он участвует в спуске фрегата в конце августа, затем, не слушая врачей, направляется в Шлиссельбург на торжества по случаю его взятия (они происходили ежегодно), на Олонецкие заводы, где берет в руки молот, кует железо, в Старую Руссу, где варят соль местные умельцы, на Ладожский канал, который строят до двадцати тысяч горожан и крестьян.

Больным возвращается в конце октября в Петербург. Тогда же случился пожар на Васильевском острове, и он поскакал туда – тушить пожары любил с детства. Пятого ноября был на свадьбе одного булочника-немца. Вскоре его постигает удар, неожиданный и для него страшный, ускоривший, без сомнения, его кончину. Дело связано было с его «сердешненькой» Катеринушкой. Явившись однажды домой, он ее не застал – она была в отъезде. Император пишет ей: «Только в палаты войдешь, так бежать хочетца – все пусто без тебя». Но потом, и довольно быстро, все меняется. Девятого ноября последовал неожиданный арест тридцатилетнего Виллима Монса, брата бывшей фаворитки царя Анны Монс – «Монсихи», как ее называли недоброжелатели. Молодой и щеголеватый камергер Екатерины, он управлял ее вотчинной канцелярией. Берхгольц, как и многие другие, удивлен таким поворотом событий:

– Это арестование... тем более поразило всех своею неожиданностью, что он еще накануне вечером ужинал при дворе и долго имел честь разговаривать с императором, не подозревал и тени какой-нибудь немилости.

Однако все тайное становится явным – поползли слухи, разговоры о предосудительном поведении императрицы, ее интимной связи с арестованным молодцом. Следствие над ним не продолжалось и недели, и палач по приговору суда отрубил несчастному Монсу голову – за взятки от просителей, приходивших к императрице, злоупотребление ее доверием, за казнокрадство. Так выглядела официальная версия, многих не убедившая.

Имя Екатерины в связи с арестом, следствием и казнью, естественно, не упоминалось – жена Цезаря вне подозрений! Она сохраняла спокойствие и невозмутимость, но пыталась, правда, как делала довольно часто, ходатайствовать перед Петром за арестованного. Император в припадке слепого гнева разбил зеркало, очень красивое и дорогое, бросив многозначительную фразу:

– Вот прекраснейшее украшение моего дворца. Хочу и уничтожу его!

Екатерина сдержанно, как всегда в таких случаях, ответила:

– Разве от этого твой дворец стал лучше?

Однако намек, более чем прозрачный, поняла, знала крутой нрав супруга. Беспрекословно поехала с ним, по его приказанию, поглядеть на отрубленную голову своего фаворита.

Инцидент был исчерпан, но добрые и сердечные отношения, царившие в доме, ушли в прошлое, и это не могло не угнетать Петра. Большею частью он лежал в постели, болезнь мучит его. Когда боли проходят или становятся не такими сильными, встает, едет куда-либо, занимается делами. В ноябре присутствует на обручении и свадебных торжествах по случаю замужества дочери Анны – она стала женой герцога Голштинского. Восемнадцатого декабря отмечали день рождения младшей – Елизаветы. Через два дня он уже на церемонии избрания нового «князя-папы», так как умер Бутурлин. Он составляет и редактирует указы и инструкции, в том числе Витусу Берингу, руководителю Камчатской экспедиции, состоявшейся уже после смерти императора. Он очень спешит закончить работу над инструкцией, вынашивая смелые планы, о чем говорит Апраксину:

– Худое здоровье заставило меня сидеть дома. Я вспомнил на сих днях то, о чем мыслил давно и что другие дела предпринять мешали, то есть – о дороге через Ледовитое море в Китай и Индию.

В последние годы много внимания он уделял работе вместе с кабинет-секретарем Макаровым над «Историей Северной войны» – читал, переправлял, переделывал без конца ее текст. Так продолжалось до его смерти.

Скончался он в страшных мучениях 28 января 1725 года – перед тем от болей несколько дней сильно кричал, потом, ослабев, только стонал. Сорок дней его тело оставалось непогребенным, и безутешная Екатерина, провозглашенная императрицей, оплакивала его. Сам император не успел (да и хотел ли?) назначить ее своей преемницей, наследницей. Перед кончиной он слабеющей рукой успел написать на бумаге: «Отдайте все...» – кому? Кто знает...

«...Что се есть? До чего мы дожили, о россияне? – вопрошал на погребении великого императора Феофан Прокопович, один из его любимцев. – Что делаем? Петра Великого погребаем».

Обозревая пройденный Петром и Россией путь, знаменитый проповедник, сподвижник Петра скупыми и яркими мазками охарактеризовал деяния, совершенные покойным государем, и заветы, им оставленные:

«Безмерно богатство силы и славы при нас есть. Какову Россию свою сделал, такова и будет: сделал добрым любимую, любима и будет; сделал врагам страшную, страшная и будет; сделал на весь мир славную, славная и быть не перестанет. Оставил нам духовные, гражданские и воинские исправления».

Скорбь россиян, их гордость тем, что сделали император и его подданные, звучали в словах Феофана Прокоповича 8 марта, в день похорон Петра Великого, которые проходили в Петропавловском соборе. Петра приняла та прибалтийская земля, о которой он мечтал с юношеских лет, борьбе за которую посвятил свою жизнь, и он сошел в нее с печатью глубокого и таинственного раздумья на царственном челе.

Е. Анисимов